

№ 1 (2024)

ВЕСТНИК КАЛУЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 3.

История.

Политика. Право.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

г. Калуга

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ**Казак Максим Анатольевич**, кандидат исторических наук, доцент, ректор КГУ им. К.Э. Циолковского (главный редактор)**Доможир Владимир Викторович**, кандидат экономических наук, доцент, первый проректор КГУ им. К.Э. Циолковского (заместитель главного редактора)**Полякова Мария Александровна**, доктор педагогических наук, профессор, директор Института истории и права**Аксенова Галина Владимировна**, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета**Александров Андрей Юрьевич**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права**Белова Ирина Борисовна**, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Института истории и права**Васильева Татьяна Валентиновна**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права**Дроздов Денис Евгеньевич**, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права**Иванов Виталий Анатольевич**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права**Ильяш Алексей Владимирович**, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права**Кархалев Денис Николаевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры юриспруденции КГУ (профессор кафедры гражданского права Башкирского государственного университета)**Кометчиков Игорь Вячеславович**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права**Курков Владимир Вячеславович**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права**Старостенко Константин Викторович**, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой общей и прикладной политологии Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева**Степанов Вячеслав Петрович**, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН**Тарасова Любовь Валерьевна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института истории и права**Федоров Александр Григорьевич**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права**Штепа Алексей Владимирович**, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права**ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ****Штепа Алексей Владимирович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института истории и права

Адрес редакции:

248023, г. Калуга, ул. Степана Разина, д. 22/48, комн. 605

Тел.: (4842) 50-30-21

Тел.: + 7 953 332 24 53

E-mail: a-v-stepa@yandex.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Бессонов В.В. ХОЛОДНОЕ И ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ РУССКОЙ АРМИИ ПЕРИОДА НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН ИЗ ФОНДОВ КАЛУЖСКОГО ОБЪЕДИНЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА.....	4
Власов А.Е. «СТАРОМУ ИСПЫТАННОМУ СЛУЖАКЕ ВАХМИСТРУ Н. ЮДАКОВУ СПАСИБО...»: К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛИЗМЕ СОТРУДНИКОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ЖАНДАРМЕРИИ	9
Голиков К.А. К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ИДЕОЛОГИИ ОРГАНИЗАЦИИ УКРАИНСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ (ОУН)	14
Гуреев Я.В. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В РАБОТЕ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ПРОЕКТА ПОЛОЖЕНИЯ О ВЫБОРАХ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ 1917 Г.	18
Ковалев А.В. ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЖЕРТВОВАНИЙ В ПЕРИОД РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 ГГ. НА ПРИМЕРЕ СБОРА ПРОДУКТОВ В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ	22
Кукушкин В.М., Штена А.В. НЕМЕЦКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АНТИФАШИСТСКОГО ПОДПОЛЬЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДА РСФСР НА ПРИМЕРЕ Г. КАЛУГИ (ОКТАБРЬ – ДЕКАБРЬ 1941 Г.)	27
Майорова Н.О. АНГЛИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА И СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА	34
Марченко А.Е. ПРЕДЫСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЙ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ И СОЗДАНИЕ АВТОНОМИИ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ	40
Понарин П.В. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСКИХ УЧАСТКОВЫХ НАЧАЛЬНИКОВ В ПЕРИОД ГОЛОДА 1891 – 1892 ГГ. В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ)	47
Резухин П. С. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ТУЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ)	52
Семёнова В.С., Луговой В.В. ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ СССР В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ	56
Тарасов М.О. ПРИКАЗ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ КАК МЕХАНИЗМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА	61

Тарасова Л.В.

ТЕРМИНОЛОГИЯ ОБОЖЕСТВЛЕНИЯ У СВЕТОНИЯ: К ВОПРОСУ О РИМСКОМ ИМПЕРАТОРСКОМ КУЛЬТЕ В I ВЕКЕ НОВОЙ ЭРЫ68

ПОЛИТИКА

Бузилэ А., Луговой В.В.

ПРОЦЕСС И ДИНАМИКА ВЫБОРОВ 2018–2021 ГОДОВ: НА ПРИМЕРЕ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ74

Исайкина В.С., Курков В.В.

ПРИРОДНЫЙ ФАКТОР КАК ОСНОВА ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ПУШТУНОВ: НА ПРИМЕРЕ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТОВ ВОЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ СССР И США В АФГАНИСТАНЕ83

Карпенко А.А., Штена А.В.

АКТУАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ МЕДИАПОЛИТИКИ В КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ НА 2023 ГОД.....88

Курков В.В., Насырова К.И.

ДИАПОЗОН «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РОССИИ СО СТРАНАМИ ПРИБАЛТИКИ98

Толпеко Н.А.

ДИАСПОРАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА КАК ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ В УПРАВЛЕНИИ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ102

ПРАВО

Васильева Т. В.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА, ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ И КОНТРОЛИРУЮЩИХ ОРГАНОВ106

Васильева Т. В., Юрасова Д. П.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОЛЛЕКТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ110

Храмцов А.А., Афонина О.С.

ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В РСФСР114

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ117

ИСТОРИЯ

УДК 94(47).072.5; 908

В.В. Бессонов

ХОЛОДНОЕ И ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ РУССКОЙ АРМИИ ПЕРИОДА НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН ИЗ ФОНДОВ КАЛУЖСКОГО ОБЪЕДИНЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

В статье представлен анализ части собрания Калужского объединенного музея-заповедника, которая содержит предметы холодного и огнестрельного оружия, имеющие определённую связь с Калужским краем и эпохой 1812 г. Этот комплекс поступил в музей более ста лет назад из разных источников и олицетворяет собой героические события периода Наполеоновских войн. Некоторые предметы являются «немыми свидетелями» известных боевых столкновений, произошедших на территории Калужской губернии – Тарутинского и Малоярославецкого сражений, боя под Медынью. Также, часть образцов вооружения имеет прямую связь с Полотняным Заводом, где одно время располагалась Главная квартира русских войск. В статье рассматриваются образцы отечественного вооружения эпохи 1812 г.

Ключевые слова: Калужская губерния, 1812 г., кавалерия, пехота, холодное оружие, огнестрельное оружие, Калужский объединенный музей заповедник.

V.V. Bessonov

COLD STEEL AND FIREARMS OF THE RUSSIAN ARMY OF THE PERIOD OF THE NAPOLEONIC WARS FROM THE FUNDS OF KALUGA UNITED MUSEUM-RESERVE

The article presents an analysis of a part of the collection of the Kaluga United Museum-Reserve, which contains objects of cold steel and firearms that have a certain connection with the Kaluga region and the era of 1812. This complex entered the museum more than a hundred years ago from various sources and embodies the heroic events of the period of the Napoleonic Wars. Some objects are "mute witnesses" of the famous military clashes that took place on the territory of the Kaluga province – the Battle of Tarutino, the Battle of Maloyaroslavets and the battle of Medyn. Also, some of the weapons have a direct connection with the Polotnyanyy Zavod since the main apartment of the Russian troops was located there. The article examines samples of Russian weapons of the 1812 era.

Key words: Kaluga province, 1812, cavalry, infantry, cold steel, firearms, Kaluga United Museum-Reserve.

Эпоха 1812 г. по масштабам и значимости происшедших событий занимает одно из важнейших мест в истории России и Европы. Сведения об этом эпическом времени хранят многочисленные источники, среди которых ведущую роль играют материалы письменного происхождения. Но есть еще один пласт. Это – материальные источники, иначе – предметы, непосредственные участники происшедших событий, которые пережили свое время и сохранили для потомков определенные сведения об эпохе, людях и их деяниях. По прошествии двух столетий большая часть этих «немых свидетелей» оказалась в музейных собраниях, и сегодня в экспозиционных залах они «рассказывают» посетителям о минувших событиях.

Предметы, относящиеся к эпохе 1812 г., хранятся и в фондах Калужского объединенного музея-заповедника. Среди них особое место занимают образцы отечественного вооружения.

В первую очередь, обращает на себя внимание оружие кавалерии. Одним из таких предметов, представляющих собой образец огнестрельного оружия, является кавалерийский штуцер, образца 1803 г., который состоял на вооружении русской армии до введения штуцера образца 1839 г. Данный предмет, по всей видимости, подвергался переделке. Он имеет гранёную полку, характерную для кремнёвых замков XVIII в., линейные размеры штуцера образца 1803 г. и облегченную

ложу, появившуюся после 1820 г. [11, с. 118; 12, с. 86, 346, 398–399].

Штуцер имеет восьмигранный нарезной ствол, на верхней грани которого, у дульного среза, размещена овальная мушка, а у казённой части ствола – прицел с двумя прицельными пластинами. Также, на штуцере смонтирован кремнёвый батарейный замок. Ложа выполнена из березового дерева. С левой стороны ложи имеется погон из стального прута для крепления к панталеру перевязи всадника.

Кавалерийский штуцер был утверждён 2 октября 1803 г., и, вместе с пистолетами (пара на каждого нижнего чина), состоял на вооружении кирасирских и драгунских полков (по 16 на эскадрон), а с 17 декабря 1812 г. – и конно-егерских полков [12, с. 23–25].

Данный предмет происходит из частной коллекции оружия инженера флота А.К. Монеро дю Мэна. Это коллекция, насчитывавшая 46 предметов, в феврале 1918 г. была передана для «временной выставки» в музей «На благое просвещение» им. А.А. Рыжичкина через К.К. Монеро дю Мэна (родного брата владельца, заведующего музеем с 1914 по 1922 гг.). В 1921 г. коллекция была складирована К.К. Монеро дю Мэном в мезонине музея. При оставлении должности заведующего ему 3 марта 1922 г. было предложено в трехдневный срок забрать оружие. Он этого не сделал, и принадлежавшие ему предметы были переданы в Исторический музей (ныне Калужский объединенный музей-заповедник). В 1923 г. К.К. Монеро дю Мэн обратился с просьбой выявить принадлежавшие ему предметы и записать их во временное хранение [3, л. 77–78; 4, л. 1–7; 5, л. 9, 11].

Как упоминалось ранее, на вооружении кавалерии находились также и пистолеты. В собрании Калужского объединённого музея-заповедника сохранилось два кремневых пистолета образца 1809 г. Они состояли на вооружении до принятия нового образца в 1828 г. [12, с. 23–25]. Каждый рядовой и унтер-офицер кавалерийских полков имел пару таких пистолетов, находившихся в кобурах впереди седла (ольстрах). Этот образец широко использовался в Отечественной войне 1812 г., заграничных походах 1813–1814 гг. и 1815 г. и последующих вооруженных конфликтах первой половины XIX в.

Один из пистолетов был произведён на Тульском оружейном заводе в 1826 г. Он имеет круглый в сечении, а в казённой части

– восьмигранный ствол с гладким каналом. На стволе расположена овальная мушка. Кремнёвый батарейный замок до наших дней дошёл с утратами. Берёзовая ложа состоит из цевья и рукояти с набалдашником. На рукояти, на латунной овальной пластине, гравирован вензель императора Николая I под императорской короной. На замочной доске выбито клеймо: «Тула / 1826» (место и время изготовления).

Данный предмет происходит из музея при Калужской Учёной Архивной Комиссии (далее – КУАК). Он был приобретён исполнявшим обязанности председателя КУАК И.Д. Четыркиным 17 августа 1897 г. за 1 рубль и 31 августа доставлен в музей [2, л. 30, 41об.]. Таким образом, пистолет является одним из первых экспонатов музея.

Второй пистолет имеет худшую степень сохранности, по причине того, что был найден на месте калужской пристани и поступил в музей в 1942 г.

Помимо образцов огнестрельного оружия, состоявшего на вооружении кавалерии, в собрании Калужского объединённого музея-заповедника сохранилось несколько образцов холодного оружия, в частности, три сабли лёгкой кавалерии. Все они относятся ко второй половине – последней трети XVIII в.

Первая из них имеет однолезвийный клинок с обухом, широким долем и елманью. Её эфес состоит из деревянной рукояти, обтянутой кожей и перевитой проволокой, и гарды, которая представляет собой прямую плоскую крестовину, один конец которой имеет гранённый наконечник, а другой переходит под прямым углом в фигурную переднюю дужку. На клинке, у пяты с внешней стороны, находится вензель императрицы Екатерины II под короной.

Такого рода сабли состояли на вооружении регулярной русской кавалерии во второй половине XVIII в. и использовались преимущественно гусарами, не только в России, но и в Речи Посполитой, а также в восточных территориях Священной Римской империи. Такие сабли оставались на вооружении нижних чинов лёгкой кавалерии (гусар, уланов) и в период Наполеоновских войн начала XIX в. [6, с. 40; 7, с. 94].

Вторая сабля имеет клинок восточного происхождения и эфес, напоминающий по форме эфес сабли гусарской офицерской, состоявшей на вооружении русской армии в 1770-х – 1790-х гг. На происхождение клинка

указывает то, что он украшен геометрическим орнаментом и арабскими буквами. А отличительной особенностью эфеса является наличие навершия в виде головы льва.

Подобные сабли продолжали использоваться и в начале XIX в., в связи с чем можно предположить, что данный предмет мог принадлежать офицеру гусарского полка в период Отечественной войны 1812 г.

Последняя сабля относится к типу «Vivat Hussar» и имеет вид, схожий с саблей, рассматриваемой выше, за исключением украшения клинка. Так, у данного образца на клинке, у пяты, с обеих сторон гравирован идентичный рисунок, изображающий в центральной части композиции гусара с саблей и на коне, в верхней части – стилизацию в виде ветки с цветами и завитками в стиле «рококо» и надпись в овале «Vt Husar», в нижней части композиции изображена военная арматура.

Сабли типа «Vivat Hussar» были широко распространены в европейском клинковом оружии во второй половине XVIII – начале XIX вв. и были популярны в лёгкой кавалерии многих государств Европы. Сабли этого типа и их подобию производились в большом количестве в Германских государствах, России, Речи Посполитой, Франции и других. Данный предмет также имеет эфес, близкий по форме к сабле гусарской офицерской, состоявшей на вооружении Российской армии в конце XVIII в., и остававшейся в полках в начале XIX в. [8, с. 192].

Первые две сабли поступили в музей до 1936 и до 1923 гг. соответственно, из неизвестных источников, а третья – в 1922 г. через Калужский губернский комитет по делам музеев из усадьбы Гончаровых Полотняный Завод. Этот населённый пункт в период Отечественной войны 1812 г. был местом, куда отошла русская армия после Малоярославецкого сражения и откуда она начала преследование отступавших войск Наполеона. В Полотняном Заводе с 15 по 17 октября располагалась Главная квартира русских войск под командованием М.И. Кутузова. Таким образом, можно предположить, что сабля типа «Vivat Hussar» использовалась русскими войсками и была оставлена в Полотняном Заводе в 1812 г.

Ещё одним предметом, относящимся к вооружению кавалерии, является офицерская шпага образца 1798 г. Эта шпага интересна тем, что её клинок был изготовлен в Германии, в г. Золингене, о чём свидетельствует

клеймо «СОЛННГЕ», находящееся на обухе клинка, у пяты. По самой распространённой версии, подобные клейма ставились производителями холодного оружия в г. Золинген на продукцию, производящуюся по заказу Российской империи [9, с. 252–253]. Эфес, имеющий рукоять и вызолоченную гарду, был изготовлен уже в России и смонтирован с клинком.

Кавалерийская шпага образца 1798 г. в разное время состояла на вооружении генералов, офицеров от кавалерии, офицеров конной артиллерии, адъютантской службы, офицеров военно-учебных заведений, военных чиновников при мундире, а также шпагу разрешили носить при сюртуке и вицмундире. Военные чиновники, аудиторы и лекари при мундире, офицеры при сюртуке и вицмундире продолжали носить этот образец шпаги до 1917 г. Если говорить о первой трети XIX в., то такие шпаги носили вне строя офицеры гвардейских и армейских кирасирских, драгунских полков (до перевооружения их саблями в 1817 г.) и жандармских эскадронов [6, с. 10–11].

Кавалерийская шпага поступила из музея при КУАК в «Губернский Исторический музей» в 1920-е гг., куда была приобретена покупкой И.Д. Четыркиным [2, лл. 1, 14, 30, 40–44, 46].

Помимо образцов, состоявших на вооружении кавалерии, в собрании Калужского объединенного музея-заповедника сохранилось несколько предметов, относящихся к оружию пехоты. Одним из таких образцов является ружьё образца 1798 г., изготовленное на Тульском оружейном заводе в конце XVIII – начале XIX вв. (1798–1807 гг.).

Оно имеет круглый в сечении ствол с гладким каналом. На переднем ложевом кольце расположена мушка. Кремнёвый затарейный замок в процессе бытования утратил некоторые части. Ложа выполнена из березового дерева и окрашена в чёрный цвет. На замочной доске, под полкой, гравирована надпись: «Тула» (место изготовления), а ниже, на фаске замочной доски – «1807» (время ремонта).

Подобные ружья состояли на вооружении пехоты Российской армии в конце XVIII – начале XIX вв. (вплоть до 1830-х гг.). Они широко использовались в период Наполеоновских войн, в том числе и в Отечественной войне 1812 г. Данный предмет имеет линейные размеры, близкие к ружью образца 1798 г. Калибр канала ствола характерен для

первой половины XVIII в., а приемные клейма относятся к 1790 – 1805 гг. Батарейный замок с предохранительным крючком использовался до конца XVIII в. Форма курка с опорным полукольцом соответствует второй половине XVIII – началу XIX вв. К началу XIX в. относится также форма ложевых колец и система их крепления [10, с. 27; 12, с. 8–21]. Следовательно, можно предположить, что ружьё первоначально было изготовлено по образцу 1798 г. и в 1807 г. было отремонтировано на Тульском заводе с использованием годных к эксплуатации частей ружей XVIII в. Таким образом, данный предмет относится к числу «восстановленных» в начале XIX в. пехотных ружей, которые широко использовались в русской армии до 1830-х гг.

Это ружьё было приобретено КУАК 3 февраля 1896 г. за 2 рубля 50 копеек в период сбора предметов для музея, который открылся 20 апреля 1897 г. Данный образец относится к числу первых экспонатов музея [2, л. 1, 30].

К образцам холодного оружия, состоявшим на вооружении пехоты Российской армии, относятся три тесака образца 1807 г., хранящиеся в коллекции оружия и защитного вооружения. Два из них представляют собой переделочные варианты оружия. При латунном эфесе, соответствующем образцу 1807 г., тесаки имеют клинок от более раннего образца – «шпаги с тесачным клинком» (так называли данный вид оружия в XVIII в.) образца 1756 г. [7, с. 174–177].

Первый тесак состоит из стального одностальной клинка незначительной кривизны и латунного эфеса, который включает в себя рукоять с шарообразным навершием и гарду, представляющую собой сердцевидную чашку с передней дужкой. На правой половине чашки, со стороны пяты, выбито полковое клеймо: «СПШ 8Р», а на правой стороне клинка, у пяты, выгравирован вензель императрицы Екатерины II и место изготовления – «Тула». На левой – вензель императрицы и дата изготовления клинка – «1777».

Тесак образца 1807 г. был принят на вооружение нижних чинов пехотных частей Российской армии и просуществовал в войсках до появления тесака образца 1817 г. Данный предмет происходит из усадебной коллекции оружия имения Гончаровых в Полотняном Заводе. Возможно, появление тесака в имении было напрямую связано с событиями 1812 г. на калужской земле. Анализ состава русской армии, действовавшей в Ка-

лужской губернии, позволяет предположить, что полковое клеймо может указывать на принадлежность тесака 8-й мушкетерской роте (3-му батальону) Селенгинского, Софийского, Смоленского или Симбирского пехотного полка [1, с. 140–146].

Второй тесак имеет вид, аналогичный рассматриваемому выше образцу, за исключением гравировки даты изготовления клинка – «1771».

Третий из них представляет собой классический вариант пехотного тесака образца 1807 г., не подвергавшийся переделке. Он был изготовлен в период с 1807 по 1817 гг. и отличается от двух других лишь линейными размерами.

Два последних тесака поступили в музей до 1923 и до 1936 гг. соответственно из неизвестного источника.

Помимо вышеперечисленных образцов, относящихся к вооружению нижних чинов пехотных частей Российской армии, в собрании Калужского объединенного музея-заповедника сохранилась офицерская пехотная шпага образца 1798 г.

Она была произведена в первой половине XIX в. мастером Борисовым (мастер или владелец мастерских, а возможно, владелец магазина офицерских вещей), о чем свидетельствует клеймо «БОРИСОВЪ», выбитое снизу на чашке, со стороны клинка, у пяты.

Офицерская пехотная шпага образца 1798 г. состояла на вооружении пехотных офицеров, офицеров пешей артиллерии, инженерных частей, штабной и адъютантской службы, военно-учебных заведений, военных чиновников, аудиторов и лекарей с конца XVIII в. до 1826 г., когда офицеров в строю стали вооружать пехотной офицерской саблей, образца 1826 г., а шпагу разрешили носить вне строя при сюртуке и вицмундире. Военные чиновники, аудиторы и лекари при мундире, а остальные при сюртуке и вицмундире, продолжали носить этот образец шпаги до 1917 г. [6, с. 8–9; 7, с. 44–46].

Данный предмет поступил в музей из неизвестного источника до 1923 г.

Таким образом, в собрании Калужского объединенного музея-заповедника хранится поступивший более ста лет назад комплекс предметов холодного и огнестрельного оружия, имеющий определённую связь с Калужским краем и эпохой 1812 г. Большую часть собрания составляют предметы, как огнестрельного, так и холодного оружия, относящиеся к кавалерии. В свою очередь, самое

массовое оружие пехоты представлено в собрании тремя образцами, два из которых ведут свою историю еще с последней трети XVIII в. Практически все из оказавшихся в музейном собрании предметов оружия русской армии дошли до наших дней в первоизданном виде, не подвергаясь значительным переделкам для использования вне армии. Исходя из вышесказанного, можно сделать

вывод, что Калужский объединённый музей-заповедник не только обладает представительной коллекцией вооружения эпохи 1812 г., но и хранит уникальные предметы, каждый из которых имеет свою особенную, неповторимую историю и может быть связан с определёнными событиями Отечественной войны 1812 г.

Список литературы:

1. Бессонов, В.А. Коллекция оружия из имения Полотняный Завод / В.А. Бессонов // Калуга в шести веках: Материалы 3-й городской краеведческой конференции. – Калуга, 2000. – С. 140–146.
2. Государственный архив Калужской области (далее – ГАКО). ГАКО. Ф.47. Оп. 1. Д. 12а.
3. ГАКО. Ф. Р-1693. Оп. 1. Д. 5.
4. ГАКО. Ф. Р-2879. Оп. 1. Д. 1.
5. ГАКО. Ф. Р-2879. Оп. 1. Д. 2.
6. Кулинский, А.Н. Русское холодное оружие военных, морских и гражданских чинов 1800 – 1917 гг. Определитель / А.Н. Кулинский. – СПб.: МАГИК-ПРЕСС, 1994. – 184 с.
7. Кулинский, А.Н. Русское холодное оружие XVIII – XX вв. Т. 1. / А.Н. Кулинский. – СПб.: Атлант, 2001. – 384 с.
8. Леонов, О.Г. Русский военный костюм. Эпоха Екатерины II. / О.Г. Леонов. – М.: Фонд «Русские витязи», 2010. – 384 с.
9. Леонов, О.Г., Устьянов, А.Л. Строевое холодное оружие русской армии и флота 1700 – 1881. Справочник / О.Г. Леонов, А.Л. Устьянов. – М.: Фонд «Русские витязи», 2017. – 496 с.
10. Маковская, Л.К. Ручное огнестрельное оружие русской армии конца XIV – XVIII вв.: Определитель / Л.К. Маковская. – М.: Военное издательство, 1992. – 223 с.
11. Маркевич, В.Е. Ручное огнестрельное оружие / В.Е. Маркевич. – СПб. – М.: Полигон/АСТ, 1995. – 592 с.
12. Федоров, В.Г. Вооружение Русской армии за XIX столетие. Т.1. / В.Г. Федоров. – СПб., 1911. – 432 с.

ГБУК КО «Калужский объединённый музей-заповедник», Калуга, РФ

УДК 93; 94(47).083

А.Е. Власов

**«СТАРОМУ ИСПЫТАННОМУ СЛУЖАКЕ ВАХМИСТРУ Н. ЮДАКОВУ
СПАСИБО...»: К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛИЗМЕ СОТРУДНИКОВ
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ЖАНДАРМЕРИИ**

В статье подробно рассматривается служебно-биографическая характеристика Никиты Юдакова – вахмистра Сухиничского отделения Московско-Киевского жандармского полицейского управления железных дорог. Целью автора статьи было введение в научный оборот новых архивных материалов, расширяющих источниковую базу для изучения вопросов, касающихся работы нижних чинов железнодорожной жандармерии, занимавшихся расследованиями преступлений общеуголовного характера на железной дороге против частных лиц. Отмечается высокий профессионализм и профессиональная компетентность служащих железнодорожной жандармерии Калужской губернии, а также их умение эффективно взаимодействовать с чинами сыскной полиции для решения совместных задач. Рассмотрена личная жизнь, имущественное положение и размер денежного довольствия представителя железнодорожной жандармерии. Сделан вывод о полном служебном соответствии жандармского вахмистра Юдакова.

Ключевые слова: вахмистр, железнодорожная жандармерия, жандарм, железная дорога, кража, нижний чин, отделение, преступление, унтер-офицер.

А.Е. Vlasov

**«THANK YOU TO THE OLD EXPERIENCED SOLDIER, SERGEANT N. YUDAKOV...»:
ON THE ISSUE OF PROFESSIONALISM OF THE RAILWAY GENDARMERIE STAFF**

The article examines in detail the official and biographical characteristics of Nikita Yudakov, the sergeant of the Sukhinichi branch of the Moscow-Kiev Gendarmerie Police Department of Railways. The purpose of the author of the article was to introduce new archival materials into scientific circulation, expanding the source base for studying issues related to the work of the lower ranks of the railway gendarmerie, who were engaged in investigations of ordinary crimes on the railway against private individuals. The high professionalism and professional competence of the employees of the railway gendarmerie of the Kaluga province, as well as their ability to effectively interact with the ranks of the detective police to solve joint tasks, are noted. The personal life, property status and the amount of monetary allowance of a representative of the railway gendarmerie are considered. The conclusion is made about the full official compliance of the gendarmerie sergeant Yudakov.

Key words: sergeant, railway gendarmerie, gendarme, railway, theft, lower rank, department, crime, non-commissioned officer.

Жандармские полицейские управления железных дорог (далее – ЖПУЖД) были образованы 9 сентября 1867 года на основании Положения о Корпусе жандармов и непосредственно подчинялись начальнику штаба Отдельного Корпуса жандармов (далее – ОКЖ). Их обязанности заключались в обнаружении и исследовании государственных преступлений, охране внешнего порядка и благочиния и общественной безопасности. В районе железных дорог они заменяли собой общую полицию. К началу Великой российской революции, к февралю 1917 г. численность ЖПУЖД в Российской империи составляло 33. Одним из них было Московско-Киевское ЖПУЖД во главе с начальником и его адъютантом. По штатному расписанию в

данное ЖПУЖД входило 13 отделений, два из которых в 1915 г. были расформированы. Одним из 11 оставшихся отделений было Сухиничское. Его важность заключалась в том, что в территориальном отношении оно относилось к Калужской губернии. Протяжённость отделения составляла 237 км: от 150-го километра до входного семафора станции «Полпинской» с веткой и петлёй к Калуге и ветками к г. Жиздре и р. Оке. Возглавлял отделение жандармский офицер в чине подполковника. Ему подчинялось 20 человек нижних чинов: 1 вахмистр и 19 унтер-офицеров [3. с. 128].

Этим вахмистром был Никита Юдаков. Он родился 14 сентября 1863 г. в селе Волово, Воловской волости, Богородицкого уезда

Тулской губернии в крестьянской семье [2, л. 74]. 8 ноября 1884 г. в возрасте 21 года был призван на военную службу в 12-й сапёрный батальон, из которого, дослужившись до чина фельдфебеля, был 15 ноября 1889 г. уволен в запас [1, л. 1–1об.]. Ещё во время службы в батальоне будущий жандарм встретил свою жену, уроженку того же села Марию Андриановну. Её родители занимались хлебопашеством. 26 июля 1887 г. в семье Юдаковых родились две дочери Елена и Ольга. Впоследствии Елена Никитична Юдакова вышла замуж за кондуктора Сызрано-Вяземской железной дороги (далее – СВЖД) Григория Трофимовича Фадулова и жила с мужем в Калуге на Ямской улице (ныне ул. Ленина) в доме Болховитина. Позже семья вахмистра пополнилась тремя сыновьями и четырьмя дочерьми. Один из сыновей вахмистра – Григорий служил кассиром на станции «Терещинская» Московско-Киево-Воронежской ж. д., а другой сын – Николай служил конторщиком на станции «Калуга», а одна из дочерей – Мария обучалась швейному делу. Ещё одна дочь вахмистра – София обучалась в Косьмо-Дамианском 2 классном приходском училище. В родном селе Волово вахмистр Юдаков имел 9 десятин надельной земли площадью 1280 квадратных сажений, а также небольшие домашние постройки, доставшиеся Юдакову от умершего отца, одну корова и 6 куриц [2, лл. 54–54об.].

Демобилизовавшись из армии, он поступил на сверхсрочную службу в Московско-Брестское жандармское полицейское управление железных дорог, в котором прослужил до 14 августа 1897 г., когда управление было переименовано в Смоленское ЖПУЖД. В том же 1897 г. было образовано Московско-Киевское ЖПУЖД, куда Н. Юдаков и был переведён приказом от 30 сентября [2, л. 45]. 31 октября назначен исправляющим должность вахмистра в Сухиничское отделение [2, л. 45об.]. 6 декабря 1897 г. за охрану железнодорожного пути при проследовании императорского поезда исполняющему должность вахмистра Юдакову было высочайше пожалован 1 руб. 50 коп., о чём свидетельствует запись в денежном журнале в графе переходящих сумм [2, л. 45об.]. В праздничные дни жандармские чины от начальников до подчинённых могли рассчитывать на получение денежных наград. Так, накануне праздника Светлой Пасхи 31 марта 1898 г. исполняющему должность вахмистра Никите Юдакову было выдано 4 рубля, а

накануне Рождества Христова – 5 рублей [2, л. 46]. 19 ноября 1898 г. Никита Юдаков и его коллега из Московского отделения Фёдор Гудков были утверждены в должности вахмистров [2, л. 46об.]. 24 апреля 1900 г. за 10-летнюю сверхсрочную службу в Сухиничском отделении Московско-Киевского ЖПУЖД вахмистру Н. Юдакову была пожалована серебряная медаль на Аннинской ленте с надписью «За усердие». 11 апреля 1901 г. жандармский вахмистр заболел натуральной оспой и был отправлен на лечение в Калужскую земскую больницу, где пролежал до 22 мая. 6 октября 1902 г. император Николай II отправился на манёвры в Курск. За охрану императорского в оба конца ряд начальников отделений ЖПУЖД и нижних чинов получили памятные подарки в виде золотых и серебряных часов с изображением государственного герба Российской империи. В числе получивших столь памятный подарок из рук императора был и вахмистр Никита Юдаков [2, лл. 47–47об.].

Ежегодно все отделения ЖПУЖД проходили ревизии, организованные прокурорским надзором. В личном деле вахмистра Юдакова сохранилось донесение прокурора Калужского окружного суда Ивана Сергеевича Данилова. По заключению главного губернского прокурора, «...при производстве дел о преступлениях, совершаемых в районе Сухиничского отделения... лицам судебного ведомства приходилось убеждаться в образцовом исполнении чинами отделения обязанностей по судебной части». Прокурор особо подчеркнул выдающиеся действия начальника управления подполковника Владимира Петровича Иванова, лично принявшего участие в раскрытии преступлений. Нижним чинам была объявлена благодарность. За отличия по службе в 1903 году вахмистру Никите Юдакову выдали денежную награду в размере 10 рублей [2, лл. 47об.–48].

Об иных заслугах вахмистра Н. Юдакова перед Отдельным Корпусом жандармов рассказывают события, произошедшие в 1904 г. Так, 13 мая 1904 г. на станции «Калуга» СВЖД у пассажирки 2 класса вдовы генерал-лейтенанта М.М. Поливанова Пелагеи Алексеевны Поливановой был украден саквояж с документами и вещами на сумму 150 рублей. Потерпевшая обратилась за помощью к дежурившим на станции унтер-офицеру Ивану Ярошенко и вахмистру Никите Юдакову. По её словам, в момент совершения преступления вместе с ней находился чиновник почто-

во-телеграфного ведомства, исчезнувший в момент обнаружения женщиной пропажи своего имущества. Наведение справок показало, что этот человек являлся начальником Щелкановского почтового отделения Семёном Ивановичем Карповым. Как выяснил вахмистр Юдаков именно этот человек отъезжал с вокзала на извозчике № 342 вместе с неким саквояжем. Юдаков связался по телефону с Калужским городским полицейским управлением и там без труда вычислили местонахождение извозчика и его седока. У последнего и были обнаружен саквояж с вещами, опознанными впоследствии потерпевшей Поливановой. Расследование всех обстоятельств преступления взяла на себя полиция и прокуратура. Генеральша Поливанова, имевшая связи в ОКЖ, обещала похлопотать перед штабом Корпуса о поощрении вахмистра Юдакова и унтер-офицера Ярошенко, быстро и оперативно раскрывшим преступление [2, лл. 2, 2об, 3.].

Начавшийся 1905 год стал тяжёлым для вахмистра Никиты Юдакова. В возрасте 3 лет от воспаления мозга скончался его сын. Семья вахмистра, состоявшая из жены и 8 детей, крайне нуждалась в средствах. Поэтому начальник Юдакова подполковник В.П. Васильев ходатайствовал перед начальником ЖПУЖД о выплате Юдакову единовременного пособия в размере 15 рублей. Ходатайство начальника Сухиничского отделения было удовлетворено. Однако, вместо запрашиваемых Васильевым 15 рублей, вахмистру Юдакову было выплачено 10 [2, л. 4-об., 5]. 29 декабря 1907 г. на 150-м километре потерпел крушение пассажирский поезд №10. По распоряжению начальника Сухиничского отделения Московско-Киевского ЖПУЖД Валериана Васильева для охраны места крушения поезда и поддержания порядка были вызваны в наряд нижние чины отделения. В их числе был и Никита Юдаков. Результативность работы своих подчинённых зафиксировал в своём рапорте подполковник Васильев. По его словам, «... благодаря правильному пониманию своих служебных обязанностей, точному и старательному исполнению его (Васильева) поручений, ... бдительности и распорядительности вахмистра Юдакова, на месте крушения был сохранён полный порядок во время переноса ручной клади пассажиров в другой подвижной состав». В итоге не было зафиксировано ни одного случая кражи имущества пассажиров. Отличились и другие коллеги Юдакова, такие как

Ефрем Вареник и Яков Кобец. В конце рапорта жандармский офицер ходатайствовал перед руководством управления о выдаче каждому из вышеупомянутых нижних чинов по 50 рублей [2, лл. 11–11об.].

Не менее продуктивно чем друг с другом жандармские унтер-офицеры – железнодорожники работали и с чинами Калужской сыскной полицией. В 1908 г. был ограблен кондуктор Поволоцкий. Негласный розыск по делу было поручено вахмистру Юдакову, который через завербованного негласного агента, установил местонахождение предполагаемого участника ограбления кондуктора. Полученные сведения вахмистр передал полицейскому надзирателю сыскного отделения Рождественскому, а тот, в свою очередь, установил секретное наблюдение, в результате которого стало обнаружение большого количества улик, имевших решающее значение для задержания преступника. Не менее результативной была работа вахмистра Юдакова по делу о хищениях частей не действовавшей паровой мельницы, когда на станции «Калуга» СВЖД был пойман с поличным дворник 3-го участка службы пути крестьянин Иван Лазуткин вместе с похищенными деталями мельницы [2, лл. 15–15 об., 16].

14 октября 1909 г. от начальника станции «Калуга» Московско-Киево-Воронежской железной дороги поступило заявление о систематических хищениях из пакгауза 12 мешков разного товара на сумму около 1000 рублей. Была организована оперативно-смешанная группа во главе с начальником Сухиничского отделения Московско-Киевского ЖПУЖД подполковником В.П. Васильевым, начальником калужского сыскного отделения В.В. Данишевским и подведомственными обоим нижними жандармскими чинами и надзирателями сыскного отделения соответственно. В ходе расследования группа вышла на след организованной шайки преступников, состоявшей из пяти мелких торговцев. Главарём и идейным вдохновителем хищений была некая Варвара Никифорова, дочь содержательницы чайной лавки Марии Глухарёвой. В ходе обысков её лавки была обнаружена часть похищенного из пакгауза груза и 5 ящиков чая фирмы «Караван», также ранее хранившихся в пакгаузе. Дочь Глухарёвой Варвара была задержана при 3-ей полицейской части, а материалы дознания были переданы судебному следователю Калужского окружного суда. Следствие по делу Никифоровой продвигалось не про-

сто, поскольку свидетели по делу опасались давать показания на Варвару, опасаясь мести последней, а поэтому посылали анонимные письма на имя подполковника Васильева. Копии этих писем сохранились в личном деле вахмистра Юдакова [2, лл. 32–3 об., 33, 38–38об.]. Но и мать Никифоровой всячески пыталась давить на следствие, добиваясь освобождения дочери, даже писала жалобу на имя самой императрицы Александры Фёдоровны [2, лл. 34–34 об., 35]. Однако, добиться освобождения дочери так и не сумела. В числе особо отличившихся подполковник Васильев указал фамилию Никиты Юдакова. И это ещё не весь перечень успехов жандармского вахмистра.

Нижние чины железнодорожной жандармерии обязаны были владеть телеграфным делом. В 1913 г. в Москву для обучения были направлены вахмистр Никита Юдаков и унтер-офицеры Ольшевский и Кобец. 8 апреля состоялся итоговый экзамен, который удовлетворительно выдержали все три жандарма. Начальник службы телеграфа выдал им соответствующие удостоверения и все трое вернулись к постоянному месту службы каждый на свою станцию [2, л. 64].

Справедливости ради стоит сказать, что несмотря на заслуги перед ОКЖ, вахмистр Юдаков подвергся взысканию. В его личном деле сохранился документ, из которого следует, что 26 марта 1914 г. за утерю инструкции по охране императорских поездов вахмистр по приказу нового начальника Сухиничского отделения подполковника Жадовского был подвергнут аресту на городской гауптвахте на 5 суток [2, л. 69].

Но, несмотря на это обстоятельство, вахмистр Никита Юдаков по своему поведению, нравственным и служебным качествам, знанием и отношением к службе оценивался положительно. Примечательно заключение инспекторского осмотра Сухиничского отделения и его личного состава. Проверяющий подчеркнул хороший внешний вид и строевую выправку, проведение на хорошем уровне строевых занятий, правильную укладку мундиров, отличное состояние одежды, но указал на неумение некоторых унтер-офицеров щегольски носить фуражки. Ревизии подверглась и канцелярия личного состава отделения. В частности, инспектор отметил правильное заполнение начальником отделения записных книжек подчинённых ему нижних чинов. Записная книжка унтер-офицеров общей и железнодорожной жан-

дармерии – аналог современного паспорта и трудовой книжки, куда заносились личные данные нижнего чина, взыскания, благодарности, сумма ежемесячного содержания, размер чайного довольствия, сумма наградных денег и т. д. Объективно этот факт подтверждается наличием в Государственном архиве Калужской области записных книжек всех унтер-офицеров отделения, заполненных аккуратным и красивым почерком подполковника Васильева [2, л. 59–59об.]. Месячное жалование вахмистра Никиты Юдакова составляло 45 руб., амуниционных денег – 4 руб. 66 коп., 14 руб. квартирных денег, от 30 копеек до 3 рублей суточных во время охраны артельщиков, выдававших жалование железнодорожным служащим [1, лл. 11–20об., 22, 23, 24об.–25]. В то же время инспектор отметил внимательное и толковое отношение унтер-офицеров к своим обязанностям. На все заданные инспектором вопросы унтер-офицеры отвечали грамотно и обстоятельно. Как заметил инспектор, «...в ответах видна упорная, личная обстоятельная работа начальника отделения...». Осмотренные служебные помещения отделения по местным условиям оборудованы хорошо и содержались в надлежащем порядке. Канцелярии и дела начальника отделения находились в надлежащем порядке. Несмотря на бытность подполковника В.П. Васильева в 4-месячной командировке отделение продолжало работать продуктивно. В своём заключении инспектор заметил, что «...такой результат мог иметь место только при твёрдой подготовке всех отраслей службы и внутреннего порядка в отделении, а равно при трудолюбивом поддержании этого порядка вахмистром Никитой Юдаковым». В конце инспектор выразил искреннюю благодарность подполковнику В. П. Васильеву за отличную и усердную службу во всех обстоятельствах. Автор считает нужным процитировать последнюю строчку донесения: «Спасибо старому испытанному служаке вахмистру Никите Юдакову» [2, л. 59–59об.].

Таким образом, мы констатируем высокий профессионализм представителей железнодорожной жандармерии Калужской губернии, их отношение к своим профессиональным обязанностям, умение и желание работать. Рассмотренные факты из профессиональной биографии вахмистра Н. Юдакова подтверждают точку зрения автора о необходимости проведения коренных преобразований в правоохранительных структурах

Российской империи. Например, перевод нижних чинов железнодорожной жандармерии в ведомство общей полиции позволил бы

решить многие вопросы, связанные с реорганизацией структуры личного состава полиции.

Список литературы:

1. Государственный архив Калужской области (далее – ГАКО). Ф.784. Оп. 2. Д. 31.
2. ГАКО. Ф. 938. Оп. 2. Д. 34.
3. Список чинов общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов: исправлен по 15 февраля 1916 г. – Пг.: Типография Штаба Отдельного Корпуса жандармов, 1916. – 816 с.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 93; 94(47).084.6

*К.А. Голиков**Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент И.В. Кометчиков***К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ИДЕОЛОГИИ ОРГАНИЗАЦИИ УКРАИНСКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ (ОУН)**

В статье рассматриваются аспекты формирования идеологии ОУН с момента ее возникновения в 1929 г., цели и тактика организации до 1953 г. Лидеры ОУН мечтали о создании независимой Украины на территориях СССР, Польши, Румынии и Чехословакии. Основным методом достижения этой цели стал террор. Из-за невозможности создать государство без внешней помощи, члены ОУН искали поддержки за рубежом и с 1930-х гг. началось их сотрудничество с нацистской Германией. В 1941 г. ОУН распалась на две партии – ОУН (м) и ОУН (б). На начальном этапе Великой Отечественной войны возник конфликт между нацистской Германией и С. Бандерой, но их сотрудничество было возобновлено в 1943 г. В послевоенном СССР украинский национализм был в определённом упадке, но действовали диссиденты в Киеве и Львове.

Ключевые слова: Украина, национализм, ОУН, С. Бандера, А. Мельник, нацистская Германия, Гитлер.

*K.A. Golikov**Supervisor of studies – Candidate of Historical Sciences, docent I.V. Kometchikov***ON THE FORMATION OF THE IDEOLOGY OF THE ORGANIZATION OF UKRAINIAN NATIONALISTS (OUN)**

The article examines the aspects of the formation of the OUN ideology since its inception in 1929, the goals and tactics of the organization until 1953. The leaders of the OUN dreamed of creating an independent Ukraine on the territories of the USSR, Poland, Romania and Czechoslovakia. Terror has become the main method of achieving this goal. Due to the impossibility of creating a state without external assistance, members of the OUN sought support abroad and since the 1930s their cooperation with Nazi Germany began. In 1941, the OUN was divided into two parties – the OUN (m) and the OUN (b). At the initial stage of the World War II, a conflict arose between Nazi Germany and S. Bandera, but their cooperation was resumed in 1943. In the post-war USSR, Ukrainian nationalism was in a certain decline, but dissidents operated in Kiev and Lvov.

Key words: Ukraine, nationalism, OUN, S. Bandera, A. Melnik, Nazi Germany, Hitler

Сегодняшние события на Украине требуют беспристрастного обращения к истории XIX–XX вв., когда там возникло националистическое движение. Одной из националистических организаций стала Организация украинских националистов, действовавшая с 1929 г. В настоящее время она внесена в список экстремистских и террористических организаций. Стоит обратиться к изучению основных этапов её деятельности в период 1929–1953 гг., идеологии, целям и методам.

После разрушения Российской империи в 1917 г. украинцы, участвовавшие в Первой мировой войне, не смогли создать своего государства, что вызвало в их рядах определённое разочарование [6, с. 44]. Галиция в 1920-е гг. была оккупирована Польшей, и в этой области возник ряд украинских националистических организаций, которые в

1929 г. были объединены в Организацию украинских националистов – ОУН. Это произошло на конгрессе в Вене 28 января-3 февраля 1929 [7, с. 124]. ОУН появилась на базе профашистских и радикальных националистических группировок; её создателями были украинские ультраправые, а её главой стал ветеран Первой мировой войны Евгений Коновалец [6, с. 44]. Но с самого начала возникновения ОУН между её членами шла борьба за власть. Е. Коновалец был убит в Роттердаме П.А. Судоплатовым с помощью взрывного устройства [5, с. 228]. В августе 1939 г. на Втором большом соборе ОУН её лидером был избран Андрей Мельник, что не устроило Степана Бандеру. Если А. Мельник собирал Второй большой собор ОУН, то С. Бандера созвал II Великий собор ОУН 10 февраля 1940 г., где был провозглашён един-

ственным лидером. Это разделение ОУН на два крыла было совершенно невыгодно нацистской Германии. Встреча С. Бандеры и А. Мельника состоялась 5 апреля 1940 г. под строгим контролем немцев, которые стремились примирить двух лидеров украинского национализма [9, с. 22–23].

В 1941 г. ОУН раскололась на две части: ОУН (б), возглавляемую Степаном Бандерой, и ОУН (м), лидером которой стал Андрей Мельник. Первая из них была более экстремистской, а вторая сотрудничала с немецким оккупационным режимом. ОУН (б) и ОУН (м) были враждебно настроены друг к другу, несмотря на схожесть идеологии – национализм, экстремизм и расизм [6, с. 44–45]. Территория Украины была многонациональной, но члены ОУН делили все народы, проживающие на её территории на две группы. К первой относились «лояльные нам (ОУН – Авт.), собственно члены все ещё угнетенных народов», ко второй – «враждебные нам – москали, поляки и жида». Первой группе принадлежали такие же права, как и украинцам [10, с. 103]. ОУН (б) была более склонной к использованию методов террора против других народов, которые в документах назывались: «поляки, москали и жида» [1, с. 93].

Идеология ОУН была основана на украинском интегральном национализме [8, с. 676] и на антилиберализме, антикоммунизме и антиконсерватизме. По мнению её членов, общество должно быть тоталитарным, а правящая партия – вооружённой. Кроме этого, большое значение имел принцип вождизма [6, с. 45]. Самому Степану Бандере нравился принцип вождизма, но этого не одобряли в нацистской Германии. Там фюрером (вождем) считали Гитлера, а существование двух фюреров противоречит идее единоличного лидерства [9, с. 17]. Ещё один важный элемент идеологии ОУН – антисемитизм. И хотя изначально ОУН не видела в евреях врагов Украины, с 1933 г. взгляд на них изменился, и евреи были причислены к вражеским народам [8, с. 677]. В целом, идеология ОУН сформировалась под влиянием националистических идей Дмитрия Донцова, итальянского фашизма, концепции Фридриха Ницше о сильной воле и германского национал-социализма. Это было время распространения идей фашизма в Европе [3, с. 241]. Труды национал-социалистов и фашистов были переведены Д. Донцовым на украинский язык. Лозунгами

ОУН стали «Нация над всем» и «Украина для украинцев» [6, с. 45]. Сам же Д. Донцов был теоретиком интегрального национализма, который базировался на социал-дарвинизме, вождизме и расизме [10, с. 102]. Ещё одним идеологом украинского националистического движения был Михаил Колодзинский, написавший книгу «Украинская военная доктрина» [2]. Б.В. Сафронов, цитируя её, отмечает, что автор мечтал не только о создании независимой Украины, но и стремился превратить эту страну в империю [9, с. 20–21]. Этот же идеолог национализма разработал план восстания, которое должно было иметь национальную окраску и вспыхнуть после начала войны [8, с. 677].

В ОУН получила распространение и развитие расовая теория. Национальность приверженцы ОУН понимали как биологическую особенность организма. Среди концепций ОУН о создании украинского государства была и мысль о запрете межнациональных браков [6, с. 46].

Как только ОУН возникла, её лидеры стремились сочетать и легальную, и нелегальную работу. Но с 1930 г. её деятельность стала исключительно подпольной, поскольку стала господствовать идея «Перманентной революции» [8, с. 677]. Члены ОУН прекрасно понимали, что невозможно обеспечить революцию собственными силами, и им потребуется помощь от других государств. Международное положение ОУН было довольно сложным. В конце 1920-х-1930-е гг. очередная мировая война казалась неизбежной. У лидеров ОУН были сомнения в выборе государства – союзника: СССР, Польша, Германия, или Британия. Осенью 1935 г. началось сближение Германии и Италии (в обеих странах сложились фашистские режимы), и лидеры ОУН стали ориентироваться на страны «Оси» (в первую очередь, на нацистскую Германию) [8, с. 676]. Главной целью ОУН было создание независимой Украины. По замыслу украинских националистов, территория Украины должна была включать все земли, где проживали украинцы: чехословацкие, польские, румынские и советские. Ещё одной целью ОУН была провозглашена защита украинцев от эксплуатации, дискриминации и репрессий со стороны правительств СССР и Польши [10, с. 102]. В годы Великой Отечественной войны, после раскола ОУН на два крыла, тактические методы двух группировок были различными: ОУН (м) была настроена на сотрудничество с

немцами, а ОУН (б) вела себя более независимо, будучи более многочисленной и сильной организацией, чем ОУН (м). [6, с. 45].

М. Колодзинский видел задачи ОУН во время восстания следующими: 1) поднять восстание на всех украинских землях; 2) организовать его и создать из повстанческих масс Украинскую националистическую армию; 3) распространить и закрепить свою власть на украинских землях; 4) уничтожить враждебные силы и перенести войну на вражеские земли. Итогом восстания должен был быть парад украинских войск в обеих враждебных столицах – Москве и Варшаве [2]. Лидер ОУН (б) Степан Бандера мечтал о создании независимой Украины, которая будет признана нацистской Германией. В самой же Германии не было единого взгляда на этот вопрос: имперский министр восточных оккупированных территорий Альфред Розенберг и руководство Абвера (орган военной разведки и контрразведки нацистской Германии) считали, что нужно создать ряд буферных государств (среди них и независимую Украину). Но Адольф Гитлер и его соратники стремились проводить колониальную политику на территории Украины. Это привело к ухудшению отношения к ОУН (б) со стороны местного населения [6, с. 46]. Б.В. Сафронов отмечает, что Гитлер считал ОУН слугами, а не союзниками [9, с. 17].

Когда немцы 30 июня 1941 г. захватили Львов, члены ОУН провозгласили независимость Украины. Это привело к конфликту с гитлеровской Германией, и некоторые лидеры ОУН были отправлены в заключение [9, с. 17]. 5 июля 1941 г. Степан Бандера был арестован и отправлен под домашний арест в Берлин [3, с. 241]. Его несколько раз перевозили из одного места заключения в другое, пока не освободили в октябре 1944 г. во время наступления Красной Армии. После этого было возобновлено сотрудничество между Степаном Бандерой и нацистской Германией [6, с. 46–47]. В период поражений Германии Бандера вновь стал нужен для борьбы против Красной Армии и партизан, и для этой цели его освободили из тюрьмы [9, с. 19]. Несмот-

ря на арест лидера, многие из членов ОУН продолжали сотрудничество с нацистами до 1943 г. Е.В. Килимник оценивает это как псевдо-конфликт между ОУН и нацистской Германией. Контакты между этими сторонами продолжались и после войны [6, с. 46–47].

После Великой Отечественной войны украинский национализм был в состоянии упадка. Некоторые лица, возглавлявшие ОУН, эмигрировали в капиталистические страны (западную Европу, США, Канаду). Но и в период 1945–1953 гг. были украинские диссиденты, выступавшие против русификации УССР. Большинство из них действовало в Киеве и Львове, хотя они были выходцами из разных областей Украины [4, с. 73].

Подводя итоги, можно прийти к следующим выводам. В 1929 г. возникла организация украинских националистов ОУН на базе некоторых националистических и фашистских организаций. Идеология ОУН базировалась на украинском интегральном национализме и на антилиберализме, антикоммунизме, антиконсерватизме и антисемитизме. Целью ОУН было создание независимой Украины на территориях СССР, Чехословакии, Польши и Румынии. Все народы, проживающие в этом регионе, были поделены на две группы – лояльные и враждебные; к последней относились русские, поляки и евреи. В 1941 г. ОУН разделилась на две группы – ОУН(б) и ОУН(м), их лидерами стали, соответственно, С. Бандера и А. Мельник. Несмотря на схожую идеологию, они были враждебно настроены друг к другу. ОУН(б) стремилась к созданию независимой Украины, а ОУН(м) сотрудничала с нацистской Германией. Во время Великой Отечественной войны между С. Бандерой и нацистской Германией был конфликт, и тогда С. Бандера был заключён в тюрьму. После коренного перелома в Великой Отечественной войне Бандера был освобожден для борьбы с Красной Армией. В послевоенном СССР украинский национализм находился в состоянии упадка, хотя в Киеве и Львове действовали диссиденты.

Список литературы:

1. Колодзінський, М.Ф. Військова доктрина українських націоналістів / М.Ф. Колодзінський. – Киев: Основа, 2019.
2. ОУН в 1941 році: документи. В 2 ч. / Відп. ред. С.В. Кульчицький. – Київ: Ін-т історії України НАН України, 2006. – 336 с.
3. Безродный, Е.Ф. С. Бандера // Без права на реабилитацию (Сборник публикаций и документов, раскрывающих антинародную фашистскую сущность украинского национализма и его апологетов) / Составители и соавторы: Войцеховский А.А., Дыгас Ж.Т., Ткаченко Г.С. – Киев, 2006. – С. 240–250.
4. Белашенко, Д.А., Цымбалова, А.Е. Особенности возникновения и развития украинского национального движения в середине XIX – конце XX вв. / Д.А. Белашенко, А.Е. Цымбалова // Научные ведомости. Серия История. Политология. – 2018. – № 5 (41). – С. 69–76.
5. Войцеховский, А.А. Е. Коновалец // Без права на реабилитацию (Сборник публикаций и документов, раскрывающих антинародную фашистскую сущность украинского национализма и его апологетов) / Составители и соавторы: Войцеховский А.А., Дыгас Ж.Т., Ткаченко Г.С. – Киев, 2006. – С. 219–231.
6. Килимник, Е.В. Националистическое движение ОУН – УПА в годы ВОВ и послевоенный период, его идейное наследие сегодня / Е.В. Килимник // Теория и практика мировой науки. – 2020. – № 11. – С. 43–55.
7. Пиотровский, Т. Украинские националистические организации и их сотрудничество с нацистской Германией / Т. Пиотровский // Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. – 2015. – № 3 (26). – С. 123–145.
8. Половинец, А.Н. Политическая стратегия ОУН до начала второй мировой войны / А.Н. Половинец // Развитие методологии современной экономической науки и менеджмента. Материалы I Междисциплинарной Всероссийской научно-практической конференции. – Севастополь: ФГАОУ ВО Севастопольский государственный университет, 2017. – С. 676–678.
9. Сафронов, Б.В. Организация Украинских националистов (ОУН) – от национализма к фашизму / Б.В. Сафронов // Вестник Северо-восточного государственного университета. История. – 2022. – № 1 (3). – С. 16–23.
10. Черкасов, А.А., Кринко, Е.Ф., Шмигель, М. Украинский национализм в годы второй мировой войны: природа и проявления / А.А. Черкасов, Е.Ф. Кринко, М. Шмигель // Русин. – 2015. – № 2 (40). – С. 98–118.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 93; 94(47).084.1

*Я.В. Гуреев**Научный руководитель – В.В. Луговой*

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В РАБОТЕ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ПРОЕКТА ПОЛОЖЕНИЯ О ВЫБОРАХ В УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ 1917 Г.

1917 год стал знаменательным для российского законодательства. Данная эпоха охарактеризовалась крушением старой и строительством новой политической системы России. Именно в этот период произошли масштабные политические преобразования, которые полностью перестроили институт российского представительства.

В данный период особенно актуализировался национальный вопрос из-за многонационального состава России 1917 г. В связи с этим перед Временным правительством стояли задачи построения новой эффективной системы российского представительства так, чтобы различные национальности внутри страны смогли принимать участие в выборах. В данной статье анализируются национальные вопросы в работе структуры Временного правительства по подготовке к выборам 1917–1918 гг. – Особого совещания.

Ключевые слова: Учредительное собрание, Особое совещание, национальный вопрос, Положение о выборах в Учредительное собрание.

*Y.V. Gureev**Scientific supervisor – V.V. Lugovoy*

THE NATIONAL ASPECT OF THE WORK OF A SPECIAL MEETING FOR THE PREPARATION OF THE DRAFT REGULATIONS ON ELECTIONS TO THE CONSTITUENT ASSEMBLY OF 1917.

The year 1917 was significant for Russian legislation. This era was characterized by the collapse of the old and the construction of a new political system in Russia. It was during this period that large-scale political transformations took place, which completely rebuilt the institution of the Russian representation.

During this period, the national question was especially relevant due to the multinational composition of Russia in 1917. In this regard, The Provisional Government was faced with the task of building a new effective system of Russian representation so that various nationalities within the country could participate in the elections. This article analyzes national issues in the work of the structure of the Provisional Government in preparation for the elections of 1917–1918 – the Special meeting.

Key words: The Constituent Assembly, a Special meeting, the national question, the Regulations on elections to the Constituent Assembly.

Особое совещание для изготовления Положения о выборах в Учредительное собрание — это государственное учреждение периода Временного правительства, созданное 25 марта 1917 г., главной целью которого являлась разработка нормативной базы для выборов в Учредительное собрание [1].

В постановлении от 10 мая 1917 г. Временное правительство указало на необходимость скорейшего созыва Учредительного собрания, для решения данной цели ставилась задача ускорения созыва Особого совещания для изготовления Положения о выборах в Учредительное собрание.

25 мая 1917 г., после окончательного утверждения состава Совещания состоялось первое заседание, на котором был принят Наказ Особого совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание. В Наказе было подробно регламентированы порядок голосования, работы комиссий Совещания, порядок обсуждения вопросов, время работы Совещания и другие организационные вещи [1].

В ходе работы Особого совещания были приняты важнейшие для страны решения: об организации выборов в Учредительное собрание по пропорциональной системе,

установлении максимального числа депутатов Учредительного собрания в 800 человек, образовании избирательных округов на основе административных границ и установлении особых избирательных округов в Москве и Петрограде, предоставлении избирательных прав женщинам, военнослужащим, установлении возрастного ценза в 20 лет и др.

Одной из наиболее актуальных тем в работе Совещания был национальный вопрос. В каждом заседании Совещания так или иначе поднималась данная тема, что говорит о её весомости. В начале XX века в России числилось более 200 народов и этнических групп, большинство из которых имели «призрачные» права. Их представители не имели полноценного права на землевладение, права на самоуправление, права на полноценное образование на родном языке и т. д. Также стоит отметить, что представители различных народов России имели разные ценности и нормы, которые в одной местности могли восприниматься позитивно или нейтрально, а в другой сугубо отрицательно. В данной ситуации перед Совещанием стояла важнейшая задача: подготовить законодательную базу так, чтобы та не нарушала интересы ни одного из народов России.

В результате работы Совещания участниками было принято решение о создании комиссии об окраинах и избирательных округах, которая занималась урегулированием законодательства с учётом местной специфики. В ходе заседаний Совещания поднимались такие принципиальные моменты, связанные с национальным вопросом, как: пригодность пропорциональной и мажоритарной системы в условиях многонациональной России, выдвижение кандидатов на выборах с учётом местной специфики, количество кандидатов от региона, демократическая организация выборов, организация работы органов местного самоуправления, и т. д. По ходу обсуждения данных вопросов участники Совещания выражали разные точки зрения и не всегда сходились во мнении.

Соответствие будущего законодательства с национальными интересами различных групп внутри России являлось первостепенной задачей. Окраины России имели уникальные бытовые, племенные, экономические, географические особенности, которые были совершенно отличны от условий Европейской части России, что делало сложно-реализуемым не только процесс законодательства, но и сохранения там власти после

Февральской революции. Некоторая часть участников Совещания не придавала большого значения данной комиссии, однако большинство осознавало её важность.

В работе Совещания принимали участие представители от национальных меньшинств: Мухаммедиаров Шакир Зарифович (от мусульман), Габриельянц Арташес Баласьевич (от армян), Ханхаеаев Николай Алексеевич (от бурят), Богданович Геннадий Васильевич (от национального белорусского Комитета), Ткаченко Михаил Степанович (от украинцев), Рубель Петр Яковлевич (от эстонцев) и др. [3, с. 16]. Каждый из перечисленных представителей выражал интересы той или иной национальной группы, в т.ч. в обсуждении и принятии тех или иных решений в соответствии с представлениями о них его народа.

В ходе работы данной комиссии обозначилась одна из главных её целей – достижение компромисса между народами и нарушение интересов ни одной национальной группы. По ходу обсуждения важнейших вопросов для той или иной местности на заседаниях Совещания обязательно приглашались представители местного населения для выражения своей позиции. Так, к примеру, 8 июня 1917 года в ходе обмена суждений о способах производства выборов на Кавказе Комиссия о выборах на окраинах приняла решение включить представителей мусульманского населения Закавказья в работу по данному вопросу [1, с. 2].

В работе Совещания помимо всего прочего на её участников была возложена важнейшая для страны задача выявления пригодности и принятия пропорциональной или мажоритарной системы выборов для будущего созыва Учредительного собрания России. В ходе решения данной задачи участники Совещания не имели единой позиции, весь состав разделился на два лагеря: сторонники мажоритарной системы и сторонники пропорциональной системы, сторонники смешанной системы выборов. В контексте национального вопроса данные системы рассматривались совершенно с разных сторон. Каждая местность в России имела свои характерные особенности, национальный состав, разный уровень политической и правовой культуры населения. В связи с этим будущее законодательство этих регионов, обладавших своей уникальной спецификой и имеющих конкретные препятствия для осуществления там правотворчества.

В отношении большинства регионов Комиссия о выборах на окраинах приняла решение организовать там выборы на территориальной, а не национальной основе, посчитав, что всеобщее равное участие в выборах и пропорциональность системы выборов обеспечат эффективное проведение представителей значительных и организованных групп окраинного населения в представительные органы власти России. По этой причине Комиссия отклонила заявления некоторых групп как русского, так и инородческого населения о выделении их регионов в особые национальные округа или курии при голосовании [1, с. 5].

Касаемо местностей со сложным национальным составом Комиссия посчитала верным организацию выборов на национальной основе. Такими регионами стали: Кавказ и Закавказье, Астраханская губерния, Степной край, Туркестан, Сибирь. Однако в обсуждении некоторых малонаселённых районов вышеназванных территорий, к примеру Якутской и Камчатской области, Комиссия, наоборот, посчитала организацию выборов на территориальной основе, а не на национальной, более эффективной. На таких территориях вводилась мажоритарная система выборов, а минимум населения, дающего право для избрания одного депутата, сокращался [1, с. 5–6; 2, с. 3].

Что касается обсуждения ситуации по системе выборов в целом по стране, Совещание вело активную дискуссию по данному вопросу. Так член совещания М.С. Аджемов высказывал мысль, что в России нужна смешанная системы выборов. Он утверждал, что такая система ведет к искажению политической справедливости.

Некоторые члены совещания вовсе были против подхода, в котором определяющим фактором организации будущих выборов был бы национальный вопрос, например, И.В. Яшунский. Он предлагал решать этот вопрос не только законодательскими способами. Помимо данных мер, И.В. Яшунский предлагал провести Всероссийскую перепись населения и в некоторых случаях составлять списки по фамилии, имени, отчеству и национальности [3]. Это свидетельствовало о том, что работа Совещания не ограничивалась только лишь законодательской деятельностью, но и в некоторых случаях выходила за её рамки.

Совещание отвечало и за все процедурные вопросы, связанные с выборами. К

примеру, одним из решённых Совещанием вопросов, было решение о использовании местных языков при печатании правительственными органами избирательных записок. Согласно решению, текст таких записок должен был быть на русском языке, а группе, заявившей той или иной список, предоставлялась возможность требовать, чтобы в соответствующую избирательную записку был включён перевод этого списка на указанный местный язык, и, в случае заявления такого требования, группа была обязана заблаговременно представить перевод списка и указать технически выполнимый на месте способ его напечатания. Делопроизводство же велось на русском языке в окружных и уездных комиссиях, а в участковых допускалось в случае крайней необходимости на местном языке с обязательным переводом на русский язык.

Совещание учитывало и бытовые условия при подготовке выборов. Так Совещание приняло решение пополнять четырьмя женщинами участковые избирательные комиссии в районах Туркестана и Закавказья с мусульманским населением, где женщины по бытовым условиям были стеснены в осуществлении избирательных прав совместно с мужчинами [1, с. 2].

Также стоит сказать, что Особое совещание рассматривало и географические условия, от которых зависела эффективная реализация избирательных прав. В одном из своих заседаний Совещание изучало вопросы проведения выборов в районах Северного Кавказа. Участниками было выражено мнение, что массовое передвижение местного населения в горных районах для участия в голосовании было нереализуемо. В такой ситуации местное население находилось под риском потерять более половины своих избирательных голосов. В таких районах Совещание разрешило применение подвижных ящиков во время голосования.

В итоге обсуждения выборной системы Совещание приняло решение установить пропорциональную систему выборов как общее правило, за которую проголосовало 27 из 36 человек. В ходе работы данная система подвергалась корректировкам, в т.ч. было зафиксировано использование связанных списков на выборах, а также положение о том, что голосование должно проводиться по нескольким одномандатным округам, а не по единому избирательному округу. Кроме того, в 12 малонаселённых территориях (Якутская,

Камчатская области, Олонецкая, Архангельская губернии, и т. д.) была установлена мажоритарная выборная система [2, с. 6; 4, с. 408–409].

Таким образом, национальный вопрос имел первостепенную значимость при подготовке новой законодательной базы. Временное правительство предприняло попытку разрешить национальные, культурные, географические, этнические, исторические, политические, бытовые и др. противоречия. С этой целью оно организовало работу Особого совещания для изготовления Положения о выборах в Учредительное собрание, которое выработало решение множества немаловажных как для всей страны в целом, так и для населения российских окраин вопросов. Общества, в которых существуют институты, способствующие стабильной национальной консолидации, обеспечивают лучшие общественные блага и социальный мир. Времен-

ное правительство впервые в истории России приняло меры по созданию таких институтов. Как показало исследование, взаимодействие между институциональной структурой и различными слоями населения, в т. ч. различающимися по своим национальным признакам, внутри России имело важное значение для выявления причин и последствий различных конфликтов внутри страны. Работа Особого совещания как института позволила выявить различные проблемы внутри российского общества 1917 г., а также разработать некоторые меры по их решению. Однако в нестабильный период 1917 г. работа Временного правительства и его учреждений по данному направлению оказалась недостаточно эффективной, что, в свою очередь, не привело к должной стабилизации внутри российского общества.

Список литературы:

1. Известия Особого Совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное Собрание. – 1917. – № 16.
2. Известия Особого Совещания для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное Собрание. – 1917. – № 34.
3. Особое Совещание для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное Собрание. Справочник. 1917 г. Составлен по 30 июня 1917 г. – Пг.: Типография Министерства внутренних дел, 1917. – 86 с.
4. Россия (1917, февраль–октябрь). Особое совещание для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание. Стенографический отчет Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание. Заседание VI. 30 мая 1917 г. – Пг.: Б. и., 1917. – С. 408–409.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94(47).083.4; 908

*А.В. Ковалев***ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЖЕРТВОВАНИЙ В ПЕРИОД РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 ГГ. НА ПРИМЕРЕ СБОРА ПРОДУКТОВ В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ**

В статье рассматриваются подготовка и проведение сбора пожертвований продуктами в Калужской губернии в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. Установлено, что среди разных социальных слоёв существовало стремление к пожертвованиям, то есть имел место определённый уровень поддержки армии и правительства со стороны населения провинции. Вместе с тем сбор продуктов встретил трудности, вызванные как объективными проблемами, так и недостаточной распорядительностью руководства разных уровней – от центрального до местного.

Ключевые слова: Калужская губерния, организация, пожертвования, провинция, Российская империя, Русско-японская война 1904–1905 гг., сбор продуктов.

*A. V. Kovalev***ORGANIZATION OF DONATIONS DURING THE RUSSIAN- JAPANESE WAR 1904–1905 ON THE EXAMPLE OF FOOD COLLECTION IN THE KALUGA PROVINCE**

The article examines the preparation and collection of food donations in the Kaluga province during the Russian-Japanese War of 1904–1905. It was established that among different social strata there was a desire for donations, that is, there was a certain level of support for the army and government from the population of the province. At the same time, the collection of products met difficulties caused by both objective problems and insufficient orderliness of management at various levels - from central to local.

Key words: Kaluga province, organization, donations, province, Russian Empire, Russian-Japanese war of 1904–1905, collection of products.

Во время военных конфликтов население нашей страны, как правило, выражало свою поддержку правительству и вооружённым силам путем пожертвований. Не стала исключением и Русско-японская война 1904–1905 гг. – несмотря на то, что традиционно о ней принято было говорить, как о войне, не встретившей никакой поддержки населения. В данной статье на примере сбора продуктов в Калужской губернии мы рассмотрим, как региональными властями был организован процесс пожертвований, насколько живо отреагировало население провинции на предложение о пожертвованиях (следовательно, насколько проявилась поддержка армии со стороны населения), каковы результаты усилий по организации пожертвований и в чём причины именно таких итогов.

Итак, в ходе войны на Дальнем Востоке в действующей армии обнаружилась нехватка самых разных продуктов. С призывом жертвовать припасы выступила центральная власть и близкие к ней организации. Императорское Российское Общество плодоводства при поддержке Министерства земледелия и государственных имуществ предложило организовать «сбор пожертвований продуктами

плодоводства и огородничества» в пользу воинов, в первую очередь, больных и раненых. Летом 1904 г. при обществе образовалась Комиссия по сбору пожертвований под председательством П. Смородского. Предполагалось опереться на местные отделы общества, добрую волю землевладельцев и «вообще сельских хозяев». Министерство внутренних дел обеспечило поддержку губернаторов: 23 июля 1904 г. вышел соответствующий циркуляр сенатора П.Н. Дурново, исполнявшего обязанности министра [1, л. 1, 3–5, 8, 32].

Архивные материалы – документы Канцелярии калужского губернатора – позволяют увидеть, как эта инициатива реализовывалась в провинции. 3 августа 1904 г. калужский губернатор А.А. Офросимов разослал циркуляр для полицмейстера и уездных исправников. Предписывалось предложить населению, как «известным» лицам, так и всем садоводам, и огородникам, принять участие в сборе продуктов [1, л. 2].

Ещё в июне 1904 г. общество плодоводства выпустило извещение, подписанное товарищем председателя А. Добряковым. Однако до провинции извещение добралось

не скоро: канцелярия калужского губернатора получила его только к осени 1904 г. В извещении были названы наиболее необходимые продукты: «Из овощей – капуста, свекла, морковь, лук, хрен, горох и бобы; из плодов – яблоки, груши, сливы, вишни, абрикосы; из ягод – черника, малина и земляника и, наконец, грибы». Из-за отдалённости театра военных действий рекомендовалось сдавать припасы в сушёном виде и специально упакованными. При невозможности произвести сушку, продукты принимались и в сыром виде. На сборных пунктах пожертвования должен был регистрировать заведующий, имена жертвователей обещали опубликовать в отчёте общества в журнале «Плодоводство». Но сведений о местоположении сборных пунктов в извещении не было, поэтому продукты должны были временно храниться у самих жертвователей [1, л. 6, 7, 8].

Также обществом в августе 1904 г. была выпущена брошюра «Краткие сведения по сушке плодов и овощей». В канцелярию губернатора эта брошюра попала в сентябре. В ней содержались советы по сушке и упаковке продуктов. Авторы и предлагали новейшие приспособления, и делились традиционными секретами домохозяек (например, что для извлечения косточки из вишни лучше всего использовать обычную дамскую шпильку). В брошюре содержалась информация о местоположении сушильно-сборных пунктов (всего 63) и сборных пунктов (всего 27). Однако, к несчастью, в списке не было ни одного пункта, который находился бы на территории Калужской губернии. Впрочем, такие пункты имелись в соседних губерниях: в Тульской – 2 сушильно-сборных пункта, в Смоленской – 1 сушильно-сборный пункт и 3 сборных пункта, в Московской – 2 сушильно-сборных пункта [7, с. 8, 26–31]. Большим неудобством стало то, что приём продуктов, «в виду недостаточности средств», не предполагал помощи в их доставке [1, л. 32].

По поручению губернатора извещение было напечатано в октябре 1904 г. в № 110 «Калужских губернских ведомостей». Список пунктов приёма опубликовали ещё позже – в ноябре 1904 г. в №№ 123, 124 и 125. Таким образом, информация шла к потенциальным жертвователям очень долго [1, л. 9, 10, 33, 34; 3, с. 1; 4, с. 1; 5, с. 1; 6, с. 1].

На основании рапортов уездных исправников начала осени 1904 г. можно предположить количество жертвователей по от-

дельным уездам Калужской губернии (Таблица 1) и примерные масштабы пожертвованных продуктов в пересчёте на отдельные группы населения (Таблица 2).

Относительно полная информация имеется по 8 уездам Калужской губернии из 11 (Табл. 1). Нет сведений по Жиздринскому и Мосальскому уездам. Что касается Медынского уезда, то, по словам исправника, там «лиц, желающих принять участие в пожертвовании продуктов... не оказалось» [1, л. 13].

Припасы сдавали жители 120 населённых пунктов, из которых лишь 6 – города (Козельск, Лихвин, Малоярославец, Мещовск, Серпейск, Таруса). При этом, согласно рапорту полицмейстера Е.И. Трояновского, «в Калуге не оказалось садовых и огородников, которые бы изъявили желание принять участие в пожертвовании» [1, л. 29]. Возможно, это связано с тем, что в губернском центре ранее, чем в глубинке, стало проявляться безразличное отношение к войне.

Среди сельских поселений (114) несколько дач, хуторов, усадеб, но, в абсолютном большинстве, это села и деревни.

Подавляющее большинство жертвователей – крестьяне (более 95%), на втором месте – мещане (менее 3%). Дворяне-жертвователи, в списке которых оказались такие лица, как светлейший князь Д.Б. Голицын, А.Ю. фон Минквиц, Д.Д. Полторацкий, В.Н. Тетеревятников и др., занимают лишь третье место (около 1%). Ещё меньше, согласно данным Канцелярии губернатора, среди жертвователей продуктов землевладельцев – не из дворянского сословия, купцов – и священнослужителей (все в сумме менее 1%). Это соотношение в целом соответствует соотношению групп населения в губернии, что не позволяет говорить, будто патриотические акции в большей степени поддерживали лишь отдельные, наиболее обеспеченные, слои населения.

Общее количество жертвователей – 1192 человека. Большинство их относится к Боровскому уезду (1063). Причиной этого может быть высокий уровень развития в уезде садоводства и особенно огородничества, о чём, например, упоминает Д.И. Малинин [8, с. 22, 23, 169]. Другой особенностью уезда было значительное число старообрядцев (70% в Боровске и окрестностях), что также могло повлиять на количество пожертвованных [10, с. 234].

Таблица 1

Группы жертвователей по уездам Калужской губернии [1, лл. 11–15, 17–19, 20–31, 37–63]

уезды	населенные пункты		группы жертвователей						
	городские	сельские	дворяне	землеладельцы – не дворяне	священнослужители	купцы	Мещане	крестьяне	всего человек
Калужский	-	3	2	-	1	-	-	1	4
Боровский	-	55	-	2	-	1	-	1060	1063
Козельский	1	7	-	-	-	-	1	10	11
Лихвинский	1	9	2	1	-	-	6	10	19
Малоярославецкий	1	-	-	-	-	-	3	-	3
Мещовский	2	25	5	3	-	1	15	22	46
Перемышльский	-	6	-	-	-	-	-	30	30
Тарусский	1	9	5	-	-	-	6	5	16
всего	6	114	14	6	1	2	31	1138	1192
	120		1,1%	0,5%	0,1%	0,2%	2,6%	95,5%	100%

Также в качестве объяснения напрашивается предположение, что боровский уездный исправник коллежский советник С.П. Масловский [9, с. 95] просто выполнял поручение тщательнее, чем его коллеги, задействовав больше населенных пунктов и жителей.

Стоит отметить не столь большое число жертвователей по сравнению с более чем миллионным населением губернии. Возможное предположение о причине этого может основываться на известном мнении, что война не встретила в народе широкого патриотического подъёма. Другое предположение связано с тем, что большинству населения – крестьянам – просто было нечего жертвовать. Несколько лет в губернии отмечались «малоурожайность» и «недостаток». А 1904 год, даже при лучшей урожайности, едва ли был большим исключением [10, с. 196, 197, 199].

Убедительной кажется и ещё одна версия: причиной могла быть недостаточная организованность властей различного уровня. Сведения доходили медленно, не сразу принимались к сведению самими чиновниками. Так, получив циркуляр губернатора от 3 ав-

густа 1904 г. о «пожертвованиях продуктов садоводства, плодородства и огородничества», перемышльский уездный исправник С.П. Попов в рапорте от 20 сентября 1904 г. переспрашивал, «можно ли принимать от жертвователей продукты огородничества» [1, л. 2, 16].

Сравнение статистики пожертвований по Боровскому и другим уездам, как кажется, говорит в пользу этого предположения.

Полнота данных о жертвуемых продуктах (Таблица 2) относительна. Можно сказать, какие продукты жертвовались (причём в основном – в сыром виде). Из овощей чаще всего сдавали картофель, капусту, морковь, лук, свеклу, из фруктов – яблоки и груши. Те, кто не могли жертвовать овощи и фрукты, предлагали муку, овёс, рожь и даже ткань, и деньги. Возможно, это в свою очередь говорит о заинтересованности населения в пожертвованиях.

Подчеркнём, что количественные данные надо рассматривать с большой осторожностью. Полные сведения подали лишь 4 уездных исправника – боровский, козельский, малоярославецкий и тарусский. У

остальных приведены имена возможных жертвователей, а о продуктах говорится, что точные данные будут при сборе урожая. Даже тарусский уездный исправник о некоторых желающих написал, что они «только от избытков своих, если таковые будут, могут что-либо пожертвовать, а хозяйства их очень скромные» [1, л. 21].

Далее, документы сообщают о намерении людей пожертвовать продукты, но не говорят, как это намерение было реализовано. Известно, что примерно с конца октября 1904 г. падает доверие жертвователей к «передатчикам» пожертвований. На это указывают, например, прошения приходских свя-

щенников о разрешении жертвователям отправлять «гостинцы» бесплатно и без «посредников» [2, л. 1, 2]. Тот факт, что сведений о сборе продуктов в Калужской губернии на 1905 г. в документах не обнаружено, также указывает на падение интереса населения к теме пожертвований и войны в целом.

Предположительно можно увидеть и степень вклада разных групп населения в пожертвования. Крестьянам принадлежит наибольшая доля, на втором месте – мещане, а на третьем – дворяне. Это в целом соответствует данным по соотношению разных социальных групп жертвователей.

Таблица 2

Группы жертвователей и их пожертвования (Боровский, Козельский, Малоярославецкий и Тарусский уезды) [1, лл. 14, 15, 20, 21, 27, 28, 37–63]

что жертвовали	социальные группы жертвователей					всего жертвовали
	дворяне	землевладельцы – не дворяне	купцы	мещане	крестьяне	
лук порей	100 шт.	-	-	-	-	100 шт.
сельдерей	100 шт.	-	-	-	-	100 шт.
петрушка	100 шт.	-	-	-	-	100 шт.
укроп	около ½ пуда ≈ 8 кг.	-	-	-	-	около ½ пуда ≈ 8 кг.
бобы	около ½ пуда ≈ 8 кг.	-	-	-	-	около ½ пуда ≈ 8 кг.
морковь	около 3 1/6 пуд. ≈ 51 кг.	-	-	около 15 1/6 пуд. ≈ 249 кг.	1 пуд ≈ 16 кг.	около 19 1/3 пуд. ≈ 316 кг.
свекла	около 3 1/6 пуд. ≈ 51 кг.	-	-	около 5 1/6 пуд. ≈ 85 кг.	-	около 8 1/3 пуд. ≈ 136 кг.
картофель	около 78 пуд. ≈ 1275 кг.	около 10 1/3 пуд. ≈ 170 кг.	около 20 2/3 пуд. ≈ 340 кг.	около 81 1/2 пуд. ≈ 1337 кг.	около 1090 пуд. ≈ 17 852 кг.	около 1280 1/2 пуд. ≈ 20 974 кг.
лук	-	-	около 2 пуд. ≈ 34 кг.	около 12 1/2 пуд. ≈ 204 кг.	около 3 пуд. ≈ 50 кг.	около 17 1/2 пуд. ≈ 288 кг.
капуста	-	-	-	около 22 пуд. ≈ 360 кг.	около 41 1/2 пуд. ≈ 682 кг.	около 63 1/2 пуд. ≈ 1042 кг.
яблоки	-	-	-	-	около 32 1/2 пуд. ≈ 533 кг.	около 32 1/2 пуд. ≈ 533 кг.
груши	-	-	-	-	около 6 пуд. ≈ 98 кг.	около 6 пуд. ≈ 98 кг.
грибы	-	-	-	-	около 5 фунт. ≈ 2 кг.	около 5 фунт. ≈ 2 кг.
рожь	-	-	-	-	около 120	около 120 3/4

					$\frac{3}{4}$ пуд. \approx 1978 кг.	пуд. \approx 1978 кг.
овес	-	-	-	-	около 200 $\frac{3}{4}$ пуд. \approx 3288 кг.	около 200 $\frac{3}{4}$ пуд. \approx 3288 кг.
мука	-	-	-	-	около 37 $\frac{1}{2}$ пуд. \approx 616 кг.	около 37 $\frac{1}{2}$ пуд. \approx 616 кг.
холст	-	-	-	-	около 22 $\frac{1}{2}$ арш. \approx 16м.	около 22 $\frac{1}{2}$ арш. \approx 16 м.
миткаль	-	-	-	-	около 4 арш. \approx 3 м.	около 4 арш. \approx 3 м.
деньги	-	-	-	-	57 руб. 83 коп.	57 руб. 83 коп.

Подведем итог. Сбор в Калужской губернии продуктов для действующей армии в 1904 г. встретил трудности, вызванные как объективными проблемами, так и недостаточной распорядительностью руководства разных уровней. Информация шла от Петербурга до калужской глубинки медленно, с июля по ноябрь, пункты приёма находились далеко, бесплатной доставки не было. Тем не менее, представители самых разных групп населения изъявили желание помочь воинам.

Важнейшую роль играли пожертвования крестьян. То, что жертвователей было не так много, может объясняться не только растущим недовольством населения, но и недоработками управленцев. Можно предположить, что, по крайней мере, до осени 1904 г. в разных слоях населения провинции сохранялся патриотический подъём, но администрация не сумела использовать его с максимальной выгодой для дела.

Список литературы:

1. Государственный архив Калужской области (ГКУ «ГАКО»). Ф. 32. Оп. 2. Д. 1117. Циркулярные предписания калужского губернатора и переписка с калужским полицмейстером и уездными исправниками об организации сбора продуктов плодово-овощного и огородничества для облегчения участи больным и раненым воинам на Дальнем Востоке. Списки пожертвований (3 августа 1904 г. – 4 сентября 1905 г.). – 64 л.
2. Государственный архив Калужской области (ГКУ «ГАКО»). Ф. 32. Оп. 2. Д. 1177. Переписка с начальником калужской почтово-телеграфной конторы и уездными исправниками о разрешении гражданам отправлять непосредственно от себя бесплатно в Манчжурскую армию посылки с пожертвованиями (29 октября 1904 г. – 28 ноября 1904 г.). – 12 л.
3. Калужские губернские ведомости (далее – КГВ). – 1904. – № 110. – 12 октября.
4. КГВ. – 1904. – № 123. – 13 ноября.
5. КГВ. – 1904. – № 124. – 16 ноября.
6. КГВ. – 1904. – № 125. – 18 ноября.
7. Краткие сведения по сушке плодов и овощей. Составлено под редакцией, состоящей при Императорском Российском Обществе Пловодства Комиссии по сбору пожертвований плодами и овощами в пользу больных и раненых воинов. Приложение: Список сборных и сушильных пунктов. Напечатано по распоряжению Императорского Российского Общества Пловодства. – СПб.: Типография Санкт-Петербургского градоначальства, 1904. – 32 с.
8. Малинин, Д.И. Калуга. Опыт исторического путеводителя по Калуге и главнейшим центрам губернии / Д.И. Малинин. – Калуга: Золотая аллея, 1992. – 272 с.
9. Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1904 год / под ред. И.П. Балабанова. – Калуга: Типо-литография Губернского правления, 1903. – 247 с.
10. Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1906 год / под ред. И.П. Балабанова. – Калуга: Типо-литография Губернского правления, 1905. – 291 с.

Калужский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), РФ.

УДК 94(47).084.8; 908

В.М. Кукушкин, А.В. Штепа

**НЕМЕЦКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
АНТИФАШИСТСКОГО ПОДПОЛЬЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДА РСФСР
НА ПРИМЕРЕ Г. КАЛУГИ (ОКТЯБРЬ – ДЕКАБРЬ 1941 Г.)**

В условиях активного распространения фальсификаций истории на территории приграничных к России государств особую важность принимает сохранение исторической памяти. Оккупация территории СССР до сих пор остаётся незаживающей раной в памяти местного населения. В связи с приближающимся 80-летним юбилеем Победы советского народа в Великой Отечественной войне особое значение приобретает изучение круга вопросов, касающихся осуществления оккупационного режима на занятой врагом территории СССР и мер противодействия местного населения насаждению «нового порядка». Авторы настоящей статьи на основе анализа имеющейся исторической литературы и привлечения сведений из архивных материалов раскрывают эпизоды борьбы калужских патриотов с немецкими оккупантами в октябре – декабре 1941 г.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, подпольная борьба, антифашистское движение, оккупация территории СССР, запад РСФСР, г. Калуга

V.M. Kukushkin, A.V. Shtepa

**THE GERMAN OCCUPATION REGIME AND THE ACTIVITIES OF THE
ANTI-FASCIST UNDERGROUND IN THE TERRITORY OF THE WESTERN RSFSR
ON THE EXAMPLE OF KALUGA (OCTOBER - DECEMBER 1941)**

In the context of the active spread of falsifications of history on the territory of the states bordering Russia, the preservation of historical memory is of particular importance. The occupation of the territory of the USSR still remains an unhealed wound in the memory of the local population. In connection with the approaching 80th anniversary of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War, it is of particular importance to study the range of issues related to the implementation of the occupation regime in the territory of the USSR occupied by the enemy and measures to counteract the imposition of a “new order” by the local population. The authors of this article, based on the analysis of available historical literature and the use of information from archival materials, reveal episodes of the struggle of Kaluga patriots with the German occupiers in October – December 1941.

Key words: Great Patriotic War, underground struggle, anti-fascist movement, occupation of the territory of the USSR, western RSFSR, Kaluga.

В 12 часов дня 22 июня 1941 г. вся страна из выступления наркома иностранных дел В. М. Молотова узнала о вероломном нападении фашистской Германии. Враг, преодолевая героическое сопротивление частей РККА, за первые месяцы войны, смог оккупировать значительную территорию европейской части СССР, под пятой оккупантов оказались миллионы советских людей.

Параллельно с процессом установления «нового порядка» на оккупированных территориях, со стороны органов советской власти, сотрудников НКВД, местных жителей велась работа по противодействию оккупантам. Уже 18 июля 1941 г. было принято постановление ЦК ВКП (б) «Об организации борьбы в тылу немецких войск». Местным обкомам и райкомам ВКП (б) предписывалось возглавить борьбу и вдохновлять насе-

ление личным примером. Предлагалось для организации партизанской и диверсионной работы направить в оккупированные районы проверенных партийных работников в группах от 2 до 5 человек. С приходом фашистов стали переименовываться улицы, все, напоминающее о советской власти ликвидировалось, ношение и хранение оружия каралось расстрелом, все публичные мероприятия запрещались. Практиковался угон населения на работы за пределы своего места жительства, проводились облавы с целью захвата рабочей силы. Тем не менее, находились люди, готовые бороться с захватчиками, находясь у них на виду [6, л.3; 8–9].

В ночь с 12 на 13 октября 1941 года немецкие захватчики вошли в Калугу, которая будет освобождена только 30 декабря 1941 г. [8].

Целью данной работы является изучение оккупационного режима на территории г. Калуги и выявление случаев противодействия захватчикам. Исходя из цели, можно выделить следующие задачи исследования: 1. Проанализировать историографию и имеющиеся источники по исследуемой проблеме. 2. Изучить сущность оккупационного режима на территории г. Калуги. 3. Раскрыть малоизученные эпизоды борьбы советских подпольщиков с оккупантами на территории г. Калуги.

Следует подчеркнуть, что жизни и борьбе советского населения в тылу немецко-фашистских войск посвящено сотни сборников, монографий, статей. Еще во время Великой Отечественной войны появляются работы, посвященные героическому противостоянию советских партизан оккупантам, приводятся подвиги отдельных партизанских формирований, анализируются методы борьбы, рассматриваются ужасы оккупационного режима.

Отметим, что первые попытки освещения деятельности подполья в г. Калуга предпринимаются уже в апреле 1942 г. В газетной публикации печатного органа Калужского горкома ВКП (б) и городского совета трудящихся Тульской области «Коммуна» особое внимание уделено похоронам 17 товарищей, расстрелянных немцами 6 (по другим данным 7) ноября 1941 г. Здесь же впервые публикуется информация о подпольной группе Гамаюновых – Макаровых, в большей степени в контексте зверств немецко-фашистских оккупантов. В воспоминаниях старшего брата Владимира Гамаюнова – Николая отмечается факт того, что он уже в то время обращался в газету с подробными материалами о деятельности подпольной группы, но, к сожалению, сотрудник газеты, занимавшийся данным вопросом, был отправлен на фронт, где был или убит, или тяжело ранен. Все найденные материалы были утеряны [2, л. 2; 3, л. 16].

В шеститомном труде «История Великой Отечественной войны Советского союза 1941–1945 гг.» помимо рассмотрения проблем подготовки партизанской борьбы, организации народных мстителей, освещаются вопросы подпольной борьбы в зоне оккупации [12].

Новый всплеск интереса к проблеме антифашистского подполья на территории Калужской области в целом и в г. Калуга в частности происходит в 1960 – 1970-е гг. В

коллективном труде «Когда бушуют грозы», который является первой работой, комплексно затрагивающей проблемы военных действий, оккупации на территории калужского региона, особое внимание уделено партизанскому движению и деятельности подполья [14]. Нельзя обойти вниманием монографию участника войны, историка М. А. Касаткина «В тылу группы армий “Центр”» в ней также затрагиваются вопросы противодействия оккупационному режиму на территории Калужской области [16].

Тогда же активность приобретают попытки составления более полной картины о деятельности подполья в Калуге. Благодаря деятельности организованного на базе школы № 21 г. Калуги отряда «Поиск» под руководством Николая Гамаюнова удалось собрать воспоминания очевидцев, восстановив цепочку событий, происходивших в октябре – ноябре 1941 г. в Паровозном переулке [3, л. 41].

В постсоветский период можно выделить работы историка и краеведа И. С. Писаренко «Тыл Калужской области в годы Великой Отечественной войны» и «Народная борьба против немецко-фашистских оккупантов», где также рассматриваются вопросы оккупации Калужской области, организации антифашистского сопротивления на территории региона. Для более полного восстановления картины деятельности патриотов в оккупированном городе автор приводит воспоминания очевидцев, неизвестные ранее для широкой публики [17: 18]. Отметим и статью А.Д. Полугодина «Карательные действия нацистов в оккупированных районах Калужского края в период 1941 – 1943 гг.», затрагивающую вопросы жестокости оккупационного режима на территории Калужской области в целом и в г. Калуга в частности, преступления нацистов и их пособников, в первую очередь по отношению к мирному гражданскому населению [19].

Одной из наиболее значимых работ является коллективная монография «Суровые сороковые». Историки, значительно расширив корпус источников, освещают деятельность партизанского и подпольного движения на территории края, условия оккупационного режима [21].

В 2010-е гг. особую актуальность получила тема еврейского гетто на территории г. Калуги в период её оккупации немецкими войсками. В 2012 г. опубликована книга М.А. Добычиной «Еврейское гетто в Калуге. Но-

ябрь-декабрь 1941 г.», где впервые подробно раскрывается и описывается история первого организованного на территории РСФСР еврейского гетто [11]. Освещению этой темы посвящены и публикации в СМИ [22–26].

Документы, касающиеся истории оккупации г. Калуги, находятся в первую очередь в Государственном архиве Калужской области (ГАКО) и Государственном архиве документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО). Среди них документы, показывающие особенности установленного оккупационного режима на территории города, зверства и разрушения, причинённые оккупантами различным промышленным предприятиям и учреждениям Калуги, раскрывающие детали создания и деятельности подполья [1 – 7].

В период 2020–2022 гг. вышел ряд работ документального характера, посвящённых жизни населения на оккупированных территориях, в которых опубликованы архивные документы из фондов ГАКО, ГАДНИКО, ГАРФ, муниципальных архивов Калужской области и Управления ФСБ России по Калужской области, раскрывающие неизвестные аспекты оккупации территории области в период Великой Отечественной войны [9; 11; 13]. Особенный интерес в контексте восприятия войны и установления оккупационного режима представляет сборник «Война глазами детей», составленный из сочинений, написанных учениками школ г. Калуги в апреле 1942 г., практически сразу же после освобождения города от немецко-фашистской оккупации. Написанные непосредственными свидетелями и участниками страшных событий, сочинения являются бесценным источником сведений по истории оккупации Калуги и об восприятии данных событий населением [10].

С момента оккупации г. Калуги немцы устанавливали свой «новый порядок» на территории города. За период оккупации города немецкие войска под руководством местного коменданта майора Портациуса, его

заместителя – фон Шреттера, офицера полевой жандармерии Рота совершили множество преступлений: расстрелы, поджоги, мародёрство, жестокое обращение как с мирным населением, так и с военнопленными. Особое «внимание» оккупанты уделяли еврейскому населению города. Калужское гетто появилось одним из первых на оккупированной территории СССР. В крайне бедственном положении находились детские дома, больницы, другие учреждения социального обеспечения. Школы были закрыты и возобновили свою работу только с приходом Красной Армии. Немцами активно разрушались объекты культурного наследия, памятники советским вождям и идеологам коммунизма (К. Марксу, Ф. Энгельсу, В. Ленину, И. Сталину). Отметим тот факт, что оккупанты не ограничились уничтожением объектов культуры, напрямую связанных с идеологией. Уничтожались бюсты и портреты российских и советских писателей, разорялись музеи и дома культуры. Так, два немецких офицера споря перед картиной, на которой был изображён А. С. Пушкин и не выяснив, кто же перед ними: еврей или комиссар, порвали портрет. Был разграблен дом-музей К.Э. Циолковского в Калуге [1 – 7].

В г. Калуге 20 октября 1941 г. на площади Ленина были повешены 4 человека, 7 ноября на базарной площади расстреляно 20 рабочих, 21 декабря немцы подожгли и закидали гранатами дом № 41 по ул. Свердлова (14 человек погибли), 28 декабря была расстреляна семья Моисеевых «за нескрываемую радость в связи с приближением РККА». Пленные красноармейцы при отступлении немцев из Калуги были согнаны в сараи и сожжены. Итогом оккупации стала гибель сотен калужан (по различным данным, от 381 до 1000 человек), разрушение объектов производства, инфраструктуры, социального обеспечения, жилого фонда, культуры и искусства [1; 2; 6; 8].

Основной перечень задокументированных немецких преступлений дан в Таблице 1:

Таблица 1

Преступления немецких оккупационных войск в г. Калуге

Дата	Описание преступления	Количество погибших
14.10.1941	На р. Оке потоплены буксирный газоход и самоходная баржа.	Не удалось установить [5, л. 4]
20.10.1941	На площади Ленина повешены жители г. Калуги	4 человека [5, л.4]
7.11.1941	На Базарной площади в г. Калуге расстреляны мирные жители	20 человек [5, л. 4]
7 (9).11.1941	На ул. Свердлова оккупантами сожжена местная жительница	1 человек [5, л. 4]
27.11.1941	Расстреляны местные жительницы – мать и дочь Новиковы. Перед расстрелом их били плетьюми и обливали водой	2 человека [5, л. 5]
20.12.1941	Повешены советские граждане. Оpoznать удалось отца и сына Лёвочкиных. Головы были разбиты и окровавлены. Для устрашения населения на протяжении недели запрещалось снимать трупы с виселицы.	3 человека [3, л. 14; 5, л. 5]
23.12.1941	Расстреляны подпольщики – братья Власовы	2 человека [5, л. 5]
24.12.1941	расстреляна группа подпольщиков: братья Макаровы, Гамаюнов В., Волнотепов Михаил	4 человека [3, л. 39]
27.12.1941	Немцами подожжён дом №41 по ул. Свердлова, выбегавшие из него люди расстреливались	14 человек [5, л. 5]
28.12.1941	Расстреляна семья Моисеевых за «нескрываемую радость в связи с приближением Красной армии»	Не удалось установить [5, л. 5]
Конец декабря 1941 г.	Немцами взорван дом №120 по Интернациональному переулку	18 человек [5, л. 5-6]

На оккупированной территории новые власти установили информационную блокаду, изымали приёмники, ограничили свободу передвижения. Но, несмотря на все зверства и бесчинства, творившиеся на занятых врагом территориях, борьба с немецкими оккупантами с каждым месяцем войны приобретала всё большие масштабы.

Сведения, касающиеся деятельности подполья на территории г. Калуги, до настоящего времени всё ещё скупы и отрывочны. Отсутствие документов дооккупационного периода свидетельствует о том факте, что партийные органы на местах не сумели своевременно организовать его деятельность. На основе архивных материалов, воспоминаний очевидцев, послевоенных публикаций советского периода выявлено, что на территории Калуги действовало несколько подпольных групп, состоявших из рабочей молодёжи (группа Лёвочкина, группа Гама-

юновых – Макаровых, группа братьев Власовых).

Центр подпольной группы Гамаюновых – Макаровых находился по адресу: Паровозный переулок, дом № 6. Членами этой группы были М.И. Макаров – слесарь железнодорожных мастерских МКВЖД, Г.И. Макаров – оружейный мастер калужского гарнизона, участник советско-финской войны, Н.В. Фадеев – мастер-литейщик завода транспортного машиностроения, В.И. Гамаюнов – работник Груздевского каменного карьера НКВД, затем электромонтёр связи на железной дороге. О Владимире Гамаюнове сохранились наиболее полные сведения, согласно которым в случае захвата Калуги он должен был стать связным в партизанском отряде, базирующемся в районе пос. Полотняный Завод. Для легализации при новой власти ему выдали справку об отбывании в качестве заключённого наказания по ст. 58 УК РСФСР – «враг народа». Группа, в состав

которой входили Владимир Гамаюнов (действующий сотрудник НКВД), его брат – Николай Гамаюнов, Михаил Волнотёпов, братья Макаровы и Николай Фадеев, смогла собрать по частям радиоприёмник, слушали сводки Совинформбюро – единственного доступного альтернативного источника информации на оккупированной территории. О происходящем на фронтах подпольщики информировали население путём изготовления и расклеивания листовок. Первая листовка появилась, по воспоминаниям Н. Гамаюнова 4 ноября 1941 г. напротив кинотеатра «Центральный». В ней сообщалось о проведении торжественного заседания, посвящённого 24-й годовщине Октябрьской революции [3, л. 33]. К сожалению, отсутствие должных навыков конспирации пагубно сказалось на деятельности подпольщиков.

В пустующей квартире того же дома с момента оккупации поселилась женщина по имени Маруська (Марго). По воспоминаниям Н. Гамаюнова она меняла на водку и шнапс отобранные у местного населения немцами ценности. В начале ноября подпольщик Михаил Волнотёпов проговорился своему младшему брату Виктору и Марго, к которой как станет известно позже, приходил немецкий офицер лейтенант Курт, требовавший привести на танцы молодых девушек, о том, что они слушали сводки Совинформбюро. В воспоминаниях Николая нет указания на тот факт, что лейтенант Курт был сотрудником гестапо, и что в доме на Паровозном переулке у него находилась явочная квартира. Однако в ночь с 20 на 21 ноября 1941 г. состоялась ликвидация лейтенанта Курта, которую, скорее всего, осуществил В. Гамаюнов. Обнаружив на следующий день труп у скотобойни, немцы провели расследование, приведшее их в Паровозный переулок. Оккупанты устроили обыск в доме № 6. По воспоминаниям очевидцев, немцы увезли на допрос всю подпольную группу (члены которой в то время находились на квартире В. Гамаюнова) и Марго, при первичном обыске оружие обнаружено не было. В ходе допроса, по версии Н. Гамаюнова, именно Марго рассказала о спрятанном оружии и прослушивании сводок Совинформбюро группой антифашистов. После попыток в гестапо подпольщиков расстреляли на берегу р. Кийёвка 24 ноября 1941 г. Выжил только младший из братьев Волнотёповых – Виктор, которого отпустили немцы, и Н. Гамаюнов, в день обыска ушедший из дома к школьному другу. На подходе обратно к

дому его предупредили об обыске, и он принял решение скрыться [3, л. 39].

Подчеркнём, что в местной коллаборационистской газете «Новый путь» ликвидация подполья была представлена как борьба немцев с грабителями, организовавшими карточный притон и терроризировавших местных жителей. В рамках установленной оккупантами информационной блокады, нельзя было показывать факт того, что не все жители смирились с приходом «освободителей от коммунизма» и установлением «нового порядка» [2, л. 2].

Известно, что другая подпольная группа объединилась вокруг Владимира Смирнова по прозвищу «Боцман». Члены её выступали в качестве разведчиков, собирая сведения для представителей советской армейской разведки о численности немецких войск, местонахождении стратегически важных объектов (штабов, складов, казарм и т. д.) [17].

Третья подпольная группа состояла из В. А. Лёвочкина и его сына – Василия. Возможно, в состав группы Лёвочкиных помимо отца и сына входили и другие подпольщики, но подтверждённых данных об этом нет. В воспоминаниях Н. Гамаюнова упомянут факт его встречи со своим двоюродным братом Владимиром Харитоновым, который вместе с его друзьями (одним из них был Лёвочкин) украли у немцев три ящика с гранатами и запалы к ним. Судьба Владимира оказалась трагической: из-за неумения пользоваться оружием, запал от гранаты взорвался у него в руках, и от полученных ран он скончался. Был ли его друг сыном Владимира Лёвочкина – Василием доподлинно неизвестно. В момент, когда Красная армия отступила, а немцы ещё не успели войти в Калугу, отец с сыном сожгли оставленный красноармейцами нетронутым склад фуража. Информация об этом стала известна немцам, и подпольщиков после жестокого допроса в гестапо повесили на телеграфных столбах в Гостиных рядах [3, л. 20; 5, л. 4].

Четвёртой группой подпольщиков, действовавших на территории города, была группа братьев Власовых (Дмитрия и Виктора), но более подробной информации о их борьбе нам пока установить не удалось.

История сохранила имена комсомольцев, погибших от рук немецких оккупантов: Александр Зайцев, Василий Николаев, Г.Е. Воробей, боец истребительного отряда Н. Сибиряков, по неизвестной причине оставшийся в оккупированной Калуге. Точно не

установлено, являлись ли они подпольщиками, но такую возможность исключить нельзя [2, л. 5].

Можно выделить несколько направлений деятельности калужского подполья. В первую очередь, это противодействие информационной блокаде и вражеской пропаганде. Так, 4 ноября 1941 г. на улицах г. Калуги были расклеены листовки, сообщавшие, что Москва держится и призывавшие к сопротивлению оккупантам. Отметим и такой аспект: физическое противодействие врагу, уничтожение живой силы и военного имущества. В ноябре 1941 г. недалеко от строительного техникума был сожжён бензовоз; вместе с ним сгорело ещё несколько грузовиков. В районе завода № 35 были обнаружены трупы нескольких немецких офицеров с приколотыми к спинам листами с надписью «Спешу в Москву». В ночь на 7 ноября 1941 г. на ул. Кирова было вырублено 20 м кабеля; 6 ноября перерезаны телефонные провода у немецкого штаба, расположенного в бывшей тюрьме НКВД по ул. Дзержинского. 9 ноября недалеко от железнодорожных мостов на ул. Советской была взорвана столовая с немецкими солдатами. Помещение сгорело дотла, количество погибших оккупантов не представляется установить точно. Мелкие диверсии совершали железнодорожники: подсыпали песок в бунксы вагонов, что требовало замены подшипников; выводили из строя стрелочные переводы. Была ли эта деятельность организованной, или её можно характеризо-

вать как частную инициативу – вопрос остаётся открытым [2, л. 6; 3, л. 19, 33; 4, л. 1, 3; 17].

Третьим направлением деятельности были «идеологические» диверсии против оккупационных властей. В ноябре 1941 г. на Верхнем базаре (в настоящее время – Театральная площадь г. Калуги) был изрезан большой портрет А. Гитлера, установленный новыми властями; в ночь на 7 ноября на колокольне Васильевской церкви по ул. Герцена был вывешен красный флаг. Четвёртым направлением была разведка. В воспоминаниях М. Малышева, разведчика 50-й армии, неоценимую помощь армейской разведке оказывал подпольщик по кличке «Тимур», настоящее имя которого, к сожалению, установить не удалось [2, л. 6].

Подпольщики по мере своих сил и возможностей, активно боролись с оккупантами, распространяли информацию о реальном положении дел на фронтах, уничтожали склады, связь, личный состав оккупационных частей. К сожалению, информация о деятельности подполья в г. Калуге скупа и отрывочна, что может свидетельствовать о том факте, что подполье в г. Калуге формировалось уже после, а не до оккупации города. Деятельность групп не была скоординирована. Из-за недостатка опыта в подпольной работе, знаний в области конспирации гестапо удалось вычислить большинство подпольщиков: судьба многих героев оборвалась до прихода освободителей нашего города.

Список литературы:

1. Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (ГАДНИКО). Ф. 4573. Оп. 1. Д. 51. Выписки из доклада и выступлений на пленуме Тульского обкома ВКП (б) от 16 января 1942 г. о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов в г. Калуге. Копия.
2. ГАДНИКО. Ф. 4573. Оп. 1. Д. 52. Записка №19 из заседания исполкома горсовета депутатов трудящихся от 03.04.1942 г. о похоронах 17-ти товарищей, расстрелянных немецко-фашистскими оккупантами 6 ноября 1941 г. на базарной площади г. Калуги и вырезки из газет «Коммуна» от 05.04.1942 г. и «Знамя» за 1968 г., 1971 г., 1985 г. о подпольной борьбе в г. Калуге. Копии.
3. ГАДНИКО. Ф. 4573, Оп.1. Д. 53. Документы и материалы о деятельности подпольной группы молодёжи в г. Калуге, действовавшей в районе Паровозного переулка в период немецко-фашистской оккупации в октябре-ноябре 1941 г. (воспоминания, письма, подтверждения, архивные справки, газетные публикации, переписка).
4. ГАДНИКО. Ф. 4573, Оп.1. Д. 54. Очерк, письма свидетелей с откликами на газетные публикации о деятельности подпольной группы молодёжи г. Калуги, действовавшей в Паровозном переулке в период немецко-фашистской оккупации (материалы, собранные и переданные в архив военно-патриотическим кружком «Поиск» школы №21). [1978 г.]
5. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф.Р-1122. Оп. 2. Д. 1. Акт по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям г. Калуги. [1942 г.]

6. ГАКО. Ф.Р-1122. Оп. 2. Д. 2. Акт о зверствах и разрушениях в г. Калуга, причинённых фашистскими оккупантами.
 7. ГАКО. Ф.Р-1122. Оп. 2. Д. 6. Л. 1об. Акт обследования памятников и культурных учреждений города после пребывания в нём немецких оккупантов. 5 января 1942 г.
 8. 78 дней «Нового порядка» // Калужская неделя. – 2011. – № 44(511). – 10 ноября.
 9. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Калужская область: Сборник архивных документов / отв. ред. серии Е.П. Малышева, Е.М. Цунаева; отв. ред. М.А. Добычина; сост. Н.В. Зиновкина, В.Я. Агапова, А.В. Денисов и др. – М.: Фонд «Связь Эпох»: Издательский центр «ВОЕВОДА», 2020. – 552 с.
 10. Война глазами детей: сборник документов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Калуга: Издатель Захаров С.И. («СерНа»), 2020. 208 с.
 11. Еврейское гетто в Калуге (ноябрь – декабрь 1941): учебное пособие / М.А. Добычина. Калуга: Издательство «Гриф», 2012. 168 с.
 12. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. Т. 2. Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. – М.: Воениздат, 1961. – 662 с.
 13. Калужская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Оккупационный период. Т. 1: Сборник архивных документов / отв. ред. В.А. Иванов. – Калуга: ИП Артюхов Р. А., 2022. – 560 с.
 14. Касаткин М.А. В тылу группы армий «Центр». – М.: Мысль, 1983. – 318 с.
 15. Книга Памяти о павших в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Калужская область. Т.6. – Калуга, 2000. – 771 с.
 16. Когда бушуют грозы. Калужская область в Великой Отечественной войне. – Тула: Приокское книжное изд-во, 1970. – 343 с.
 17. Писаренко, И.С. Народная борьба против немецко-фашистских оккупантов / И.С. Писаренко // Калужская застава – 3. Т. 1. – Калуга: Изд-во научной литературы Н.Ф. Бочкаревой, 2005. – С. 119–159.
 18. Писаренко, И.С. Тыл Калужской области в годы Великой Отечественной войны / И.С. Писаренко. – Калуга, 1998. – 118 с.
 19. Полугодин, А.Д. Карательные действия нацистов в оккупированных районах Калужского края в период 1941–1943 гг. / А.Д. Полугодин // Вестник Костромского государственного университета. – 2019. – №3. – С. 44–51.
 20. Русский архив: Великая Отечественная. Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Т. 20 (9). – М.: Терра, 1998. – 668 с.
 21. Суровые сороковые...: Калужский край в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. / И.В. Кометчиков и др.; редкол.: В.Я. Филимонов (отв. ред. и др.). – Калуга: Калужский гос. ин-т развития образования, 2015. – 271 с.
 22. Выставки и публикации о калужском гетто как мемориализация событий оккупации Калуги немецко-фашистскими захватчиками в 1941 г. URL <https://archive.admoblkaluga.ru/holokost> (дата обращения: 25.03.2024).
 23. «Я плакал от голода...» Откровения об оккупации г. Калуги в 1941 г. URL: <https://www.kaluga-poisk.ru/news/sobytiya/okkupatsiya-kalugi-v-1941-godu#modal-text-selector> (дата обращения: 25.03.2024).
 24. 75 лет назад Красная армия освободила узников еврейского гетто в Калуге. URL: <https://stmegi.com/posts/40835/75-let-nazad-krasnaya-armiya-osvobodila-uznikov-evreyskogo-getto-v-kaluge/> (дата обращения: 25.11.2023).
 25. В Калуге вспомнили жертв еврейского гетто. URL: <https://web.archive.org/web/20141107095641/http://www.annews.ru/news/detail.php?ID=65482> (дата обращения: 25.03.2024).
 26. Без права на пощаду. Неизвестная история гетто на территории СССР. URL: <https://web.archive.org/web/20210418064603/https://sobesednik.ru/obshchestvo/20200321-bez-prava-na-poshadu-neizvestn> (дата обращения: 25.03.2024).
- Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94(3)

*Н.О. Майорова***АНГЛИЙСКИЙ ПАРЛАМЕНТ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XV ВЕКА
И СТОЛЕТНЯЯ ВОЙНА**

В статье ставится вопрос о том, как отражались в налоговой, петиционной и политической деятельности английского Парламента первой половины XV века реалии Столетней войны и связанные с ней проблемы войны и мира.

Ключевые слова Парламент; Палата лордов; Палата общин; Столетняя война; политическая борьба; налоги; восприятие войны.

*N.O. Mayorova***ENGLISH PARLIAMENT IN THE FIRST HALF OF THE 15TH CENTURY
AND THE HUNDRED YEARS' WAR**

The article raises the question of how the realities of the Hundred Years' War and the related problems of war and peace were reflected in the tax, petition and political activities of the English Parliament in the first half of the 15th century.

Key words Parliament; House of Lords; House of Commons; Hundred Years' War; political struggle; taxes; perception of war

К написанию этой статьи меня подтолкнула замечательная книга Е.В. Калмыковой «Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья» [3]. В ней всесторонне исследуется восприятие войны и мира на материале политических документов, хроник, поэзии, праздников и т.д. Мне показалось интересным взглянуть с этой точки зрения на Парламент. Резонно ведь ожидать от такой организации, как он, отражения общественных настроений. Каким было это отражение применительно к войне, и чем обусловлена его специфика? В небольшой статье, конечно, на все вопросы не ответишь; ее цель – обозначить проблему, которая, на мой взгляд, определенно есть.

Военные конфликты были неотъемлемой частью жизни средневекового общества. Мир без войны – рай, на земле невозможный. Но становится ли из-за этого война нормой жизни? Если мы обратимся к анализу парламентской деятельности, то создается впечатление, что да.

Попробуем рассмотреть аспекты этой деятельности, так или иначе связанные с войной. Материалом для исследования послужат записи парламентских сессий и петиции, изданные в 1832 г. под названием «Парламентские свитки» [15]. Отмечу, что здесь я не ставлю целью выяснение позиции каждой из палат Парламента отдельно. Конечно, мнение лордов и общин могло и не совпа-

дать, но действовали они в итоге почти всегда совместно, об этих действиях и пойдет речь.

Прежде всего – налоги. Разрешение налогов было важнейшим делом Палаты общин, но не обходилось и без Палаты лордов, чье одобрение требовалось в обязательном порядке. Документы на эту тему содержатся в материалах почти каждой парламентской сессии.

В этих документах, называемых «La Grante des Communes» (т.е. «дар Общин»), подробно указывалось, кто, что, в каком размере, каким образом и в течение какого срока будет платить. Четко обозначалось и то, на что должны были тратиться полученные средства. Шли они отнюдь не на содержание королевской семьи и двора и даже не на благоустройство, допустим, дорожной сети. Король, по мнению членов Парламента, должен был жить за счет своих владений, а местное благополучие было проблемой местных же органов власти.

Налоговые же средства направлялись в зоны реальных или потенциальных конфликтов. В первые десять лет правления Генриха IV эти цели обозначались конкретно, с перечислением «горячих точек»: Кале, Гиени, Ирландии, шотландской границы, моря и морского побережья, где требовалась борьба с пиратами, наконец, охваченного мятежом Уэльса [например, 15, v. III, p. 492–493, 648 etc.]. Примерно к 1410 году были разработа-

ны общие формулы: «для защиты королевства» (*pur defens de Roialme*) и «для охраны моря» (*pur sauf-garde de Mere*). Они впоследствии в основном и использовались – вместе или по отдельности, как, например, на первой парламентской сессии Генриха V, где особо оговаривалось, что охрана моря (а не военные действия в Ирландии и т.д.) – единственная цель, ради которой собирается налог [15, v. IV, p. 6; 8, p. 139–141].

Интересно уточнить, попадало ли в категорию «защиты королевства» ведение войны во Франции. Дж. Томпсон находил в парламентских документах 1371 г. указание на то, что налоговые деньги должны тратиться только на эту войну и ни на что более [17, p. 276]. Применительно к первой половине XV в. такое разделение целей также встречается – но лишь однажды, в 1415 г., после взятия Арфлёра. Тогда Генрих V получил от Парламента право на сбор целого ряда дополнительных налогов и таможенных пошлин, причем относительно последних – пожизненное. В качестве целей сбора указывались защита королевства, охрана моря, а также – нужды войны, которые прописывались отдельно и выдвигались на первый план [16, v. IV, p. 63–64].

Надо сказать, что эта парламентская сессия выделяется своим энтузиазмом по отношению к войне. Возобновление молодым королем военных действий оказалось успешным, захват Арфлёра произвел впечатление. Об этом радостно сообщают «Парламентские свитки». Впрочем, радости хватило ненадолго. Добавочные налоги на следующих сессиях хоть и предоставлялись, но уже не в таких количествах и без особых обоснований, а битва при Азенкуре в «Свитках» не упоминается вообще никак.

Ситуация с налогами при Генрихе VI выглядит довольно причудливо за счет их разнообразия, но определение целей все то же: защита королевства и охрана моря. Стоит отметить послабления и освобождения от налогов, которые в эти годы увеличились в количестве и тщательно перечислялись в каждом документе. Касались они большей частью купцов, ограбленных пиратами, и прибрежных городов, пришедших в упадок из-за того же пиратства – проблемы, на борьбу с которой должны были направляться доходы с таможенных пошлин, и которая в парламентских текстах ощущается привычной и неодолимой, как сезонные шторма [15, v. IV, p. 173–174, 200–201, 275–276 etc.].

Встречаются в «Свитках» и петиции с жалобами от жителей таких городов [15, v. III, p. 616, 639, 640; v. IV, p. 53, 159–160, 333–334, 385 etc.]. А также от разных людей, чьи неприятности так или иначе были связаны с военными действиями. Так, целый ряд документов посвящен выкупу из плена лорда Хантингдона, сына младшей сестры Генриха IV. В других петициях идет речь и о людях куда более низкого звания, например, о солдатах из гарнизона Кале или о моряке, пострадавшем от ложного обвинения, будучи на королевской службе [4, p. 182; 15, v. IV, p. 159, 247, 284, 300, 384–385 etc.]. Каждый казус рассматривается в документах этой группы отдельно. Никаких упоминаний о войне как общей беде, сделавшей возможными беды конкретных людей, мы не находим.

Это же можно сказать о парламентских материалах, касающихся изгнания подозрительных иностранцев и конфискации их имущества. А также – монашеских организаций, чьи центры находились во Франции. Таких было много еще со времен нормандского завоевания, и теперь они вызвали обоснованные сомнения в своей лояльности. Эти сомнения были выгодны королевской власти, поскольку земли таких монастырей подлежали секуляризации. Война в подобных документах предстает как привычный естественный фон [15, v. III, p. 571–571, 627; v. IV, p. 13, 79, 306, 455 etc.].

Таким образом, военные действия, которые вело Английское королевство против Французского, отражаются в парламентских документах редко прямо, чаще – косвенно и отнюдь не воспринимаются как что-то экстраординарное, скорее как часть обычного порядка вещей. Причем в целом, пожалуй – поддерживаемого, о чем свидетельствует охотное разрешение дополнительных налогов, особенно в правление Генриха V, когда военные действия были успешны.

При его сыне ситуация меняется. Перемены эти отразились не столько в рутинной деятельности Парламента, сколько в политических конфликтах, так или иначе проявившиеся в ходе его деятельности. Посмотрим, однако, на эти конфликты с самого начала века. Какую роль в них играла война, и как представляли эту роль парламентарии?

При первых двух Ланкастерах связь политических коллизий с военными действиями во Франции улавливается довольно слабо. И восстание Оуэна Глендауэра, и заговор Перси касались иных болевых точек Англий-

ского королевства. Восстание было вызвано дискриминацией валлийцев, чьи надежды на автономию были обмануты еще Эдуардом I – и привело, увы, к усилению этой дискриминации [16, v. 2, p. 124, 128–129, 140–141]. Заговор же явился, по сути, последствием того не совсем легитимного способа, каким Генрих IV взшел на престол.

В некоторой степени с войной можно связать конфликт этого короля с сыном, будущим Генрихом V. Их раздор имел много причин, в том числе и нежелание короля активизировать военные действия. Парламент как явно, так и косвенно поддержал принца, который, став королем, почти сразу возобновил войну. Палата общин, как говорилось выше, отреагировала на это вспышкой энтузиазма и разрешением дополнительных налогов для военных нужд.

Мне кажется, такая позиция Парламента была вызвана его отношением не столько к войне, сколько к обоим Ланкастерам. Это впечатление подтверждается его действиями в дальнейшем, в ходе политической борьбы, которая, то затихая, то обостряясь, сопровождала все правление Генриха VI [см.: 1, с. 120–140].

На первом этапе этой борьбы ее главными фигурантами были дядя короля Хамфри, герцог Глостер, и его более дальний родственник (двоюродный дед) Генри Бифорт, епископ Винчестерский.

Глостер несколько лет управлял государством при малолетнем короле, пока старший королевский дядя Джон, герцог Бедфорд, (занимавшийся не интригами, а реальными проблемами королевства) находился с войском во Франции. Сам Глостер обосновывал свое положение волей покойного Генриха V. В течение первых лет правления этот довод не оспаривался, но на сессии 1427–1428 гг. лорды Парламента, среди которых, как отмечал еще Дж. Пауэлл, у него было много врагов [12, p. 451], заявили протест, ссылаясь на мнение ученых юристов. В результате было принято постановление, согласно которому король не должен был распоряжаться судьбой короны после своей смерти [15, v. IV, p. 326]. Такое решение поддержали и общины, хотя первоначально они были настроены скорее в пользу Глостера. В частности, годом раньше по их инициативе соперники были приведены к согласию, а точнее, Бифорт пообещал не злоумышлять против племянника, выразил надежду, что

тот будет для него «добрым лордом», и покинул пост канцлера.

Хамфри Глостер – яркий, властный, широко образованный, покровитель искусств, – умел, видимо, привлекать сердца. Хроники XV в. в основном пишут о нем с симпатией [6, p. 104, 121; 8, p. 115]. С другой стороны, епископ Винчестерский с 1417 г. являлся одним из самых крупных кредиторов короны, причем деньги предоставлялись им в первую очередь на нужды войны (а также для защиты королевства и на благо «общин Англии»). Упоминания об этом неоднократно встречаются в парламентских материалах вплоть до 1437 года. Взамен Бифорт получал весомые преференции: так, в 1432 г. он, получивший недавно кардинальскую шапку, был пожизненно освобожден от всех видов обложений и судебного преследования, даже если будет в чем-то виноват. Интересно, что сделано это было по просьбе общин, которые несколькими годами раньше занимали по отношению к Бифорту, кажется, совсем дружную позицию [15, v. IV, p. 489].

Теперь же общины, похоже, изрядно разочаровались в Глостере. Ведь он, в отличие от Бифорта, короне денег не давал, а совсем наоборот. В парламентских документах имеются как гарантии королевским кредиторам (в первую очередь епископу), подписанные им в качестве главы правительства, так и упоминания о немалых суммах, которые он получал в том числе и из этих денег. В 1425 г., например, ему при содействии общин было передано двадцать тысяч марок – «на разные нужды». А в 1432 г., когда пик власти его был уже позади, он тем не менее получил, опять-таки по просьбе Нижней палаты, в свое личное распоряжение часть кредита, предоставленного все тем же епископом на нужды войны. Глостер, как указано в документе, провел «тщательные исследования» и выяснил, что деньги полагаются ему по титулу [15, v. IV, p. 289, 391–392].

В качестве главы Малого совета он ежегодно получал от четырех до восьми тысяч фунтов вознаграждения. Об этом мы узнаем из материалов от 1433 г., когда это место занял Джон Бедфорд, заявивший, что с него хватит и тысячи, что было радостно встречено парламентариями [15, v. IV, p. 424–425].

Именно в эти годы, точнее – на сессии 1430–1431 гг. обеими палатами Парламента было принято единственное, кажется, за полвека постановление, в котором не просто

идет речь о войне с Францией, но сделана серьезная попытка на нее воздействовать. Парламент, говорится в нем, должен способствовать тому, чтобы Бедфорд и Глостер, как и другие лорды Малого совета, приложили все усилия – «ради Божьего удовлетворения» – к скорейшему заключению мира между королем и дофином Карлом. Причем этот мир не должен был сводиться к условиям договора в Труа 1420 г., в котором, как известно, дофин вообще не учитывался [15, v. IV, p. 371]. Кроме прочего, этот документ также свидетельствует об ослаблении позиций Глостера – сторонника продолжения войны.

В 1435 г. герцог Бедфорд умер. Но вернуться к власти Глостеру не удалось. Он был направлен на двенадцать лет в Кале. Этот город имел исключительное значение для Англии, как военное, так и в первую очередь экономическое, так как там располагался стапель (оптовые склады, купеческие конторы и прочее, связанное с внешней торговлей). Здесь Глостеру пришлось на практике убедиться в том, какую важность имеет правильное распределение налогов и кредитов.

Он дважды обращался к Парламенту (причем один раз – непосредственно к общинам, что для магната его уровня весьма редкий случай) с жалобами на недостаток финансирования, из-за чего он не может платить жалованье солдатам, и те уже понемногу разбегаются. Любопытно, что в материалах той же сессии имеется запись о кредите короне специально для выплаты жалованья гарнизону Кале и снабжения его всем необходимым. От кого? От кардинала Бифорта, конечно. [12, v. IV, p. 496–497, 499].

Кардинал, впрочем, к концу тридцатых годов был уже стар. В борьбу за власть включались новые лица, среди которых понемногу выделился Вильям де Ла Поль, граф (затем маркиз и герцог) Саффолк. Прадед Саффолка был купцом, поднявшим семью из безвестности, дед уже имел графский титул, но знатным такое происхождение можно было считать, по тому времени, лишь с большими оговорками. О том, что такое война, Вильям де Ла Поль знал не понаслышке. В молодости он воевал непрерывно, был ранен под Арфлером, командовал осадой Орлеана, долго находился во французском плену [см. о нем: 10 и 13]. Неудивительно, что в итоге он сделался противником войны и усердно способствовал заключению мирного договора.

Одним из первых шагов в этом направлении стала организация в 1445 году женить-

бы Генриха VI на Маргарите Анжуйской, юной родственнице французской правящей династии. Надо отметить, что переговоры об этом, начавшиеся годом раньше, были восприняты в Парламенте не сказать, что с большим одобрением. Это не помешало, впрочем, Палате общин вынести Саффолку за них благодарность. В связи с чем мы впервые встречаем в парламентских материалах его имя [15, v. V, p. 73–74, 102–103]. Интересно, что среди лордов, присоединившихся к просьбе, был и Глостер.

Звезда последнего уже клонилась к закату. В 1441 году по обвинению в колдовстве была осуждена церковным судом и приговорена к пожизненному заключению его жена Элинон Кобхем [6, p. 102, 115–116; 5, p. 381–399]. Об отношении Парламента к этому событию можно судить лишь косвенно, по некоторым петициям Палаты общин [например, 15, v. V, p. 56]; видимо, оно было не в пользу герцога.

А в 1447 году был арестован и сам Глостер. Ему предъявили обвинение в государственной измене, а спустя три дня герцог скончался в тюрьме по неизвестной причине. Несмотря на то, что арест и смерть произошли во время сессии, в парламентских документах мы не находим об этом ни слова. О судьбе как Элинон, так и ее мужа можно узнать только из хроник. Их авторы, настроенные к Глостеру весьма сочувственно, тем не менее не торопились открыто обвинять кого-то в его смерти. Умер «от горя», пишет один из них. Некая болезнь, добавляет другой. Даже автор латинской хроники конца XV в., горячий сторонник Глостера, находил вину Саффолка только в его аресте [6, p. 55–56, 104, 121; 7, p. 149–150].

В отличие от хронистов, общины Парламента совершенно однозначно высказались на предмет того, кто тут виноват. Правда, случилось это позднее – в 1450 году, когда Нижняя палата предъявила герцогу Саффолку целый ряд обвинений: в изменнических действиях в пользу Франции, в растратах, коррупции и прочем подобном. А также в том, что он довел до гибели такого замечательного принца («the most noble vaillant true Prince»), как Хамфри Глостер [15, v. V, p. 226, 335]. Действовали общины очень решительно. И, похоже, значительная часть лордов их поддерживала, судя по тому, что король, который до последнего пытался отстоять Саффолка, так и не отдал его суду пэров, решив дело своей волей. Самые тяжелые об-

винения были сняты, по совокупности остальных герцог был отправлен в изгнание. Не слишком тяжелая кара – но в пути его настигли убийцы, направленные, видимо, Ричардом Йорком. Этот потомок Эдуарда III и отец будущего короля Эдуарда IV, тогда как раз вошел в силу, и Саффолк мешал ему на пути к власти [15, v. V. p. 176–183].

Итак, если проследить поведение Парламента в ходе политической борьбы во второй четверти XV, создается впечатление, что оно довольно мало зависело от войны, притом, что сама война тут постоянно присутствует. Епископ Винчестерский и особенно герцог Глостер стояли за ее продолжение. Объективно эта позиция не отвечала интересам средних слоев, представленных в Палате общин, ведь военные действия вели за собой повышение налогов. Примерно то же можно сказать и о лордах, ведь налоги платили и они, а вопрос о владениях на континенте к середине века утратил актуальность. Возможно, этим можно объяснить призыв к миру на сессии 1430–1431 гг. Однако в следующем десятилетии мы видим уже совершенно другие настроения. Герцог Саффолк, поборник мира, не снискал популярности ни у лордов, ни у общин. В Нижней палате усилились настроения в пользу Ричарда Йорка, о чем свидетельствует не только процесс над Саффолком, но и конфликты, связанные со спикерами – сторонниками и противниками Йорка [см., например: 15, v. V, p. 239–240].

Вопрос о том, насколько Нижняя палата Парламента могла быть самостоятельна в ходе политической борьбы – отдельная тема, которую здесь поднимать не стоит. Но при любом раскладе выглядит немного странным, что аргументация, связанная с войной, в документах, отражающих участие Парламента в этой борьбе, вовсе не использовалась.

Вернее – использовалась ровно один раз, когда общины обвинили Саффолка в том, что он действует в пользу Франции. Учитывая его близость к королеве-француженке, это обвинение могло бы выглядеть и не беспочвенно, если бы не сопровождалось другим – в намерении освободить престол для своего сына. Похоже, общины действовали по принципу «чем ужаснее, тем лучше», недаром оба эти обвинения были королем отвергнуты.

Таким образом, в деятельности английского Парламента первой половины XV века

война выступает постоянным фоном, неким естественным обстоятельством, требующим регулярного принятия мер, но, как правило, не подлежащим критической оценке. Связано ли это с чрезвычайной длительностью войны с Францией? В самом деле, ведь она началась раньше, чем родился самый старый из парламентариев нашего периода. Никто из них не помнил времени, когда этой войны не было. Более того, Англия и Франция воевали и раньше, территории переходили из рук в руки и на континенте, и на острове – во времена нормандского завоевания [см.: 9, p. 162]. Значит ли это, что английское общественное сознание, отразившееся в деятельности Парламента, и в самом деле воспринимало состояние войны как норму?

В своём исследовании Е.В. Калмыкова убедительно доказывает, что – нет. Противоположность войны справедливой и несправедливой, войны и мира, своих и чужих отчетливо и глубоко осознавалась англичанами позднего Средневековья как на интуитивном, так и на интеллектуальном уровне [3, с. 385–388]. Здесь неважно даже, какая именно война считалась справедливой (наверное – та, которую ведет твой король!) – главное для нас то, что эти соображения очень редко учитывались как аргумент в решении того множества больших и малых проблем, из чего и состояла парламентская деятельность. При анализе этой деятельности возникает ощущение некой близорукости, и невольно вспоминается евангельское выражение «довлеет дневи злоба его».

И это притом, что среди членов обеих палат было немало людей образованных, способных широко и здраво мыслить. В этом убеждает не только рассмотрение фигур отдельных лордов или спикеров Палаты общин [см. об этом, например: 12 и 14], но и анализ работы Парламента в целом, при всех сложностях, весьма сбалансированной и эффективной.

Так или иначе, указанная позиция Парламента представляется мне весьма любопытной и заслуживающей дальнейшего исследования. Надеюсь, что внимательное и подробное изучение парламентских документов даст основания для новых, может быть, неожиданных выводов.

Список литературы:

1. Басовская Н.И. Политическая борьба в Англии и Франции первой половины XV в. и Столетняя война // Идейно-политическая борьба в средневековом обществе. М., 1984. – С. 120–140.
2. Золотов В.И. Общество и власть в позднесредневековой Англии XV века. – Брянск: Курсив, 2010. – 229 с.
3. Калмыкова Е.В. Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. – М.: Квадрига, 2010. – 664 с.
4. Calendar of Plea and Memoranda Rolls. Preserved among the archives of the corporation of the City of London at the Guildhall. A.D. 1413 – 1437. – Cambridge: The University Press, 1943. – 369 p.
5. Griffiths R. The Trial Of Eleanor Cobham: An Episode In The Fall Of Duke Humphrey Of Gloucester // Bulletin of the John Rylands Library. – 1969. – No. 51 (2). – Pp. 381 – 399.
6. Flenley R. (ed.). Six Town Chronicles of England. – Oxford: Clarendon press, 1911. – 216 p.
7. Gairdner J. (ed.). Three Fifteenth-Century Chronicles. – N.Y.- – London: Johnson Reprint Corp, 1965. – 206 p.
8. Kingsford Ch.L. Prejudice and Promise in 15th-century England. – London.: Cass, 1962. – 226 p.
9. Lander J.R. Conflict and Stability in XVth-Century England. – London: Hutchinson 1969. (1st ed.). – 216 p.
10. Maurer H.E. Margaret of Anjou: Queenship and Power in Late Medieval England. – Woodbridge: Boydell Press, 2004. – 240 p.
11. Myers A. England in the Later Middle Ages. – London: Penguin Books, 1978. – 286 p.
12. Powell J.E., Wallis K. The House of Lords in the Middle Ages. – London: Weidenfeld & Nicolson, Orion Publishing Group, Limited, 1968. – 671 p.
13. Richardson, D. Plantagenet ancestry: a study in colonial and medieval families. – Baltimore: Genealogical Publishing Company, 2004. – 945 p.
14. Roskell J.S. The Commons and their Speakers in English Parliaments 1376-1523. – Manchester: Manchester University Press, 1965. – 390 p.
15. Rotuli Parliamentorum: ut et petitiones et Placita in Parlamento, 1278 – 1503. – London, 1832. V. I-VI (материалы парламента первой половины XV в. – v. III–V)
16. The Statutes of the Realm. – London: [printed by G. Eyre and A. Strahan]. 1816. Vol. 2
17. Thomson J.A.F. The Transformation of Medieval England. 1370–1529. – London: Routledge, 1983. – 444 p.

Калужский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), РФ.

УДК 94(470.44).07

*А.Е. Марченко**Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент И.В. Кометчиков*

ПРЕДЫСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИЙ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ И СОЗДАНИЕ АВТОНОМИИ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ

В статье рассматриваются исторические предпосылки и особенности создания АССР немцев Поволжья. Для анализа изучаемых событий использованы нормативные документы, связанные с российскими немцами и труд родившегося в одной из немецких колоний Якова Дитца «История поволжских немцев-колонистов». При работе со статьёй были использованы историко-генетический и системный методы. В результате анализа исследуемой темы, автор пришел к выводу, что создание АССР немцев Поволжья носило политические цели.

Ключевые слова: российские немцы, колонисты, переселенцы, Поволжье, Область немцев Поволжья, вызыватели, Канцелярия опекунов иностранных, АССР Немцев Поволжья

*А.Е. Marchenko**Supervisor of studies – Candidate of Historical Sciences, docent I.V. Kometchikov*

BACKGROUND OF THE APPEARANCE OF GERMAN COLONIES IN THE MIDDLE VOLGA REGION AND THE CREATION OF AUTONOMY OF THE VOLGA REGION GERMANS

The article examines the historical background and features of the creation of the Autonomous Soviet Socialist Republic of the Volga Germans. To analyze the events under study, we used regulatory documents related to Russian Germans and the work of Jacob Dietz, who was born in one of the German colonies, “The History of the Volga German Colonists.” When working with the article, historical-genetic and systemic methods were used. As a result of the analysis of the topic under study, the author came to the conclusion that the creation of the Autonomous Soviet Socialist Republic of the Volga Germans had political goals.

Key words: Russian Germans, colonists, settlers, Volga region, Volga German Region, summoners, Office of Guardianship of Foreigners, Volga German Autonomous Soviet Socialist Republic

Расселение немцев в России имеет долгую историю. До Ивана IV Грозного оно часто касалось привилегированных слоёв населения и имело династическую природу. Наиболее известными были династические союзы Святослава – сына Ярослава Мудрого и сестры епископа Бурхарта из Трира, а также Евпраксии – дочери князя Всеволода и германского императора Генриха IV [1, с. 6]. Стоит отметить, что наряду с этим имели место торговые и конфессиональные отношения.

Начиная с правления Ивана IV Грозного (1533–1584) иностранцев преимущественно немецкого происхождения начинают приглашать в Россию для службы в качестве врачей, архитекторов, теологов, специалистов по отливке колоколов и др. Для их размещения на территории Москвы в конце 1550-х гг. была даже создана Немецкая слобода, хотя и другие города не были запрещены для заселения. В 1652 г. территория Немецкой слободы, восстановленной Бори-

сом Годуновым на реке Яузе после её разорения Иваном IV Грозным в 1578 г. из-за поражения в Ливонской войне, становится «белой», то есть освобожденной от уплаты государственного тягла, что давало её жителям определённые преимущества перед русскими посадскими людьми, а исповедовавшим религии, отличные от христианства – возможность создания церковно-приходских школ и обустройства храмов.

С началом правления Петра I (1689–1721) число немцев на территории России продолжает увеличиваться. Среди причин этого был как общий упадок германских государств одновременно с возвышением Российского государства, так и «Манифест Петра I о приглашении иностранцев на поселение в Россию» 1702 г., постановлявший принятие «со всякою милостию» иностранных купцов и художников, а также свободу вероисповедания, защиту от судебных расправ и возможность отставки «как водится у других

Европейских Монархов» [5, Т. IV, с. 192–195].

Немцы вносили новшества во многие сферы жизни России. С их помощью постепенно удалось перестроить сознание русского служилого сословия для служения не только ради материальных благ, вроде жалования, но и ради защиты своего государства и отечества. Был открыт ряд новых учебных заведений и казённых предприятий, а отрасли экономики, вроде оружейного дела и горнодобывающей промышленности, достигли современного на то время уровня. Но социальный статус подобных иностранцев был неизвестен. Им не оставалось ничего, кроме интеграции в российское общество.

В такой большой стране, как Россия, которая стала империей ещё в 1721 г., не могла не существовать проблема незаселённости и неосвоенности присоединённых территорий. Проблема заключалась и в том, что большая часть населения оставалась под крепостным гнётом. Поэтому, узнав об успешных случаях колонизации в Западной Европе и в Северной Америке, правители Российской империи, начиная с Елизаветы Петровны (1741–1761), стремились включить иностранцев в процесс колонизации своих восточных земель путём формирования общих положений о призыве колонистов. Начало этому положила уже Екатерина II (1762–1796) своим Манифестом 1763 г. «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах». По этому Манифесту иностранцы, которые соглашались переехать на необжитые территории российского востока для его колонизации, получали ряд преимуществ. Среди них значились освобождение от призыва на военную и гражданскую службу, уплаты податей на срок от 5 до 30 лет, а также денежный беспроцентный заём с правом возврата через 10 лет [3, с. 35–36].

Немцы, уже имевшие опыт проживания и службы на территории России, отлично подходили на роль колонистов. Стоит отметить и ожидаемый отток населения из германских земель из-за их разорения Семилетней войной. Местом, куда собирались прежде всего переселять новоиспеченных колонистов, являлось Среднее Поволжье. Стимулом к переезду также являлись слухи, запущенные вербовщиками на германских землях. Они уверяли будущих колонистов в прекрасных условиях проживания в Поволжье, пло-

дородной почве, сходной с таковой во Франции, а также здоровом и мягком климате. На самом деле природные условия Поволжья были намного более непредсказуемыми и суровыми, чем их родные территории. Характерными особенностями климата Саратовского Поволжья были континентальность, засушливость и большая изменчивость от года к году. На левобережье эти особенности получили наибольшее выражение. Имела место довольно сильная продолжительная жара наряду с ливневым характером дождей, вымывающих плодородный поверхностный слой с последующим образованием оврагов, что очень плохо влияло на основной вид занятий нынешних колонистов – земледелие [1, с. 8–9]. Вместе с этим эти места были известны прежде как места обитания кочующих калмыков и киргиз-кайсаков, которые занимались разбойничеством несмотря на то, что были в каком-то роде русскими подданными. Подобные условия повлияли на последующую жизнь колонистов, заставляя их вводить новые традиции хозяйствования и образа жизни.

Ситуация осложнялась и тем, что помимо государственных вербовщиков также существовали и частные – вызыватели. Они зачастую игнорировали законы местных властей в угоду своей прибыли и вывозили колонистов на сборные пункты без их ведома. Это давало шанс любому немцу избежать выплаты каких-либо долгов или иных проблем у себя на родине. Ответной реакции от германских государств не пришлось ждать долго. Считается, что открытая борьба с агитацией началась с фактического изгнания Иоганна Фациуса, комиссара из Франкфурта-на-Майне в 1766 году. Следом за этим и в ряде других городов начались закрытия сборных пунктов и зазвучали требования вернуть завербованных немцев. Для России не оставалось другого выхода, кроме как остановить колонизационные мероприятия. Уже в ноябре 1766 г. в иностранных газетах появилась новость об их прекращении. В итоге с 1763 г. по 1766 г. в результате подобных мероприятий численность населения российских территорий пополнилась на 6 542 семьи коронных и вызывательских колонистов, составлявших около 22 800 душ [3, с. 55].

Однако и после 1766 г. один из вызывателей, барон Борегард, продолжал вывоз немцев из страны, хотя уже и в меньшем размере: в 1767 г. и 1768 г. было отправлено

около 100 семейств. Канцелярия опекунства иностранных как основной орган, занимающийся иностранцами в России, также ещё принимала колонистов, хотя и с одним условием – подобные люди должны были сдать особый экзамен по хлебопашеству, чтобы

доказать свою пригодность для освоения будущих колоний. В Таблице 1 отображено как количество семейств колонистов по годам, охватывая период с 1767 г. по 1773 г., так и общее число людей, отправленных на Волгу за данный период [3, с. 56].

Таблица 1

Число семейств колонистов, отправленных на Волгу в 1767 – 1773 гг.

Год	Количество семейств переселенцев
1767	79
1768	12
1769	5
1770	–
1771	7
1772	25
1773	9
Всего за указанный период, отправленных на Волгу – 604 человека	

Само заселение будущих немецких колоний началось в 1764 году. За два года с таким большим количеством колонистов Канцелярия сочла необходимым иметь свой исполнительный орган на местах. Поэтому в 1766 г. в Саратове создаётся Контора опекунства иностранных. Кроме того, была введена некая промежуточная ступень для взаимоотношения между Конторой и колонистами, а именно окружные комиссары. Комиссарами могли быть только военнослужащие, что не нравилось колонистам из-за используемых для взаимодействия с ними армейских командных методов.

Стоит отметить, что вместе с этим вёлся контроль над всеми сферами их жизни, а в конце каждого месяца полагалось сдавать отчёт о состоянии колоний. Также комиссары имели влияние и на выборных должностных лиц – форштегеров, старост колоний. Формально они имели возможность выбирать колонистами, но Контора могла и не утвердить выбранную кандидатуру без рекомендации комиссара.

Первые итоги хозяйственной деятельности колонистов нельзя было назвать чем-то прорывным даже по мнению их самих. Основными причинами этого были непривычный для колонистов климат, отсутствие между ними сплочённости, сложности в работе с землей для бывших ремесленников.

Большие сложности переживали вызывательские колонисты. Организация их хозяйства была передана в руки офицеров, набранных для этой цели в Европе, которых мало интересовали как сами колонисты, так и освоение пустынных местностей. Естественно,

эта часть переселенцев была этим недовольна. И не она одна. Основываясь на этом недовольстве, Контора в 1779 г. перевела всех вызывательских колонистов в разряд казённых. На то время последним удавалось обеспечивать себя своим трудом, о чём свидетельствует размер государственных субсидий, примерно в три раза меньший, чем у бывших вызывательских колонистов [1, с. 14]. Но полностью обеспечивать себя продуктами и продавать их излишек колония сможет только к концу XVIII века. Также только к концу XVIII в. колония Екатеринштадт, которая с самого начала задумывалась как ремесленный центр, станет приобретать его черты. Также стоит отметить и развившееся к этому времени текстильное производство колонии Сарепта, на фабриках которой могло работать одновременно до 400 человек.

К концу XVIII в. также наблюдается увеличение количества школ, чаще всего церковных, по примеру германских княжеств. В 102 немецких колониях насчитывалось 105 школ, занятия в которых проводились регулярно. Учебный процесс, состоявшийся в усвоении основ своего религиозного учения, мог проходить в молитвенном доме, доме учителя или даже просто пустом доме. Так как основной целью колонизации было развитие сельского хозяйства, в нём были задействованы все члены семьи. Колонисты были обрадованы тому факту, что результатом их многолетней работы стало преодоление экономических трудностей, мешавших обучению их детей.

За время правления Екатерины II в сфере административного управления произошло многое, в том числе и ликвидация Канцелярии опекунов иностранных и её Контора в Саратове, полномочия которых теперь исполняли губернские директора экономики. Павел I (1796–1801), известный своей оппозицией политике матери, постановил возродить эти структуры вместе с увеличением количества земли, требующейся колонистам. Следующим шагом императора было издание в 1800 г. специальной Инструкции о внутреннем порядке и управлении в колониях. Большая её часть содержит в себе ряд запретов и правил, связанных с разными сферами жизни и деятельности поселенцев: от быта до сельской экономики. Стоит заметить, что в качестве наказания за неисполнение правил или нарушение законов часто выступал штраф, и только тех, «кто невзирая на объявленные штрафы и наказания от продрозостей не уймется», предоставляли в Контору для суда по общим законам. Эта инструкция во многом улучшила жизнь колонистов и ограничила возможность произвола. «Главнейшей должностью» же в ней ставилось повиновение закону своей церкви, что обязывало поселенцев «со всяким благоговением» молиться во все выходные и назначенные праздничные дни [5, с. 299–313].

С ростом благосостояния колоний росло и население, что вело за собой всё более явную нехватку земли. Это вынуждало колонистов переходить в новые отрасли промышленности. В начале XIX века получило развитие мукомольное производство на местных водяных мельницах, бывшее самым значительным по обороту видом производства, маслобойная промышленность, изготовление сельскохозяйственных орудий, шерстяной материи, сурового полотна. Позже колонисты начали развивать кожевенное производство, позднее – обувное дело.

Обособленность колонистского управления делала необходимым введение в 1857 г. специального свода законов – «Устава о колониях иностранцев в Империи», в котором закреплялось управление колониями, их разделение, а также права и обязанности колонистов [7, с. 3–90].

Политика государства по отношению к колониям и их жителям в целом была весьма лояльной. И хотя переселенцы всегда могли рассчитывать на помощь в хозяйственной деятельности и ряд привилегий, они жили в некоторой изоляции от местного населения.

Возможно, проблема была в сравнительно малом проценте населения, который хорошо владел русским языком. К 1833 г. школы с обучением русскому языку были учреждены только в двух колониях – Екатериненштадте и Лесном Карамыше. Кроме того, наряду с нехваткой зданий для обучения, появилась нехватка учителей и в обычных колонистских школах. К середине XIX в. в колониях Поволжья на почти 33 тысячи учеников приходилось всего 147 учителей. Власти считали, что открытие Екатериненштадтского центрального училища в 1857 г. сможет уменьшить этот огромный разрыв, но после первого выпуска центрального училища в 1863 г. только трое стали учителями приходских школ, что почти не имело влияния на решение данной проблемы.

Период «Великих реформ» Александра II (1855–1881) в Российской империи – период, поменявший привычный уклад жизни общества. Эти изменения затронули и немецких колонистов. В 1871 г. из нескольких десятков независимых немецких государств была создана Германская империя. Немецкие колонии потенциально могли стать основой для вмешательства Германии во внутренние дела России и осложнить взаимоотношения обоих государств. По мнению самих поселенцев, эти предположения являлись клеветническими, ведь немецкий колонист, пройдя через трудности жизни в России, уже не представлял собой тип германской нации, а является каким-то совершенно новым народом [3, с. 376–377]. Но сама возможность этого заставила Александра II в 1871 г. принять «Высочайше утвержденные правила об устройстве поселян-собственников (бывших колонистов), водворенных на казенных землях в губерниях Петербургской, Новгородской, Самарской, Саратовской, Воронежской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской». Данный документ содержал несколько значимых пунктов, полностью менявших жизнедеятельность немцев в России. Происходила смена статуса колонистов на поселян-собственников. Теперь они ничем не отличались от среднестатистического крестьянина, недавно освобожденного от крепостного права. Также колонии переходили в управление тех губерний, на территории которых они находились. Делопроизводство переводилось на русский язык, он становился полноценно изучаемым во многих школах немецких сёл [6, с. 813–819]. Три года спустя в начале 1874 г. система рекрутских наборов

была сменена всеобщей воинской повинностью, и поскольку у бывших колонистов не оставалось никаких привилегий, они тоже подлежали призыву. В подкрепление этому к концу XIX в. и церковно-приходские школы были переданы из ведения духовенства в ведение Министерства народного просвещения. Эти многочисленные изменения в конце XIX в. привели немецкие колонии к расколу. Большинству удалось принять новые условия жизни, немногие из колонистов переселились в Америку.

Период самого большого давления как на немцев Поволжья, так и на всех немцев, проживающих на территории Российской империи, пришёлся на Первую мировую войну, в которой Германия и Россия оказались врагами. Это привело к всплеску патриотической активности, связанной с анти-немецкими выступлениями. Как и раньше, никто не спрашивал переселенцев об их взаимоотношениях с германской стороной, людям было достаточно того, что из-за «подобных» им Россия вынуждена нести потери в войне. Немцы же в это время всё равно старались помогать, как они считали, уже своей стране. В первые годы войны бывшие колонисты на свои средства открыли госпиталь в Саратове для получивших ранения в боях, оказывали материальную помощь и другим госпиталям. Более 50 тысяч немцев Поволжья находились на фронте. Но и там они подвергались дискриминации. Им, как правило, не доверяли оружие, а если и доверяли, то распределяли по звёздам таким образом, чтобы в одном подразделении находилось не более 2–3 немцев, чтобы минимизировать возможность предполагаемой диверсии. Остальные выполняли вспомогательные и ремонтные работы.

После ряда тяжелых поражений на фронте в 1915 г. к протестующим против немецкого засилья присоединилось и государство. Был наложен запрет на немецкие общественные организации, обучение в школе и даже на публичные разговоры на немецком. В конце 1914 г. названия всех немецких населенных пунктов были русифицированы. Ещё одним ударом для немцев Поволжья стал утверждённый 2 февраля 1915 г. «Закон о землевладении и землепользовании некоторых разрядов состоящих в русском подданстве австрийских, венгерских или германских выходцев», который лишал переселенцев прав на приобретение собственности, владе-

ние и пользование недвижимостью на территории бывших колоний [5, с. 36–38.].

Фактически недавним российским подданным было запрещено жить в стране, которая, как им казалось, уже давно их приняла. Будучи раньше максимально лояльными к государству, они всё больше стали проникаться большевистскими идеями. В наибольшей мере это повлияло на призванных в армию немцев, которые в своих колониях становились опорой будущей революции.

Революция 1917 г. положила конец немецким притеснениям. Узнав о «Декларации прав народов России», принятой 2 ноября 1917 г., немцы Поволжья начали всё чаще задумываться о возможности территориальной автономии. Договоры, связанные с окончанием Первой мировой войны, а именно Брест-Литовский мирный договор от 3 марта 1918 г. и русско-германский дополнительный договор смогли повлиять на новое большевистское руководство в этом плане. На их основании российские немцы получали возможность возвращения в Германию в течение следующих 10 лет. Вместе с этим германское правительство назначило «Комиссию попечения о германских реэмигрантах» на территории бывших колоний, чтобы контролировать процесс добровольной реэмиграции. На самом деле, их методы мало отличались от методов, которые применяли вызыватели ещё в середине XVIII века. В ход шла открытая агитация, игра на национальных чувствах и всевозможные рассказы об ужасном будущем под руководством большевиков. Для нейтрализации распространения подобных антисоветских идей среди немцев 19 октября 1918 г. был подписан Декрет СНК РСФСР «О создании Области немцев Поволжья». В Декрете провозглашалось: «Вся власть на местах принадлежит исполнительному комитету, избранному съездом Совдепов немецких колоний Поволжья и местным советам немецких рабочих и немецкой бедноты... Культурная жизнь немцев-колонистов: употребление ими родного языка в школах, в местной администрации, в суде и в общественной жизни не подлежат, согласно конституции, никаким стеснениям» [2, с. 438–439].

Ещё в конце 1918 г. немцы Поволжья считали, что образование собственной области ведёт их к новой лучшей, а главное самостоятельной жизни. Но из-за Гражданской войны в России их положение даже по срав-

нению с периодом Первой мировой войны начало постепенно ухудшаться. Казалось, что близкое расположение области к прифронтовой полосе было самой незначительной проблемой в их жизни. Постоянные набеги продовольственных отрядов из соседних уездов и «самоснабжение» подразделений Красной Армии было больше похоже на грабёж. Стоит упомянуть и о размерах поставок, которые должны были собирать немцы Поволжья во время «продовольственной» кампании 1919–1920 гг. Так, к концу 1920 г. немецкое село Бальцерского уезда должно было выполнить норму в 93 тыс. пудов хлеба, в то время как соседнее село Александровка Аткарского уезда Саратовской губернии – 3 тыс. пудов. Оба села имели население примерно в 5 тыс. человек, а пахотной земли – по 5,5 тыс. десятин. Однако это не было пределом для советских властей. Колония Байдск вынуждена была собрать зерна столько же, сколько весь Камышинский уезд Саратовской губернии, а именно – 200 тысяч пудов [1, с. 32].

С началом 1920-х гг. всё нарастающее недовольство жителей области стало выражаться в увеличении стихийных выступлений против власти. Особенным в этом плане был 1921 год, когда восставшим удавалось удерживать власть на большинстве территории области практически на протяжении месяца. Большевистская власть не могла оставить такие действия безнаказанными. В конечном итоге, жестоко подавив восстание при помощи регулярных частей Красной Армии, по приговорам военного трибунала было расстреляно 286 человек, включая подростков и стариков. Некоторые оставшиеся в живых, боясь такой судьбы, начали промышлять разбойничеством и бандитизмом.

Неконтролируемый сбор огромного количества зерна в процессе подрыва

в итоге привел Область немцев Поволжья к голоду 1921–1922 гг. Ситуацию усугубила засуха, уничтожившая посевы озимых. По приблизительным подсчётам, вымерла почти четверть населения области. Потери могли существенно увеличиться, если бы не помощь зарубежных благотворительных организаций, а именно Американской администрации помощи (АРА) и Международного союза помощи детям (МСПД). В целом, продовольственная поддержка к концу 1922 г. исчислялась примерно в количестве 1,5 млн пудов, что было больше официальной советской в два раза [1, с. 34].

Предшествующие события очень сильно повлияли на хозяйственную деятельность области. Конечно, с голодом удалось справиться, но он повлёк за собой сокращение объема посевных площадей в 3 раза, негативно повлиял на количество скота. Лишь к 1923 г. под влиянием новой экономической политики, включавшей в себя предоставление крестьянам определённой экономической самостоятельности, наметилась тенденция хозяйственного подъёма.

С началом этого восстановительного периода также было необходимым решить вопрос так называемого «округления» Области немцев Поволжья. Проблема заключалась в том, что Область состояла из ряда отдельных территорий, зачастую даже несвязанных между собой, что в значительной степени осложняло управление и ведение хозяйства. Своим декретом от 22 июня 1922 г. ВЦИК РСФСР осуществил такое «округление», увеличив территорию области до примерно 26 тысяч кв. км. Изменения в населении области можно проследить, обратившись к Таблице 2 [1, с. 35].

Таблица 2

Численность населения Области немцев Поволжья на 22 июня 1922 года

Национальность	Количество человек, проживающих на территории, тыс.
Немцы	356 (67,5%)
Русские	111 (21,1%)
Украинцы	51 (9,7%)
Другие национальности	9 (1,7%)
Общее население Области немцев Поволжья на 22 июня 1922 года – 527 тысяч	

«Округление» территории Области немцев Поволжья, а также связанное с ним новое административно-территориальное деление на кантоны имело как плюсы, так и минусы. С одной стороны, это положительно

повлияло на её развитие. С другой, «округление» вынудило ранее обособленных немцев к взаимодействию с русским и украинским меньшинством, что было не очень просто.

Проследив весь путь немецких колонистов до становления Автономной Советской Социалистической Республикой немцев Поволжья (АССР НП) 6 января 1924 г., можно сказать следующее. С самого начала на них была возложена почти невозможная задача: превратить малозаселённое Среднее Поволжье с непредсказуемым климатом и суровыми условиями жизни в высокопродуктивные окультуренные хозяйства с сильной экономикой. На протяжении всей своей истории они делали всё, чтобы как можно ближе приблизиться к воплощению этих планов в жизнь и у них получалось очень многое. Но, как и для руководства Российской империи, так и для большевиков, они подчас были всего лишь средством решения этой задачи. В заключении, стоит отметить, что даже превращение Области немцев Поволжья в АССР НП не было способом как-то наградить немцев за довольно успешную деятельность в очень тяжелых условиях. За счёт этого со-

ветская власть хотела повысить привлекательность своей идеологии в глазах остального мира, «морально поддержать германский пролетариат», уверить, что в Советском союзе есть место для каждого. Для усиления этого эффекта АССР НП даже был предложен проект Конституции и постановление о политической амнистии восставших в течение 1920–1921 годов. Как оказалось в дальнейшем, эти документы носили сугубо пропагандистский характер. На самом деле та же амнистия была предоставлена всего нескольким десяткам граждан, а Конституция АССР НП не действовала в принципе, так как так не была утверждена.

Преодолев много трудностей и получив автономию, немцы Поволжья, казалось бы, получили шанс на счастливую жизнь. Но дальнейшее развитие событий открыло новую трагическую главу в сложной истории поволжско-немецкого этноса.

Список литературы:

1. Герман, А.А., Плева, И.Р. Немцы Поволжья: Краткий исторический очерк / А.А. Герман, И.Р. Плева. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. – 144 с.
2. Дитц, Я.Е. История поволжских немцев-колонистов. 3-е изд. / Я.Е. Дитц. – М.: Готика, 2000. – 496 с.
3. Декреты Советской власти. Т. III. 11 июля – 9 ноября 1918 г. – М.: Политиздат, 1964. – 676 с.
4. История российских немцев в документах (1763–1992 гг.). / Сост. к.и.н. В.А. Ауман, д.и.н. В.Г. Чеботарева. – М.: МИГУП, 1993. – 448 с.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: [с 1649 по 12 декабря 1825 г.]. Т. XXVI. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – 880 с.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе: [с 1825 по 1881 г.]. Т. XLVI. Отделение 1-е. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1874. – 937 с.
7. Свод законов Российской империи. Т. XII. Ч. II. Уставы о городском и сельском хозяйстве, о благоустройстве в казенных и казачьих селениях, и о колониях иностранцев в империи. Тетрадь. 4. – СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. – 590 с.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94(47).082; 338.124.4(470.323)"1891/1892"; 908

*П.В. Понарин***ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСКИХ УЧАСТКОВЫХ НАЧАЛЬНИКОВ В ПЕРИОД ГОЛОДА 1891 – 1892 ГГ. В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

В статье рассмотрены отдельные направления деятельности земских участковых начальников в период кризиса аграрного социума, вызванного неурожаем и голодом 1891–1892 гг. На примере Тульской губернии анализируется взаимодействие земских начальников с губернскими властями по вопросу составления подворных описей нуждающихся хозяйств, контролю за деятельностью сельских обществ в вопросе распределения продовольственной помощи, распределения хлеба голодающим.

Ключевые слова: 1891–1892 гг., голод, Российская империя, Тульская губерния, земские участковые начальники, губернатор

*P. V. Ponarin***THE ACTIVITIES OF THE ZEMSTVO DISTRICT CHIEFS DURING THE FAMINE OF 1891 – 1892. IN RUSSIA (USING THE EXAMPLE OF TULA PROVINCE)**

The article examines certain areas of activity of zemstvo district chiefs during the crisis of the agrarian society caused by crop failure and famine of 1891–1892. Using the example of the Tula province, the interaction of zemstvo chiefs with provincial authorities on the issue of compiling household inventories of needy households, monitoring the activities of rural communities in the matter of distributing food aid, and distributing bread to the hungry is analyzed.

Key words: 1891–1892, famine, Russian Empire, Tula province, zemstvo district chiefs, governor

В условиях неурожая и голода 1891–1892 гг. требовалось наличие административного ресурса, способного проверить экономическое состояние сельских обществ и проконтролировать процесс раздачи помощи в поселениях. Таким ресурсом могли стать земские участковые начальники.

В этой связи особую важность для понимания продовольственной политики в провинции представляют циркуляры начальника Тульской губернии земским начальникам. Деятельность этого института, традиционно воспринимающегося как олицетворение эпохи «контрреформ», в период голода 1891–1892 гг. практически не изучена в современной отечественной историографии. При этом думается, что представление о земских начальниках, как об «одном из звеньев архаической государственности, не выдержавшей исторического испытания» [2, с. 182], не вполне соответствует действительности. Неурожай и голод 1891–1892 гг. стали первым серьёзным испытанием административной эффективности нового института. Смысл его деятельности в условиях аграрного кризиса был сформулирован тульским губернатором в июле 1891 г. предельно конкретно:

«...правильным и тщательным исполнением задачи (обеспечения продовольствием – П.П.), Г.г. Земские Начальники представят в глазах местного населения и Высшего Правительства наглядное доказательство пользы учреждения, к которому они имеют честь принадлежать» [4, лл. 12об. –13].

Положение о земских участковых начальниках было принято 12 июля 1889 г. [8], а его реализация началась с 1890 г., в то время как в соседней Орловской губернии «Положение о земских начальниках» было введено только с 1 июля 1891 г. [1, с. 14]. По сведениям А. В. Звонцовой, в Тульской губернии институт земских начальников был введен 1 сентября 1890 г.: «Губерния, состоявшая из 12 уездов, была разделена на 55 участков. Большое количество участков было обусловлено высокой плотностью населения (52,18 чел. на кв. версту в среднем по губернии), а также составом населения, большинство которого – 89,8% – составляли крестьяне. Самый большой — Ефремовский уезд – был разделен на шесть участков, самый маленький – Белевский – на четыре участка» [7, с. 15].

В циркулярах земским начальникам содержится требование осуществления неукоснительного контроля не только за «приговорной» деятельностью сельских обществ и отчётностью волостных правлений, но и за распределительной деятельностью земских управ. Основное назначение земских начальников – административная деятельность на селе – получает развитие в губернаторской документации в 1891–1892 гг.

В циркуляре от 22 июля 1891 г. № 53 губернатор, обращая внимание земских начальников на неточность, допущенную большинством чиновников при определении размера помощи крестьянам, которую они рассчитывали поголовно на всё население, не исключая рабочее население, просил земских начальников оказать содействие в предоставлении правительству точных сведений о распределении земствами продовольственных сведений, полученных как из личных контактов с управами, так и от волостных правлений, выражая при этом уверенность, что земские начальники будут «вероятно иметь самые точные сведения» [3, лл. 9–10]. В этом документе тульский губернатор Н.А. Зиновьев обращается к земским начальникам как органу, тесно связанному с крестьянским миром, знающему его специфику. Он отмечает, что помощь населению может быть оказана двояким способом: облегчением его от платежа различных сборов и непосредственным пособием на продовольствие. Выбор способа помощи возможно только после «самого тщательного и хладнокровного обсуждения, потому что необходимо не истощать средства Государственного Казначейства» [3, л. 10], но необходимым условием содействия крестьянам является ходатайство сельского общества с согласия земского начальника. Эти общества губернатор предлагает дифференцировать на четыре вида по возможности уплаты налогов в казну, в том числе и выкупных платежей. Им выделяется четыре вида крестьянских обществ: способных уплатить все сборы полностью; способных уплатить часть сборов; нуждающихся в отсрочке от выкупных платежей; вообще неспособных уплачивать какие-либо казённые и земские сборы [3, л.10об.]. Но предметом первоочередной важности для земских начальников, по мнению правительства, должно было стать обсеменение крестьянами озимых полей.

Касаясь инициативы земства – составления подворных описей – начальник губер-

нии в циркуляре в адрес земских начальников от 27 июля, сомневаясь в том, «земства едва ли будут в состоянии удовлетворять всем заявленным ему, иногда впрочем не вполне основательным ходатайствам», предлагает передать это дело волостным правлениям «в той надежде, что эти последние, будут направляемы и руководимы Вами и действуя под Вашим контролем, доставят ко времени открытия очередных уездных земских собраний, хотя бы приблизительно точные сведения» [4, л. 20об.]. Подворные описи предлагается составлять не на основании только показаний сельских старост или сельских сходов «от которых иногда трудно добиться истины», а на основании показаний наиболее достоверных крестьян», при этом пресекать преувеличенное заявление о нуждах крестьян, в надежде получить значительную помощь. Земские начальники должны были информировать население своих участков, пособия буду выдаваться хлебом по приговорам обществ на возвратной основе: «...крестьяне обязаны будут возратить их, равно как и уплатить те недоимки, взыскание которых будет временно отсрочено и что поэтому для тех крестьян, которые, хотя и с некоторыми лишениями, могут пережить тяжёлое время, без пособия, будет иногда более выгодно перенести эти лишения, чем обременять себя на будущее время долгами, взыскание которых неминуемо последует» [4, лл. 21–21об.]. Губернатор, рассматривая составление подворных описей в качестве приоритетного направления в деятельности земских начальников летом 1891 г., предлагает начать их составление с наиболее нуждающихся обществ, сведения о которых должны проверяться лично чиновниками в течение августа [4, лл. 21–21об.].

Личное доверие к земским начальникам, как к должностным лицам наиболее близким народу, было сформулировано тульским губернатором в конфиденциальном циркуляре от 24 августа 1891 г. В нём отмечалось, что решение продовольственного вопроса зависит непосредственно от взаимодействия правительственных и общественных учреждений, под которыми он понимал земства, принявшие на себя в соответствии с законом, «главные обязанности и ответственность по обеспечению народного продовольствия». Поэтому он просит земских начальников, подчёркивая их близость к крестьянству, отказавшись от «всяких вопросов

личного самолюбия», оказывать полное содействие земским учреждениям [4, л. 51].

Опора на земских начальников как значительный административный ресурс прослеживается и в других документах губернского начальника. В циркуляре № 117 от 23 октября 1891 г. он сообщает земским начальникам информацию из МВД об уклонении крестьян от разного рода работ, предлагаемых им землевладельцами и разными учреждениями: «к сожалению, подобные сведения доходили и до меня, неоспоримо также, что в некоторых местностях при широкой раздаче ссуд на обсеменении пьянство усилилось даже в сравнении с предшествовавшим годом и по этому поводу сделано было мною лично строгое внушение всем волостным старшинам в Чернском, Новосильском, Ефремовском и Богородицком уездах» [3, л. 43]. Губернатор предлагает земским начальникам принять необходимые меры для борьбы с уклонистами от общественных работ: объявить на волостных сходах о распоряжении властей на волостных сходах и уведомить должностных лиц крестьянского самоуправления, что все приговоры с ходатайством о ссуде в земские управы обязательно будут проверяться и утверждаться земскими начальниками.

В циркуляре № 119 от 28 октября 1891 г. губернатор обращал внимание земских начальников на важную деталь – утрату юридической силы речительных приговоров сельских обществ за неимущих членов, что позволяет властям оказывать помощь продовольствием и несостоятельным крестьянам: «круговая же ответственность обществ за несостоятельных заемщиков...вытекает из общих, установленных законом условий о порядке взыскания продовольственных недоимок» [3, л. 44].

Напрашивается вывод, что выполнение распоряжений начальника губернии позволяло земским начальникам: во-первых, приобрести опыт администрирования в условиях чрезвычайной ситуации неурожая и голода, во-вторых, изучить экономическое состояние сельских обществ, находившихся на территории участка, а также понять численный состав, демографическое и социальное положение.

В данном случае особый интерес представляют отчёты земских начальников тульскому губернатору о выполнении его поручения от 22 июля 1891 г. – предоставлении точных сведений об урожае к 15 сентября

1891 г. Отчёты земских начальников показывают в целом их вовлечённость в решение продовольственной проблемы на своих территориях, прежде всего это касается земских начальников Богородицкого, Епифанского, Ефремовского, Новосильского и Чернского уездов как наиболее пострадавших от неурожая административно-территориальных единиц.

Первым об организационных проблемах в обсеменении полей сельскими обществами сообщил земский начальник первого участка Ефремовского уезда в отчёте от 12 августа: «...замедление посевов происходит по случаю сильной засухи, не подготовки крестьянами собственных семян ржи, так как молотья она при её плохих урожае весьма продолжительна и затруднительна» [4, л. 116]. Свои наблюдения он подкреплял убедительными цифрами, в соответствии с которыми по Георгиевской волости оказалось засеяно 1235 дес., а не засеяно – 3096 дес.; по Каменской волости – засеяно 818,5 и не засеяно 2241 2/3 дес.; по Старогольской – засеяно 237,5 и не засеяно 1376,5 дес.; по Даришинской – 37 и 1231 дес. соответственно. Нехватка семян оценивалась примерно на 1198 дес. земли [4, лл. 117–122]. Данное требование было направлено губернатором в Ефремовское земство, которое предоставило помощь для трёх волостей (Георгиевской, Каменской, Даришинской) в размере 11 450 пудов 15 фунтов семян, что составило 1/8 от общего количества необходимой помощи – 7/8 крестьяне взяли из собственных запасов [4, лл. 117–122]. По мнению участкового начальника, земская помощь могла быть меньше на 3000 пудов, так как в Даришинской волости много семенного хлеба оказалось было роздано зажиточным крестьянам. По остальным участкам ситуация была схожей: отчёты земских начальников, поступавшие в течение августа 1891 г., попадали губернатору, рассматривались им и направлялись для исполнения в уездную управу. Своевременное оказание помощи при содействии земских начальников вселяло уверенность в самостоятельное и безболезненное преодоление голода в пределах Ефремовского уезда.

Не менее слаженно к выполнению губернаторского поручения отнеслись земские начальники Епифанского уезда, предоставившие свои отчёты с подробными комментариями с 20 августа по 1 сентября [4, лл. 99–99об.]. Начальник четвёртого участка этого

уезда в отчёте от 1 сентября дополнил информацию о полном обсеменении полей сведениями о собственном распоряжении по всем именным участкам, «чтобы богатые крестьяне своими излишками семян помогли беднейшим для обсеменения полей, обещая возвратить им по выдаче семян обществом» [4, лл. 103–103об.]. Он же отмечал, что у $\frac{3}{4}$ населения после обсеменения ничего из запасов не осталось на продовольствие.

Оперативность исполнения правительственных циркуляров и владение ситуацией на участках показали и многие другие земские начальники. Так, начальник четвёртого участка Богородицкого уезда в отчёте от 29 августа сообщал о количестве незасеянных десятин озимых в Казанской (167 $\frac{1}{4}$ дес.), Плеснинской (174 $\frac{3}{8}$ дес.), Верхоупской (471 дес.) и Огаревской (26 дес.) волостях. По пятой – Черняевской – волости, находившейся на территории его участка, он писал, что точных сведений не имеет, но знает, «что в этой волости земля не обсеменена лишь в некоторых обществах и в незначительном количестве» [4, л. 109].

Отчёты земских начальников поступали и затем корректировались ими же на протяжении сентября – ноября 1891 г. В частности, земский начальник первого участка предоставил более подробный отчет только 29 октября, объясняя это тем, что первые сведения по участку от 13 сентября носили приблизительный характер, так как собирались в августе, когда умолот ещё не был выяснен, а вторые сведения от 22 сентября основаны на более точных данных, собранных через подворные описи и «потому могут признаны более достоверными» [4, лл. 156–156об.]. Случаи не обсеменения полей озимыми были признаны единичными. Проблема решалась после вмешательства губернаторов и помощи земств. В условиях неурожая и снижения платёжеспособности населения некоторые земские начальники выступали с инициативой снижения налогового бремени со своих крестьян. Так, начальник четвёртого участка Чернского уезда предоставил ведомость о платёжной способности сельских обществ (29 сентября и 5 октября), в которой

признал четыре селения способными заплатить только один государственный поземельный сбор. По селу Троицкому считал необходимым отсрочить уплату выкупных платежей и страховых денег [4, лл. 193–200].

Объективность исследования требует отказаться от идеализации взаимодействия губернаторского корпуса и земских начальников в решении продовольственного вопроса. Например, требование начальника губернии предоставить ему информацию об урожае и обсеменении начальник второго участка Ефремовского уезда выполнил к 23 сентября. Предводитель ефремовского дворянства в письме на имя Н. А. Зиновьева, оправдываясь за начальников пятого и шестого участков, указывал, что причиной медленного исполнения «явилась сложность и важность самого дела» [4, л. 60]. В циркуляре от 21 сентября 1891 г. начальник тульской губернии подверг резкой критике земских начальников Каширского, Венёвского и Крапивенского уездов за медлительность и неточное составление сведений о размерах требуемой помощи [4, лл. 68–71]. Допускаем, что некоторые земские начальники стремились отделаться формальным отчётом. Однако данные недостатки не умаляли в целом положительного значения работы, проделанной за короткий промежуток времени (август – первую половину сентября 1891 г.) участковыми начальниками, пока ещё не обладавшими ни многолетним опытом, ни значительным влиянием на селе.

На протяжении 1891–1892 гг. в компетенцию земских начальников входило составление списков домохозяев волостей и поселений, находящихся на территории соответствующего участка с указанием их экономического положения. В качестве примера можно указать подробные материалы, представленные земским начальником второго участка Богородицкого уезда [6]. Участковые начальники также отвечали за регулярное предоставление сведений губернатору о состоянии урожаев яровых и озимых зерновых культур [5]. Данные направления прослеживаются в их деятельности до конца 1890-х гг.

Список литературы:

1. Аверичева, О.М. Институт земских участковых начальников Орловской губернии в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / О.М. Аверичева. – Воронеж, 2013. – 23 с.
2. Бузанова, Н.А. Земские начальники Тамбовской губернии и их роль в жизни русского крестьянства / Н.А. Бузанова // Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – № 6 (52). – С. 182–187.
3. Государственный архив Тульской области (ГАТО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 366.
4. ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 43. Д. 37479.
5. ГАТО. Ф. 90. Оп. 1. Т. 43. Д. 37665 «Дело по предложению земским начальникам о доставлении сведений об урожае овса (06.06. – 16.08.1892)».
6. ГАТО. Ф. 523. Оп. 1. Д. 11; Д. 15.
7. Звонцова, А.В. Институт земских начальников в России в эпоху консервативной стабилизации и реформаторском процессе в 80-е гг. XIX в. – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А.В. Звонцова. – Тула, 2006. – 24 с.
8. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание третье: [с 1-го марта 1881 г.]. Т. IX: 1889 г. № 6196. – СПб.: Гос. тип., 1891. – 1490 с.

Тульский филиал Международного юридического института, Тула, РФ

УДК 93; 94(4)"1914/19"; 908

П. С. Резухин

**ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО
ДУХОВЕНСТВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(НА ПРИМЕРЕ ТУЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ)**

В статье рассмотрены проявления общественно-политической активности православного духовенства в период Первой мировой войны. На примере Тульской епархии анализируются разные формы участия священнослужителей в социальном служении, обращается внимание на изменение политических взглядов клира под влиянием военных и общественно-политических отбытий 1914–1917 гг. Автор делает вывод, что война привела к активной политизации православного духовенства, постепенной утрате в его среде лояльности по отношению к существовавшим государственным институтам.

Ключевые слова: Первая мировая война, Российская империя, Тульская епархия, православное духовенство

P. S. Rezukhin

**SOCIAL AND POLITICAL ACTIVITY OF THE ORTHODOX CLERGY DURING
THE FIRST WORLD WAR (USING THE EXAMPLE OF THE TULA DIOCESE)**

The article examines the manifestations of socio-political activity of the Orthodox clergy during the First World War. Using the example of the Tula Diocese, various forms of participation of clergy in social service are analyzed, attention is drawn to the change in the political views of the clergy under the influence of military and socio-political departures of 1914–1917. The author concludes that the war led to the active politicization of the Orthodox clergy, a gradual loss of loyalty among them in relation to existing state institutions.

Key words: World War I, Russian Empire, Tula Diocese, Orthodox clergy

Первая мировая война 1914–1918 гг. стала временем испытаний, тягот и лишений для всего дореволюционного русского социума. События на фронте, а также вызванные войной кризисные явления в экономике, наплыв беженцев, в комплексе оказывали негативное влияние на настроения среди населения. В общественное сознание всё более активно проникали революционные идеи, в контексте которых происходило отрицание тезиса о «войне до победного конца». Военная эпоха повлияла на мировоззрение всех слоёв населения, включая православное приходское духовенство, которое не могло оставаться безучастным по отношению к переживаемым событиям, активно включаясь в разные формы социального служения. Осмысление этой проблемы находит в современных исследованиях российских историков [1, с. 106 – 107; 6; 8, с. 104–119].

Не менее важно, что в условиях войны 1914–1918 гг. происходит дальнейшее развитие социально-политической активности священно-и церковнослужителей. К причинам следует отнести глубокий социально-экономический кризис, вызванный войной, и

приведший к значительному снижению уровня жизни клира. Военные действия вызвали самую разную реакцию приходского духовенства – от поддержки армии до критического осмысления ситуации на фронте. Конечно, наиболее заметной являлась патриотическая позиция священно- и церковнослужителей, регулярно освещавшаяся в общецерковной и епархиальной печати. Св. Синод стимулировал такую активность, в частности, привлекая клириков к сбору пожертвований на нужды воинства [9, с. 513–514]. Синодом также был разработан и соответствующий текст обращения пастырей к прихожанам. В епархиальных ведомостях размещались воззвания к клиру, в которых указывались направления его деятельности в военную годину, такие как благотворительность; особое молитвенное служение духовенства, включавшее совершение особых молебнов, панихид; а также активная работа с паствой с целью поднятия патриотического духа и активизации помощи пострадавшим [6, с. 428].

Во многих приходах Тульской епархии клирики инициировали создание попечитель-

ских советов о семьях лиц, призванных на войну. По данным А.В. Ключаревой, к марту 1916 г. их насчитывалось уже 841 [7, с. 233]. Попечительства занимались сбором добровольных пожертвований и оказанием помощи наиболее нуждающимся семьям нижних чинов армии и флота. Выдаваемые пособия были скромны: в феврале на одну семью приходилось 1 руб. 30 коп., в дальнейшем помощь увеличилась на 26 копеек, что не могло решить проблему бедности солдатских семей. Сбор средств осуществлялся стараниями приходского духовенства. Церковные власти неоднократно инициировали опросы о заслугах священно- и церковнослужителей в обстоятельствах военного времени. И в этих опросах отмечалось, что не во всех приходах к 1916 году появились попечительские советы. Так, настоятель Спасо-Кладбищенской церкви г. Тулы, священник о. Николай Сахаров указывал в отчёте, что «Попечительского Совета в приходе нет, так как на собрание для открытия такого прихожане не явились; кроме того, в нём и нет нужды при узаконенных выдачах – пособиях семьям мобилизованных со стороны общественного самоуправления» [2, л. 1об.–2]. В Епархиальный Комитет причт ежемесячно отчислял по 15 руб. из доходов церкви, за 1914 и 1915 годы было внесено всего 240 рублей. В другом городском приходе, Вознесенской церкви г. Тулы, где настоятелем служил протоиерей Александр Дмитриевич Богословский Попечительский Совет, ежемесячно переводил в епархию в пользу семей воинов по 80 руб. и сумел оказать с сентября 1914 г. по январь 1916 г. помощь 131 семейству в размере 1489 рублей [2, л. 5об.].

В сельских приходах священство имело более скромные возможности для помощи семьям воинов, но старалось всё же внести свою лепту. Так, в приходе Николаевской церкви села Истомина Веневского уезда попечительский совет был организован по инициативе священника Сахарова, который лично собрал 23 пуда ржи. В другом приходе – Знаменской церкви села Козюлькино Одоевского уезда Попечительский совет существовал, но при этом не имел собственных средств на пособия семьям лиц, взятых на войну, отправляя солдаток получать пособия в волостном правлении [2, л. 33об.].

Духовенство включалось также в процесс создания земских и городских комитетов помощи раненым воинам и семьям призванных на войну, иногда выражая протест в

случае игнорирования духовенства при организации чрезвычайных общественных институтов. Так, в августе 1914 г. священник Николаевской церкви о. Михаил Иванович Крутицкий был обвинен представителями городской управы г. Венёва в нежелании огласить постановление городского Комитета по организации помощи раненым воинам и семьям призванных на войну (далее – Комитет). По официальной версии о. М. Крутицкий, при вручении членом Комитета Д.П. Садовниковым настоятелю храма о. Владимиру Попову предписания благочинного церковей г. Венёва, произвести сбор во время служб 5 и 6 августа с оглашением воззвания, «заявил, что считает этот Комитет незаконным и не внушающим доверия, а также считает незаконным и разрешенный Консistorией сбор» [3, л. 1]. Это высказывание было сделано клириком в церкви в присутствии других членов причта. Никакого сбора и оглашения воззвания священнослужители не сделали, что стало поводом для обвинения о. М. Крутицкого во враждебном отношении к Комитету. Поведение священника стало предметом обсуждения членами Комитета 10 августа 1914 г., позволившего себе «в церкви резкие и неодобрительные выражения как по адресу Городского Комитета, избранного Думой и утвержденного г. Губернатором, так и по адресу Городского Управления» [3, л. 15]. Венёвская городская управа просила также владыку Парфения перевести клирика в другой приход, обвинив его «в недоброжелательном отношении к прихожанам и жителям города». Священник объяснил своё поведение тем, что высказал в «тесном дружеском кругу», что «находит земский комитет по организации помощи более нормальным явлением, потому что в него позвали священников и предложили стать членами, а здесь же выбирают членов без нашего присутствия, а затем обращаются к нам за содействием по сбору пожертвований» [3, лл. 3–3об.]. Как участник епархиальных съездов, постановивших «уничтожить некоторые из существующих сборов и не вводить новых», священник о. М. Крутицкий был возмущён введением нового кружечного сбора. По итогам дознания, проведённому духовным следователем, 46-летнему пастырю «за бестактность и неприличные выражения» консистория объявила выговор без занесения в формуляр [3, л. 53].

Ситуация на фронтах Первой мировой войны вряд ли могла оставить клир равнодушным. И приходское духовенство по долгу

своего служения рассказывало пастве о событиях по газетам, нередко их вольно комментируя, допуская критику центральных и местных властей. Подобные ситуации не носили массового характера, но наиболее вопиющие случаи брались на заметку не только государственных органов, но и органов церковного управления. В частности, 24 июля 1915 г. гражданские власти довели до сведения до епархиального начальства о предосудительном поведении священника Ново-Преображенской церкви села Спасского на Зуше о. Гавриила Леонардова, недавно переведённого из Веневского уезда. Основанием для беспокойства стал жалоба волостного писаря Козьмы Федотовича Дружинина, который, основываясь на достоверных сведениях, сообщал, что «местный священник Ново-Преображенской церкви села Спасского на Зуше Гавриил Сергеевич Леонардов при беседе с крестьянами дер. Липиц Лихачева (деревня ранее принадлежала коллежскому ассессору П.А. Лихачёву, от фамилии которого к названию и добавилось второе слово – П.Р.) означенной волости, после общественного благодарственного молебна по случаю зачатья уборки хлебов выразился по поводу нашей отечественной войны с врагами немцами следующими словами: немцы задавляют нас снарядами, а у нас слабо ... я, ещё до войны всюду всем говорил, нам не победить потому что против рожна... и развел руками, на его слова возражении со стороны крестьян не было, а все они лишь на него глядели изумленными глазами. Везде, где придётся священнику Леонардову быть среди крестьян он делится с крестьянами своими сведениями не известно откуда почерпнутыми, которые производят горькое настроение на прихожан, среди которых немало раненных, что и было на беседе в деревне Липиц Лихачев» [4, л. 12]. Писарь просил «присечь в корне злоупотребление священником Леонардовым своим священническим авторитетом». Предосудительные слова священника о. Г. Леонардова относительно военных событий стали основанием для проведения духовного следствия по этому делу. Однако в ходе дознания все опрошенные крестьяне, в массе своей неграмотные, показали, что нередко спрашивали, что «слышно про войну» и батюшка призывал их молиться Илье-пророку о помощи русскому воинству: «И своими речами народ по поводу нашей Отечественной войны не возмущал и нареканий на Правительство никаких не произно-

сил, как в это время, так и в другие; а говорил: «молитесь, молитесь!» И своими речами он утешал нас, но никак не огорчал» [4, л. 12]. Священник о. Г. Леонардов показал, что, прочитал из газеты телеграмму главного командования, и тем самым стремится защитить паству как от «крамольников государственных и игривых слухов, разъяняя им проповедями сущую цензурную правду о войне», и предлагал спросить мнение у паствы, которая слышала его патриотические речи после молебнов на площади при волостном правлении – «этих слушателей не одна тысяча» [4, л. 15].

Период 1914–1917 гг. характеризовался заметным снижением авторитета правящей династии в обществе, поддержку которой духовенство оказывала своим верным служением. Церковная интеллигенция болезненно реагировала на падение в среде мирян популярности государя императора, регулярно поминавшегося на богослужениях. И в то же время духовенство, не сомневаясь в священности особы Николая II, допускало порой резкие высказывания в адрес царственной особы.

Особый резонанс имело обвинение в октябре 1914 г. священника из села Медведок Ефремовского уезда Флегонта Преображенского в произнесении «дерзко оскорбительных слов по отношению Священной Особы Ныне Царствующего Государя Императора Николая Александровича» [5, л. 3]. Дело было возбуждено одновременно и жандармским управлением, и духовной консисторией. Поводом стало якобы сделанное клириком замечание на сообщении местной дворянки о патриотической манифестации в г. Ефремове, когда собравшиеся несли портрет государя императора: «Да, я знаю, как два патриота несли идиота» [5, л. 5]. Разбирательство длилось до февраля 1915 г. Священника о. Ф. Преображенского на время удалили из прихода в Щегловский монастырь под надзор наместника монастыря. Однако за священнослужителя вступились как духовные, так и светские лица. Важным оказалось заступничество Ефремовского уездного предводителя дворянства, писавшего владыке Парфению, что ему известно «тяжёлое положение о. Флегонта Преображенского» – обвинение в оскорблении Его Величества, в неслужении в царские дни, в неупоминании при больших выходах имени наследника», – и просил отнестись к священнику «с присущими Вашему Высокопреосвященству снисходительностью

и добротой» - у священника много врагов, «которые из-за личных взглядов не остановятся не перед чем для того, чтобы так или иначе причинить Преображенскому зло» [5, л. 84–84об.]. Среди недоброжелателей указывались, в том числе и члены причта церкви села Медведок. В итоге о. Ф. Преображенский был оправдан как светским, так и духовным судом и возвращён в приход [5, л. 129].

Допускаем, что священнослужители в частных беседах могли высказать мнение о ситуации в обществе. Так, священник и настоятель храма села Ухтомы Епифанского уезда о. Александр Дмитриевский, по словам псаломщика Шутова, подговаривал крестьян провести забастовку против очередной мобилизации лошадей и критиковал правительство Николая II за неспособность управлять страной. Псаломщик определял себя «личностью ничтожной», но человеком, преданным Вере, Царю и Отечеству. В тоже

время о священнике Дмитриевском он отзывался крайне негативно: «... я вполне уверен, что он в таком случае не есть священник, а внутренний враг и предатель земли русской...» [10, с. 95].

Таким образом, Первая мировая война, с одной стороны, стимулировала рост патриотических чувств и настроений среди православного духовенства, что проявилось во вовлечении священников в разные формы социального служения, характерные для военного времени (попечительские советы, комитеты помощи раненым воинам и семьям). С другой стороны, в условиях кризиса, спровоцированного войной, шла активная радикализация политических взглядов священно- и церковнослужителей, что должно было стать тревожным сигналом для светских и церковных властей: самодержавие постепенно теряло социальную поддержку самой лояльной социальной группы, каковой являлось православное духовенство.

Список литературы:

1. Безик, Ю.И. Православное военное духовенство в Первой мировой войне / Ю.И. Безик // Вопросы теологии. – 2021. – Т. 3. – №1. – С. 106–116.
2. Государственный Архив Тульской области (далее – ГАТО). Ф.3. Оп. 18. Д. 525.
3. ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 4164.
4. ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 4230.
5. ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 4169.
6. Ключарева, А.В. Участие Тульской епархии в событиях Первой мировой войны / А.В. Ключарева // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы. – М.: ИМЛИ РАН, 2013. – С. 425–433.
7. Ключарева, А.В. Жизнедеятельность православного прихода в русской провинции в 1881–1917 гг. (по материалам Тульской епархии): дис...канд. ист. наук / А.В. Ключарева. – Орел, 2009. – 303 с.
8. Леонтьева, Т.Г. Православное духовенство в годы Первой мировой войны / Т.Г. Леонтьева // Россия и современный мир. – 2014. – №2 (83). – С. 104–119.
9. Определение Св. Синода от 5 ноября 1914 г. № 1015 «О привлечении приходского духовенства к участию в сборе пожертвований на нужды доблестного Российского воинства» // Церковные ведомости. – 1914. – № 45. – 8 ноября.
10. Понарин, П.В. Государство, общество и Русская Православная Церковь в начале XX в. (1900–1920 гг.): монография / П.В. Понарин. – М.: Международный юридический институт, 2012. – 200 с.

Тульская духовная семинария, Тула, РФ

УДК 070

В.С. Семёнова, В.В. Луговой

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ СССР В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Средства массовой информации в XX веке начинают играть всё большую роль в жизни общества. В Советской России и Советском Союзе понимали важность данной сферы для влияния на население страны. В условиях Великой Отечественной войны СМИ приобретают ещё большую роль. Для мобилизации страны было необходимо всестороннее информационное обеспечение, авангардом которого выступили газеты, журналы, радио. В работе рассматривается деятельность СМИ в период Великой Отечественной войны и четвёртого пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства, динамика изменений характера публикаций в военное и мирное время.

Ключевые слова: средства массовой информации (СМИ), Великая Отечественная война, СССР, четвёртый пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства, Холодная война.

V.S. Semenova, V.V. Lugovoy

FEATURES OF THE ACTIVITIES OF THE USSR MEDIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR AND THE FIRST POST-WAR YEARS

In the 20th century, the media began to play an increasingly important role in the life of society. In Soviet Russia and the Soviet Union, they understood the importance of this area for influencing the population of the country. In the conditions of the Great Patriotic War, the media acquired an even greater role. To mobilize the country, it was necessary to provide comprehensive information, the vanguard of which were newspapers, magazines, and radio. The work examines the activities of the media during the Great Patriotic War and the fourth five-year plan for the restoration and development of the national economy, the dynamics of changes in publications in war and peacetime.

Key words: mass media (media), Great Patriotic War, USSR, fourth five-year plan for the restoration and development of the national economy, Cold War.

Великая Отечественная война потрясла не только советское общество, но и все советское СМИ, она кардинально поменяла их миссию. С началом военных действий стало ясно: обычные методы работы СМИ нуждаются в коренном пересмотре, перестройки печати на военный лад. Перед страной встали сложнейшие задачи — разбить врага и сохранить целостность страны [3]. Однако это не помешало стать публицистике яркой, выдающейся фигурой Великой Отечественной войны. Она поднимала дух, порождала ненависть к захватчикам, описывала действительность как тыла, так и фронта, морально поддерживала, пропагандировала преданность Родине, мотивировала как гражданское население, так и солдат. Родина стала центральным персонажем, некой мощной силой, к спасению и защите которой призывались республики, мобилизовалось общество. Начали активно создаваться фронтовые газеты: дивизионные, бригадные, корпусные. У каждого фронта обязательно была своя газета (ежедневно выпускалось 128 газет). Перево-

дились газеты и на национальные языки [2, с. 89].

Публицистика заняла значительное место в средствах массовой информации того времени, включая периодическую печать и радио, и стала основной формой творчества для многих популярных писателей военного времени. Для координации деятельности различных средств массовой информации во время Великой Отечественной войны было создано «Советское Информационное Бюро (Совинформбюро) — информационный политический орган, деятельность которого начинается фактически с первых дней войны. Целью данного органа являлась организация и проведение работы по освещению в печати и на радио событий в стране и за рубежом в условиях войны. Совинформбюро являлось также организатором контрпропагандистской деятельности. Программы Совинформбюро — «В последний час», «Сводки Совинформбюро», «Письма с фронта и на фронт» и другие сообщения выходили ежедневно с 25.06.1941 по 15.05.1945, в них было названо

14 470 фамилий солдат, отличившихся в боевых действиях против немецких войск. В мае 1945 Совинформбюро прекратило свою работу. Очень важной задачей органа было информирование о подвигах советских солдат, раскрытие справедливого и освободительного характера войны Советского Союза против фашизма через печать и радио.

На фронт были направлены сотни писателей СССР, которые стали работать военными корреспондентами. Часто они находились в эпицентре огня, на передовой и создавали свои статьи, где описывали весь ужас войны. Среди военкоров были известные писатели, как Шолохов М. А. (корреспондент «Красной звезды» и «Правды»), татарский поэт Джалиль М. М. (корреспондент-поэт армейской газеты «Отвага»), Илья Эренбург (корреспондент «Красной звезды», «Правды», «Известия» и «Труда»). Илья Эренбург оказал большое влияние на СМИ в военное время, он являлся автором множества широко известных статей и стихотворений с эмоциональным антинацистским окрасом, он вдохновлял на борьбу против фашизма еще до войны, работая военным корреспондентом в Испании [3]. Во время Великой Отечественной войны И. Эренбург активизировал идеологическое противостояние с нацистами, своими многочисленными публикациями призывая советских граждан к единению и сопротивлению. За время войны он создал около 1,5 тыс. произведений, собранных в четырехтомнике «Война». Его голос стал символом антифашистской борьбы. И. Эренбурга читали и обсуждали как в СССР, так и за его пределами [7].

Не только произведения Ильи Эренбурга и Михаила Шолохова влияли на мнения людей, но и работы других литераторов, призывавшие к защите Родины и преодолению трудностей. Такие писатели и поэты как Алексей Толстой, Всеволод Вишневский и Константин Симонов писали произведения и статьи о духовном мире людей, их переживаниях и отношении к событиям войны. Статьи и произведения, такие как «Родина», «Что мы защищаем» Толстого А. Н., «Сила России» Тихонова Н. С., «Смерти нет!», «Одушевленные люди. Рассказ о небольшом сражении под Севастополем» Платонова А. П., «Отстоять Родину» Соболева Л. С. и многие другие авторы вдохновляли на подвиги и спланивали народ [7]. Это делало публицистику особенно близкой и понятной широкой аудитории. Публицистические ра-

боты выходили на страницах центральных и фронтовых газет, включая такие издания, как «Правда», «Известия» и «Красная звезда», а также в журнале «Знамя».

Нельзя не упомянуть тот факт, что для обеспечения защиты государственной безопасности и защиты граждан от нежелательной информации иностранных станций (что могло привести к распространению иной пропаганды) осуществлялся контроль радио. Комитет по радиовещанию и радиофикации при СНК СССР отвечал за контроль информации, которая в дальнейшем выходила в эфир на радио. Большим риском было то, что неожиданно можно было попасть на частоты немецких радиоволн. Даже на самих радиостанциях и в кабинетах радиостов можно будет прочитать надписи «помни: враг тебя подслушивает». Поэтому 25 июля 1941 года СНК СССР принял Постановление №1750 «О сдаче населением радиоприёмных и передающих устройств» [6], в нем говорилось, что все радиоприёмники и передатчики должны быть переданы органам Народного комиссариата связи на хранение. А несдача оборудования в установленный срок влекла за собой уголовную ответственность [8].

Радио было не просто сухим информированием (передача «Последние известия»), но и мощной поисковой базой (передача «Письма на фронт и с фронтов Отечественной войны»). Если первая программа была по своей сути радионовостями, рассказывающими о событиях на фронте, оккупированных территориях, надвигающейся опасности, то вторая программа была «глотком надежды» для слушателей, ведь слушая ее, люди могли найти своих потерянных родственников и друзей, удостовериться, что они живы [1, с. 16].

Наличие радиостанций общего пользования давало высокую эффективность пропаганды — информация шла из одного источника. Такие слова как «казалось», «наверное» и подобные, исключались из радиопередач, тем самым давая большую уверенность в словах. Вместо этого добавлялись слова «захвачены временно», «может быть, годик потерпеть» и т. п., это подчеркивало ничтожность неудач. Образ женщины тоже часто использовался для пропаганды: образ хрупкой девушки очень мотивировал как мужчин, так и женщин [8].

СМИ в годы Великой Отечественной войны оказались в центре внимания в каче-

стве инструментов массовой информации, образования, пропаганды и моральной поддержки. Они стали неотъемлемым элементом ежедневной жизни, влияя на мировоззрение, моральный дух и поведение миллионов людей, объединяя нацию.

Если во время войны СМИ перестроились на военный лад, то после её окончания нужно было перестраиваться обратно. Произошла серьезная переориентация деятельности СМИ на новые задачи, главной из которых стало улучшение народного хозяйства в связи с новой пятилеткой. Острой проблемой являлся серьезный дефицит производственной базы и журналистских кадров, что в свою очередь сказывалось на качестве публикаций. Многие газеты были вынуждены сократить свой объем во время войны. В связи с этим была необходима публикация новых документов, корректирующих работу печати.

Самым значимым документом принято считать Постановление «Об улучшении качества и увеличении объема республиканских, краевых и областных газет», принятое ЦК ВКП(б) 15 июля 1945 года. Основными недостатками, которые выделял ЦК ВКП(б) по отношению к печатным изданиям, являлись: состояние, в котором находятся газеты, многие из которых выпускаются всего на двух полосах и не способны адекватно отражать значимые аспекты жизни общества; низкий культурный уровень (ошибки, плохое оформление), отсутствие должной политической работы с населением, плохая информативность газет (материалы поверхностные, не отвечающие интересам населения). ЦК ВКП(б) обязывает увеличить объем изданий, улучшить качество размещаемой информации, сделать газеты мощным инструментом политического воспитания, «использовать газеты как важнейшее средство партийного руководства массами» и увеличить штат сотрудников [10, с. 421–423]. Единственным выходом для увеличения штата сотрудников оказалась всесторонняя помощь военной печати, включая переход журналистов, передачу ресурсов и техники. Постепенно восстанавливалась и расширялась сеть газет, появлялись новые издания, в том числе и на национальных языках, что способствовало укреплению связи СМИ с читателями.

Важно понимать исторический контекст, в котором находились средства массовой информации. 1946–1950-е гг. характеризовались началом Холодной войны между

СССР и США: две сверхдержавы стремились расширить сферы своего влияния. 5 марта 1946 Уинстон Черчилль в знаменитой Фултонской речи потребовал создание англо-американского военного союза для борьбы с «мировым коммунизмом во главе с Советской Россией» [4, с. 275–276]. В капиталистических странах из правительств исключались коммунисты, расширилось антикоммунистическое законодательство, сокращались экономические, политические, научные и культурные связи с социалистическими государствами.

В этой борьбе СМИ выступали одним из главнейших игроков данного противостояния, цель которого заключалась в пропаганде идеологии коммунизма и критика Запада. Начинает выходить журнал «Проблемы мира и социализма» [5]. После жесточайшей войны началась активная публицистическая деятельность в защиту мира. Ведущие советские писатели, включая М. Шолохова и И. Эренбурга активно публиковали в центральных газетах статьи с напоминанием о важности сохранения мира. Популярность распространенного в то время в газетах лозунга «Догнать и перегнать» (слова Владимира Ленина из его книги «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» 1917 года) обуславливалась началом новой, четвертой пятилетки 1946–1950 годов, основной задачей которой было за 4 года восстановить пострадавшее после войны народное хозяйство. Средства массовой информации активно пропагандировали скорейшее выполнение плана, публиковались статьи об успехе в восстановлении промышленности, объектов социальной инфраструктуры, железных дорог, достижения сельского хозяйства, тем самым вдохновляя на усердную работу.

28 июня 1946 года произошло важное событие — первый выход газеты «Культура и жизнь». Просуществовала она почти 4 года, до 8 марта 1951 года. За это время было опубликовано более пятидесяти документов о средствах массовой информации [5]. Газета была создана с целью воспитания культурной и политической позиции граждан. «Культура и жизнь» жестко ограничивала творческую свободу писателей и поэтов, манипулировала общественным мнением. Массово критиковались газеты, журналы, публикации и произведения, что часто негативно сказывалось на развитии культуры в Советском Союзе. Особенно поражающим была критика Анны Ахматовой, которая в период Великой Оте-

чественной войны выступала на радио со своими стихотворениями, ободряя и поддерживая не только солдат в бою, но и гражданских в тылу [9, с. 133].

В то же время послевоенный период ознаменовался значительным развитием и техническим усовершенствованием радио и телевидения. Развитием этих сфер занимался Всесоюзный Комитет по радиофикации и радиовещанию при Совете Министров СССР, созданный ещё до войны в 1933 году. Долгое время считалось, что роль телевидения и роль радио были одинаковые: во многом по этой причине их работа их строилась идентично. В последние месяцы Великой Отечественной войны в СССР начались работы по развитию радиовещания и переориентации телевидения на новый уровень. 7 мая 1945 года считается началом периода, когда телевидение становится регулярным. В этот год активно строятся телевизионные центры и улучшается качество изображения.

В заключении можно сделать вывод, что в условиях Великой Отечественной войны перестройка работы СМИ на военные роли сыграла очень важную роль. Консолиди-

руя советское общество, средства массовой информации рассказывали о подвигах на фронте и в тылу, давали надежду на освобождение жителям оккупированных территорий, которые находились фактически в информационном вакууме. Военный период стал временем расцвета писателей, поэтов, военных корреспондентов, дикторов. Цель СМИ можно сформулировать лозунгом того времени – «Всё для фронта, всё для Победы!»

После войны средства массовой информации находились в определённом кризисе, который был вызван как объективными (недостаток финансирования, нехватка кадров), так и субъективными факторами (с началом противостояния СССР и США усиливается идеологическое давление со стороны партийных органов). Определённые изменения начинают происходить со смерти И. В. Сталина и последующего прихода к власти Н. С. Хрущёва, который начал проводить более демократичную политику, получившую в историографии название «Оттепель».

Список литературы:

1. Болотова Л. Д. Радиовещание в годы Великой Отечественной войны / Л. Д. Болотова // Сборник научных статей. В честь 70-летия Победы. – М.: Факультет журналистики МГУ, 2015. – С. 11–18.
2. Лебединская В. Г. О стремительной перестройке работы радио и печати в годы Великой Отечественной войны / В. Г. Лебединская // Реклама, маркетинг, PR: теоретические и прикладные аспекты интегрированных коммуникаций: материалы V Всероссийской научно-практической конференции / Отв. редактор В.В. Касьянов. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2022. – С. 88–92.
3. Малышева Е. М. Советская публицистика и СМИ в годы Великой Отечественной войны: опыт актуализации / Е. М. Малышева // Сборник научных статей по итогам международного научного форума. – Майкоп: Институт наследия, 2019. – С. 412–423.
4. Оганисян Ю. С. Запад и Россия. От фашистской агрессии до цветных революций / Ю. С. Оганисян // Актуальные проблемы истории Второй мировой и Великой Отечественной войн: по материалам работы круглого стола (г. Воронеж, 10–11 марта 2015 г.) / редкол.: к.и.н. А. А. Богдашкин (отв. секр.), д-р полит. наук А. С. Железняков (отв. ред.), канд. воен. наук Е. В. Ильинов, к.и.н. Е. Д. Строганова, к.и.н. В. В. Теплухин (отв. ред.). – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2015. – С. 261–289.
5. Огурцова А. Ю. Противостояние сверхдержав в холодной войне: на примере СМИ (1946–1949 гг.) / А. Ю. Огурцова // Актуальные проблемы конфликто разрешения в современном мире: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Курск, 21 апреля 2022 года). – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. – С. 139–142.
6. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о сдаче населением радиоприемных и передающих устройств. 25 июня 1941 г. // Электронная библиотека исторических документов: сайт. URL: <https://clck.ru/3AnGq7> (дата обращения: 10.02.2024).
8. Руденко М. С. Образ Великой Отечественной войны в публицистике 1941–1945 гг. / М. С. Руденко // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2015. – №3. – С. 48–49.

9. Сомов В. А. Радио как коммуникативное средство формирования трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на примере Волго-Вятского региона) / В. А. Сомов // Новейшая история России. – 2012. – №1. – С. 132–143.

10. Титяева В. И. Призыв к борьбе и стойкости в творчестве Анны Ахматовой и Ольги Берггольц в блокадном Ленинграде / В. И. Титяева // Сборник студенческих статей. – М.: Отечество, 2020. – С. 421–426.

11. ЦК ВКП(б). Постановление «Об улучшении качества и увеличении объема республиканских, краевых и областных газет» // Знамя. – 1945. – 15 июля. Ст. 139 (8721).

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94(47).081; 908

*М.О. Тарасов**Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор И.Б. Белова***ПРИКАЗ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ КАК МЕХАНИЗМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА**

Статья посвящена деятельности Калужского Приказа общественного призрения в период 1860-х гг. Работа написана на основе материалов фонда Калужского приказа общественного призрения, хранящегося в Государственном архиве Калужской области, а также сведений о работе Приказа, опубликованных в газете «Калужские губернские ведомости». Автор подробно рассматривает направления деятельности Калужского Приказа общественного призрения с целью формирования общего представления о роли Приказа в контексте внутренней политики государства в отношении социально незащищённого населения. При этом сам Приказ рассматривается как самостоятельный государственный механизм, созданный для урегулирования социальных проблем.

Ключевые слова: механизм, социальная политика, Приказ общественного призрения, Калужская губерния, нуждающиеся, учащиеся, социальная поддержка.

*М.О. Tarasov**Supervisor of studies – Doctor of Historical Sciences, professor I.B. Belova***THE ORDER OF PUBLIC CHARITY AS A MECHANISM FOR IMPLEMENTING THE
SOCIAL POLICY OF THE STATE**

The article is devoted to the activities of the Kaluga Order of Public Charity in the period of the 1860s. The work is written on the basis of materials from the Kaluga Order of Public Charity Fund, and information about the work of the Order published in the Kaluga provincial Gazette, stored in the State Archive of the Kaluga region. The author attempts to consider the real activity of the Kaluga order of public charity in order to form a general idea of the role of the Order in the context of the internal policy of the state in relation to the socially vulnerable population. At the same time, the Order itself is considered as an independent state mechanism created to resolve social problems.

Keywords: mechanism, social policy, Order of public charity, Kaluga province, needy, students, social support.

Значимым показателем внутренней политики государства является его отношение к вопросам решения внутрисоциальных проблем. Положение незащищённых слоёв населения напрямую зависит от проводимой государством политики в отношении данных лиц и применяемых механизмов урегулирования социальных проблем. Для реализации обеспечения поддержки и надзора за нуждающейся в этом частью общества в различных регионах Российской империи в разное время создавались соответствующие органы, предназначенные для проведения поддерживающих и контролируемых мероприятий, иными словами, создавались специальные механизмы надзора и поддержки нуждавшихся. Одним из свидетельств проявления внимания к социальным проблемам становится создание губернского учреждения – Приказа об-

щественного призрения (далее – Приказ). Данные учреждения вводились в российских губерниях на основании именного указа Екатерины II от 7 ноября 1775 г. «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи». В ведении Приказов находились образовательные учреждения (народные школы) и благотворительные заведения (богадельни, сиротские, работные, смирительные дома, больницы и аптеки). Кроме того, в обязанности последнего входили финансовая деятельность (выдача кредитов под залог имений помещиков), забота об определении больных, инвалидов и детей в подведомственные приказу заведения, обеспечение финансовой поддержки обучающимся различных сословий вплоть до оплаты обучения, дотации подведомственным и социально значимым заведениям.

Изучение существовавших государственных механизмов урегулирования социальных проблем делает возможным понять отношение государства к социальным проблемам и выявить наиболее эффективные способы поддержки нуждающихся. Работа написана на основе материалов фонда Калужского приказа общественного призрения, хранящегося в Государственном архиве Калужской области (далее – ГАКО), и опубликованных в «Калужских губернских ведомостях» (далее – КГВ) статистических сведений о работе Приказа периода 1860-х гг.

Фонд № 37 «Калужский Приказ общественного призрения» насчитывает довольно большое количество дел, а именно: 1532 единицы хранения за 1777–1868 гг. Непосредственно в фонде Калужского Приказа общественного призрения сохранились различные делопроизводственные документы, свидетельствующие о его работе. К ним относятся: переписка о постройке новых больничных корпусов при комплексе Хлюстинских богоугодных заведений, переписка об описи имений помещиков за долги, о постройке новых зданий, сметы и отчёты учреждения о проводимой им дотационной деятельности. Имеется достаточное количество документов, касающихся работы учреждения, позволяющие сформировать представления о фактической деятельности калужского Приказа, что в совокупности со статистическими сведениями, опубликованными в «КГВ», показывает роль Приказа в контексте внутренней политики государства в отношении социально незащищённого населения.

Отметим, что с развитием земского самоуправления в ряде российских губерний, вопросы, связанные с обеспечением социального присмотра, постепенно переходили в ведение земств. Калужский Приказ общественного призрения продолжал свою работу вплоть до конца 1860-х гг. Так например, комплекс Хлюстинских богоугодных заведений, подведомственный Приказу, был передан Калужскому земству лишь 15 февраля 1869 г. Основан же указанный комплекс был ещё в начале XIX в. мосальским помещиком Антоном Семеновичем Хлюстиным, в его составе были: больница, психиатрическая лечебница, богадельня. Калужский краевед Ю.А. Вусович отмечал положительное влияние земского управления на комплекс, в частности, указывал на факт решения части накопившихся проблем, связанных с недостаточным финансовым снабжением. Иными

словами, комплекс Хлюстинских богоугодных заведений продолжал не только работать, но развивался и расширялся [1, с. 17]. Земство уделяло внимание находившимся в его ведении богоугодным заведениям, оказывая положительное влияние и способствуя решению ряда проблем, однако до формирования калужского земства вся тяжесть в решении подобного рода вопросов ложилась на плечи благотворителей и Приказа общественного призрения [12].

Во второй половине 1850-х – начале 1860-х гг. в ведении Калужского Приказа общественного призрения находились: три больницы: Градская, Хлюстинская, Золотарёвская; дом умалишенных, дом неизлечимо больных, инвалидный дом, смиренный дом, сиротский дом; 10 больниц в уездных городах: Перемышльская, Лихвинская, Козельская, Жиздринская, Мосальская, Мещовская, Медынская, Боровская, Малоярославская, Тарусская. Помимо вышеперечисленного, в ведении Приказа находились две богадельни, одна в г. Перемышле – Баташевская (рассчитанная на 12 человек мужского пола), другая – Позняковская, основанная в 1819 г. генерал-майором Петром Адриановичем Позняковым (согласно другой версии, богадельня была устроена по его духовному завещанию) и расположенная в с. Лычеве Калужского уезда. Она была рассчитана на 20 человек призреваемых мужского и 30 женского пола. Обе богадельни были открыты на частные средства, но помимо выделенных благотворительных капиталов, на проценты с которых предполагалось содержание учреждений, они также поддерживались Приказом в финансовом плане. Позняковская и Баташевская богадельни размещались в каменных одноэтажных зданиях, пожертвованных основателями этих учреждений: помещицей Баташевой и отставным генерал-майором Позняковым.

Кроме того, в ведение Приказа входила и забота о незаконнорожденных младенцах, находящихся на «воспитании у нянек». Разумеется, связанные с этим расходы ложились на казну Приказа.

Общее количество призреваемых менялось от месяца к месяцу. Для того, чтобы представить приблизительную картину о количестве призреваемых, обратимся к ведомости о состоянии заведений Калужского Приказа за конец 1857 г., до появления земств, когда Приказ действовал в полную силу. Так, на конец упомянутого года на все вышена-

званные заведения Приказа (включая заботу о 88 незаконнорождённых младенцах) приходилось порядка 685 призреваемых обоего пола [4, л. 41, 41 об; 8].

Стоит отметить, что вышеназванные заведения, находившиеся в Калуге в ведении Приказа, занимали собственные каменные здания, а уездные больницы имели собственные помещения. Для Жиздринской и Боровской больниц были куплены дома, для Малоярославецкой больницы были выделены средства из городских доходов на постройку нового здания.

Особое положение занимала Пятницкая богадельня, находившаяся в Калуге. Основана она была в 1793 г. по инициативе бывшего правителя Калужского наместничества, генерал-майора князя Петра Долгорукова, за «общественный городской счёт, для престарелых бедных граждан обоего пола...» [11]. Впоследствии содержание богоугодного учреждения ложится на купеческое общество. Когда же именно это произошло долгое время оставалось неизвестно. В фондах ГАКО автору статьи удалось выявить документы, свидетельствующие о переходе учреждения под надзор калужского купечества и дальнейшего содержания его на частные капиталы. Так, например, в «Приговоре калужского купеческого общества», состоявшемся 25 июля 1891 г., был упомянут 1837 г. как год, с которого купеческое общество «приняло на себя обязанность содержать названную богадельню» [2, л. 9]. Аналогичное упоминание встречается в отпуске министру внутренних дел, датированном тем же периодом, где к тому же кратко освещалась история богоугодного заведения, примечательно что в документе было чётко отмечено об ограниченных функциях Приказа относительно описываемой богадельни: «В 1793 году, с разрешения Калужского Наместника, в устроенном в г. Калуге на средства Калужского купечества и пожертвования посторонних лиц одноэтажном каменном доме открыта была бывшая "Градскою Думою" богадельня для призрения 50 человек обоего пола, с тем, чтобы бывший в то время Калужский Приказ общественного призрения не касался распоряжений "Градской Думы" по содержанию и управлению сказанной богадельней, а ограничивался лишь наблюдением за поступающими в богадельню лицами которые во всяком случае должны были приниматься в богадельню с ведома упомянутого приказа. Богадельня эта, названная Пят-

ницкой, по находению с близ Пятницкой кладбищенской церкви, до 1837 г. состояла в непосредственном заведовании Калужской "Градской Думы", а с 1837 г. обязанность по содержанию богадельни и призреваемых приняло на себя Калужское купеческое общество...» [2, л. 39]. Далее в документе отмечалось, что купеческое общество с момента перехода под его ведение означенного учреждения, сразу же озаботилось улучшением последнего. После чего, были проведены работы по увеличению здания, надстроен второй этаж, увеличено количество призреваемых до 80. Однако всё же, наиболее вероятным представляется, что упомянутые изменения произошли после 7 января 1839 г., после поднятия вопроса бывшим гражданским губернатором Н.В. Жуковским, и по всей видимости, при непосредственной поддержке купеческого общества [11]. Действительно, впоследствии можно заметить, что содержится вышеупомянутое богоугодное заведение на средства с доходов купеческого общества, с принадлежащих ему недвижимых имуществ, сдаваемых в аренду [2, л. 9]. Так же на содержание богадельни в разное время поступали различные пожертвования. Функции же самого Приказа здесь сводятся к разрешительно-контролирующим.

Тем не менее, надо отметить, что средств, выделяемых на содержание данной богадельни, фактически не хватало для обеспечения нужного качества работы заведения. Призреваемые в этой богадельне лица получали содержание провиантом, при этом часть содержащихся в ней лиц, вынуждена была искать источники дополнительного дохода за пределами заведения. Так, призреваемым Пятницкой богадельни ежемесячно отпускалось по 1 пуду муки, $\frac{1}{2}$ пуда круп и 1 фунта соли, а приварок же им полгалось иметь свой. Полноценно прокормиться и одеться на таковой паёк не представлялось возможным, даже при наличии предоставляемого отапливаемого и освещённого жилого помещения [10]. Иными словами, учреждение находящееся, но «особом положении» остро нуждалось в дополнительных дотациях. Для общего количества, к вышеназванным учреждениям можно отнести и сравнительно небольшую Козельскую богадельню на 6 человек, к началу 60-х гг. XIX в. так же находящуюся под присмотром Приказа, и получавшую от него некоторую финансовую поддержку [8].

Помимо содержания и поддержки богоугодных заведений, в ведении Приказа бы-

ла и финансовая деятельность, приносящая доход, частично или полностью с которого покрывались расходы на поддержку социально значимых учреждений. Г.Н. Ульянова отмечала то капиталы Приказов помимо процентов на первоначальные 15-тысячные вклады включали в себя и благотворительные частные пожертвования. Кроме того, в пользу Приказов были также предоставлены: «хозяйственные доходы» (как плата за признание в заведениях, доходы с оброчных статей), процент от продажи игральные карт, пенные и штрафные деньги по приговорам присутственных мест, апелляционные деньги по неправым апелляциям, приём судебных вкладов, с удержанием в пользу Приказов определённого процента, и проч. В необходимых случаях Приказам помогали деньгами города. «Существенную роль в развитии филантропии в России сыграло дозволение использовать «доброхотные подаяния» (содержалось в статье 392 «Учреждения о губерниях», гласившей: «Буде же случится, что частный человек, или какое-то общество или город или селение захотят установить которое-нибудь из вышеописанных учреждений или к установленным прибавить пожелают своим иждивением, то приказ общественного призрения не чинит в том никому препятствия»). В результате, в столицах и в провинции возникли заведения, многие из которых целиком были созданы и содержались на частные средства...» [13].

Калужская губерния не была исключением в деле вложения частных капиталов в фонды Приказа, финансовая деятельность которого была прекращена в 1860 г. при Александре II. Тогда все процентные вклады, без различия, частные казённые, положенные на вечное время или на определённый срок и до востребования, принятые государственным кредитными установлениями, в том числе Приказом общественного призрения, должны быть переданы в Государственный банк, который с вместе тем обязан принять на себя платёж по оным процентам и возврат капиталов [6, л. 99, 148, 148об.]. О некоторых добровольных стартовых финансовых вложениях, внесённых в казну Приказа ещё в первой половине XIX в. можно судить по составленной в 1860 г. ведомости «о капиталах, внесённых разными лицами в Калужский Приказ Общественного Призрения подлежащих к обращению в государственные непрерывно доходные билеты» [6, л. 53]. Приведённая в ведомости сумма – 41 312

руб. 27¼ коп. свидетельствует о значимой роли частных капиталов в организации общественного призрения на территории Калужской губернии. Всё это говорит о том, что в первой половине XIX в. калужские благотворители проявляли интерес к вопросам социальной поддержки населения, интегрируя свои капиталы в механизм деятельности Приказа. По сути, эти капиталы впоследствии становились средством обеспечения богоугодных учреждений, своеобразным инструментом для заработка и последующего обеспечения нужд сферы общественного призрения.

Кроме финансирования непосредственно самих богоугодных учреждений средства выделялись на весьма обширные нужды населения. К вышеозначенному можно отнести содержание Калужской гимназии и учащихся в гимназии детей, приобретение книг для бедных учеников гимназии, содержание лиц, обучающихся в других учебных заведениях (в том числе и находящихся за пределами Калужской губернии), снабжение лекарствами нуждавшихся в том лиц «бедных вне приказа».

Отметим, что на вышеописанную деятельность выделялись весьма значительные суммы. В качестве наиболее яркого примера выделяемых средств можно привести публикуемые в «Калужских губернских ведомостях» сведения о расходах Приказа в период конца 50-х гг. – начала 60-х гг. XIX в. В этот период ещё не были сформированы земства и не была проведена реформа, ставшая отправной хронологической точкой начала данного исследования, соответственно в этот период наиболее явно прослеживается действие Приказа общественного призрения как государственного механизма, созданного для урегулирования остросоциальных проблем.

В 1858 г. на оказание финансовой поддержки части богоугодных заведений было затрачено 5 900 руб. 63¼ коп. Расход осуществлялся по следующим статьям: содержание инвалидного, смирительного, сиротского домов; содержание Позняковской и Баташевской богаделен; на воспитание у нянек незаконнорождённых младенцев. На учреждения общественного призрения, выделялись средства в зависимости от текущих потребностей самого учреждения. При этом, стоит учесть, что месторасположение самого дотируемого учреждения относительно центра губернии не играло ключевой роли, так в частности две богадельни находились за пре-

делами губернского города, тем не менее дотировались соразмерно возможностям и потребностям, при этом суммы дотаций были сравнимы с суммами, выделяемыми Приказом на учреждения, располагающиеся непосредственно в Калуге.

Кроме финансирования благотворительных заведений, Приказ оказывал финансовую поддержку образовательным учреждениям и частным лицам. По сведениям, приведённым в «КГВ» за 1860 г., значилось, что на подобного рода траты ежегодно выделялось порядка 3416 руб. 1 $\frac{3}{4}$ коп. Опубликованный перечень расходов за 1859 г. включает следующие траты: на содержание Калужской гимназии – 600 руб.; на содержание в гимназии 4 обер-офицерских детей – 600 руб.; на книги для бедных учеников гимназии 25 руб. 71 коп.; на содержание двух воспитанниц в Полтавском институте благородных девиц – 500 руб.; на содержание в фельдшерской школе одного воспитанника – 66 руб. 5 $\frac{1}{2}$ коп.; на снабжение безденежно лекарствами бедных вне приказа – 57 руб. 14 $\frac{1}{4}$ коп.; на содержание 13 воспитанников в Орловском училище для детей канцелярских служащих – 1567 руб. 11 коп. Особое внимание здесь следует обратить на расходы, связанные с содержанием конкретных обучающихся. На каждого обучающегося в год тратилось более 100 руб. в зависимости от сословной принадлежности обучавшегося и специфики учебного заведения, что в любом случае являлось немалой суммой, сравнимой с ежегодной оплатой обучения в современных российских высших учебных заведениях. Кроме того, тот же источник отдельно приводит дополнительные статьи расходов со значительной общей суммой в 61 298 руб. 6 $\frac{1}{2}$ коп. Среди них: помощь детскому приюту – 681 руб.; помощь Дому трудолюбия – 3 107 руб. 42 $\frac{1}{4}$ коп. Кроме того, там же присутствует статья «На церкви, монастыри деньгами и вещами», сумма, выделяемая на данное дело – 57 509 руб. 42 $\frac{1}{4}$ коп. выглядит внушительной в сравнении с вышеприведёнными тратами, что может свидетельствовать о значительной поддержке РПЦ (которая в свою очередь также оказывала поддержку малоимущим) со стороны Приказа.

Представленные сведения свидетельствуют о регулярных денежных перечислениях, направляемых на закрытие различных потребностей социальной сферы [8].

Суммы финансовых средств, находящихся в обороте Приказа, нельзя считать не-

значительными. Доказательством тому служат публикуемые сведения о капиталах Приказа. Например, к 1 января 1859 г. в приказе общественного призрения вкладов состояло 2 281 210 руб. 91 $\frac{1}{2}$ коп. (что больше предшествующего 1858 г. на 74 980 руб. 44 коп.), а весь оборот учреждения по кредитной части «простирался на сумму» 2 387 128 руб. 51 $\frac{1}{4}$ коп., что превосходило суммы 1857 г. на 79 101 руб. 46 $\frac{1}{4}$ коп. Собственный же капитал Приказа равнялся 47 243 руб. 47 $\frac{1}{2}$ коп. и в течение года увеличился на 7 213 руб. 54 $\frac{3}{4}$ коп, что составило 18% [8]. В 1862 г. был опубликован отчёт об оборотах сберегательной кассы Приказа: «Оборот сберегательной кассы Калужского приказа общественного призрения за 1861 год». К 1861 г. в сберегательной кассе «в обращении состояло вкладов по 2 222 книжкам 74 175 руб. 21 $\frac{1}{4}$ коп.; в этом году принято по 1760 старым книжкам и по 2 671 новым, всего по 4 431-й книжке – 103 162 руб. 15 коп.; по 1 января нынешнего года причислено процентов 3 115 руб. 66 коп. Выдано вкладчиком обратно капитала и процентов – 38 606 руб. 56 коп.; за тем осталось в обращении к настоящему году 141 846 руб. 46 $\frac{1}{2}$ коп.» [9]. Указанные в отчётах значительные суммы дают нам возможность понимания того, что Приказ был способен оказывать значительную финансовую помощь как учреждениям, так и частным лицам. По мимо пожертвований и финансирования из казны, данный механизм имел свой экономический сектор, способный самостоятельно приносить доход, который впоследствии так же должен был быть направлен на финансовое решение различных социальных вопросов.

Одной из важных отличительных черт деятельности приказа, имевшей как положительные, так и отрицательные стороны, была многоаспектность деятельности данного учреждения. Помимо выделения крупных сумм для оказания помощи различным заведениям, в Калужском Приказе рассматривались и куда меньшие по масштабу вопросы. Всё это наглядно прослеживается при непосредственном изучении самого фонда Калужского приказа общественного призрения. В качестве примера разносторонней деятельности Приказа приведём несколько документов из дел данного фонда. Из журналов «Калужского Приказа общественного призрения 1869 года по разным предметам № 1321» можно привести доклад о положении дел в Позняковской богадельне, смотритель кото-

рой рапортом донёс о необходимости ремонта в учреждении. Помимо этого, в журнале присутствует запись с приводимыми из приказной сметы расходами по данной богадельне [7]. Аналогичное дело, рассматриваемое Приказом на основании рапорта исправляющего должность смотрителя Калужского сиротского дома о финансировании учреждения, даёт возможность понять специфику рассматриваемых вопросов, связанных с обеспечением работы богоугодных учреждений.

В ведении Приказа находились и вопросы заботы о самих служащих благотворительных заведений. В частности, вызывает интерес дело 1861 г. по представлениям Калужского губернского Совета Богоугодных Заведений о прибавлении жалования прислуги в заведениях и об увеличении содержания служащим при заведениях: «Совет заведений, согласно постановления своего, состоявшегося 10 сего февраля, препровождая при сём в приказ общественного призрения подлинный рапорт Конторы здешних Богоугодных заведений, от 3-го февраля за № 235, о добавке прислуги при заведениях, имеет честь уведомить, что Совет вполне разделяя мнение Конторы о необходимости добавки этой прислуги, означенной в помянутом рапорте ея, и, считая своей неременною обязанностью устранение недостатков в больничном заведении, со своей стороны покорнейше просит Приказ сделать распоряжение о добавке той прислуги, в том именно внимании, что с добавлением ея, действительно устранятся имеющиеся ныне недостаточный уход за больными, происходящий от недостаточного числа прислуги, и те трудности, какие больничное начальство встречает каждый раз в приискивании людей на служительские должности за ограниченную плату» [5, л. 1, 1 об.]. Как видно из приведённой цитаты, в ведении Приказа находились не только забота о призреваемых, но и положение самих служащих богоугодного заведения, так как от заинтересованности последних зависело не только качество предоставляемого ухода, но и решение кадрового вопроса в учреждении. В прилагаемом рапорте упоминалось о составе «здешних Богоугодных заведений» в число которых входили: Градская больница на 150 человек, Хлюстинская больница на 50 человек, Золотарёвская больница

на 15 человек; а также дома: неизлечимо больных на 50 мест, умалишённых – 40 мест, инвалидный – 50 мест и смиренный дом на 20 мест. Всего приводилось мест на 375 человек, в состав которых входил и воспитательный дом [5, л. 2].

Таким образом, деятельность Приказа не сводилась только к финансированию богоугодных учреждений. В его задачи также входили забота об обучающихся; надзор за богоугодными заведениями, не входящими в число прямо подведомственных Приказу (например: Пятницкая богадельня, помощь учебным заведениям); медицинская помощь в снабжении медикаментами лиц, находящихся вне больниц; финансовая деятельность (доход от которой должен был направляться на финансирование основных направлений деятельности Приказа). Кроме того, отдельного внимания и изучения требует вопрос взаимодействия и поддержки Приказом РПЦ. Иными словами, деятельность Приказа была многогранна, проникая в различные части общественной жизни, она долгое время оставалась главным (если не единственным подобного рода) механизмом государственной поддержки социальной сферы. Благодаря деятельности Приказа нуждающиеся имели шанс получить квалифицированную помощь различного характера, не имея возможности к самостоятельному разрешению данного вопроса.

В Калужской губернии Приказ просуществовал до конца 60-х гг. XIX в. К 1869 г. все зависящие от калужского Приказа богоугодные заведения были переданы земству. Кроме того, в ведение земства были переданы дела, имущество и капиталы Приказа. Среди переданных заведений значились: Городская, Хлюстинская, Золоторевская больницы, Инвалидный дом, дом Умалишённых, Сиротский дом, Позняковская в селе Лычеве и Баташевская в г. Перемышль богадельни... [3, л. 15, 15 об.]. Деятельность Калужского Приказа общественного призрения сменили новые, более совершенные механизмы (земство, частные благотворительные системы), основанные, однако на заложенных ещё Приказом принципах работы (тенденция к развитию самокупаемости и самообеспечению, ведение финансовой деятельности как инструмента для реализации вышеуказанных принципов).

Список литературы:

1. Вусович, Ю.А. К 100-летию Хлюстинских заведений. 1800–1909 г. Краткий исторический очерк, составленный д-ром Ю.А. Вусович с участием д-ра М.М. Селиванова / Ю.А. Вусович. – Калуга: Типография Губернской Земской Управы, 1909. – 52 с.
2. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. 32. Оп. 6. Д. 2074.
3. ГАКО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 203.
4. ГАКО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 1027.
5. ГАКО. Ф. 37. Оп.1. Д. 1155.
6. ГАКО. Ф. 37. Оп. 2. Д. 55.
7. ГАКО. Ф. 37. Оп. 2. Д. 60.
8. Калужские Губернские ведомости (далее – КГВ). – 1860. – № 5.
9. КГВ. – 1862. – № 7.
10. КГВ. – 1869. – № 34.
11. КГВ. – 1892. – № 118.
12. Памятная книжка Калужской губернии на 1896 год. Часть IV. Благотворительные учреждения в Калуге. – Калуга: Типография Губернского Правления, 1895. – С. 4 – 59.
13. Ульянова, Г.Н. Благотворительность и общественное призрение в России XIX–начала XX века. Институциональное развитие в контексте формирования гражданского общества / Г.Н. Ульянова // Труды Института российской истории РАН. 1997–1998 гг. Вып. 2 / отв. ред. А.Н. Сахаров. – М.: ИРИ РАН, 2000. – С. 164–217.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94(37).07

Л.В. Тарасова

**ТЕРМИНОЛОГИЯ ОБОЖЕСТВЛЕНИЯ У СВЕТОНИЯ:
К ВОПРОСУ О РИМСКОМ ИМПЕРАТОРСКОМ КУЛЬТЕ В I ВЕКЕ НОВОЙ ЭРЫ**

В статье рассматривается употребление Светонием в «Жизни двенадцати цезарей» терминов, передающих обожествление римских императоров – *divus*, *consecro*, *numen*. Целью исследования является выявление контекста использования перечисленных понятий автором биографий, а также специфики восприятия им апофеоза принцепсов I века н.э. Данный аспект важен для понимания не только формальной стороны обожествления, но и сущности процесса становления императорского культа. Автор приходит к выводу, что обожествлённые правители – Цезарь, Октавиан, Клавдий, Веспасиан, Тит – изображаются Светонием как люди, обладающие властью, но никак не боги. Апофеоз являлся скорее формальным политическим актом, позволяющим оказывать принцепсу дополнительные почести с целью укрепления его единоличной власти.

Ключевые слова: культ римских императоров, обожествление, *divus*, *consecro*, *numen*, Светоний, Юлий Цезарь, Октавиан Август.

L.V. Tarasova

**TERMINOLOGY OF DEIFICATION BY SUETONIUS:
ON THE QUESTION OF THE ROMAN IMPERIAL CULT
IN THE FIRST CENTURY AD**

The article examines the use of terms by Suetonius in the «Life of the Twelve Caesars» that convey the deification of the Roman emperors – *divus*, *consecro*, *numen*. The purpose of the study is to identify the context of the use of these concepts by the author of biographies, as well as the specifics of his perception of the apotheosis of the princeps of the I century AD. This aspect is important for understanding not only the formal side of deification, but also the essence of the process of formation of the imperial cult. The author concludes that the deified rulers – Caesar, Octavian, Claudius, Vespasian, Titus – are depicted by Suetonius as people with power, but not gods. The apotheosis was rather a formal political act, allowing the princeps to be given extra honors in order to strengthen his sole power.

Key words: cult of the Roman emperors, deification, *divus*, *consecro*, *numen*, Suetonius, Julius Caesar, Octavian Augustus.

С конца I века до новой эры в политической системе римского государства происходят важные изменения, приведшие к сосредоточению республиканских магистратур в руках одного человека и установлению монархии. Одним из интереснейших аспектов этого процесса стал культ римских императоров. Уже с Октавиана Августа можно говорить о культе императоров как об устойчивом явлении, а Веспасиан сделал императорский культ всеобщим и обязательным [7, с. 172]. Пожалуй, самым значимым его элементом стало обожествление умерших принцепсов и некоторых членов их семей. – По данным арвальских братьев насчитываются 25 *divi* и *divae* – представителей императорского дома до 240 г. н.э. [6, с. 162]. Первым такой чести удостоился Гай Юлий Цезарь ещё в 42 г. до н.э. (*App. B.C. II. 148; Dio Cass. XLVII. 18, 19*). Обожествлённые императоры становились *divi*. Разница между

понятиями *divus* (лат. «божественный») и *deus* (лат. «бог») не всегда была чёткой, различия сводились к семантическим тонкостям, оба названия использовались в надписях [7, с. 176; 8, р. 80]. – К. Галински обращает внимание, что императорский культ никогда не был связан с верой в собственно божество, которое могло привести к вечному спасению. И почитание Августа, например, было проявлением уважения к нему как к спасителю страны от десятилетий смуты, и поэтому он мог восприниматься как *praesens deus*, божество, чьё местожительство было на земле, а не в далёком небесном жилище [8, р. 80].

Насколько весомой, значимой составляющей был эпитет *divus* среди других проявлений культа римским императоров? Некоторые исследователи не считают обожествление важным элементом, рассматривая его как исключительно формальную акция, лишённую религиозного значения или какого-

либо смысла вообще. Например, И. Градель в одной из своих работ приводит цитату из статьи В. Кирфорда, где последний отмечает, что обожествление римских императоров I века новой эры «...точно не относится к центральным вопросам римской истории или истории религии» [9, р. 262]. В системе почестей римских императоров *divus* даже может показаться лишним элементом, ведь обожествление принцепса или иного представителя императорского дома происходило по смерти, а иногда и через несколько лет после смерти, как это случилось в отношении Ливии Августы (*Suet. Tib. 51.2; Tac. Ann. V. 1–2; Cass. Dio LVIII. 2, LIX. 1, LX. 5*). Однако надо отметить, что всё многообразие проявлений императорского культа – в виде храмов, статуй, божественных инсигний в монетной чеканке и др. – является лишь внешним проявлением церемонии и идеологии *Divi* [9, р. 262]. Ведь именно *divi* обязательно получали храм, фламينا, *sodales* и публичный культ в знаменательные дни обожествленного [6, р. 162]. Для почившего принцепса все эти почести уже не имели никакого значения, но его преемники становились родственниками *divi*, получая титул *divi filius* [3, с. 424; 8, р. 80]. А Домициан, например, был *divi filius* как сын Веспасиана, а после обожествления брата Тита стал и *divi frater* (*Suet. Dom. 2.3*).

Учреждение *Divi* может показаться внутренним противоречием в государственном устройстве Ранней империи, когда император формально был лишь первым среди равных [9, р. 263; 11, р. 57]. Но здесь нет никакого противоречия. Прижизненное обожествление правителей могло стать опасным вызовом обществу, но после смерти их власть исчезает. И не было никаких причин поддерживать иллюзию об императоре как о первом среди равных, когда его уже не было среди живых. Кроме того, в римской культуре смерть традиционно поднимала личный статус человека и способствовала некой неопределенной форме обожествления. – По сообщениям античных авторов, сыновья почитали умершего отца, как бога (*Serv. Aen., V, 47*) [7, с. 122]. Плутарх в «Римских вопросах» писал, что «...гробницы отцов чтут, как храмы богов, и над погребальными пепелищами, подняв первую кость, объявляют, что покойник сделался богом» (*Plut. Quaest. Rom., 14 – пер. М.Л. Гаспарова*). Можно сказать, что для своих детей умершие родители являлись *dii parentes* [7, с. 154].

Но до учреждения культа римских императоров такое почитание касалось исключительно семьи умершего, а после того стало затрагивать всех жителей государства. Кроме того, формальное посмертное обожествление имело важное политическое значение для складывания династии правителей, повышая престиж преемника.

Примечательно, что до Диоклетиана принцепс, которого почитали как божество, был мёртвым принцепсом, чьё правление было признано наследниками достойным обожествления, как бы легализовавшего его деяния. Слово *divus*, которое регулярно присоединялось к имени императора, чтобы показать его божественность, постепенно приобрело значение «человек, ставший богом». Но когда консул Аниций Цериал предложил возвести храм божественному Нерону, ещё здравствующий принцепс «...воспротивился этому, опасаясь, что некоторые могут истолковать сооружение подобного храма как предзнаменование его скорой смерти» (*Ann. XV, 74.3 – пер. А.С. Бобовича*). И далее Корнелий Тацит так комментирует этот случай: «ведь принцепс удостоивается божеских почестей, лишь завершив существование среди людей» (*Ann. XV, 74.3*).

Формирование римского императорского культа нашло отражение в эпиграфике, монетной чеканке, сооружении храмов и алтарей, а также проведении религиозных праздников в честь обожествлённых правителей и членов их семей. Есть и сочинения античных авторов – историков, философов, биографов, поэтов. Если первая группа источников донесла до нас официальную политику властей, то литературные произведения дают более объёмную картину прошлого, в том числе относительно политической и религиозной жизни империи, картину, в которой отразились не только факты общественной жизни, но и элементы общественного сознания, в том числе отношение авторов к происходящим процессам и явлениям.

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть употребление Светонием в «Жизнеописаниях цезарей» терминов, передающих обожествление римских императоров – *divus, consecro, numen*. Целью исследования является выявление контекста использования перечисленных понятий – особенно *divus* – Светонием, а также специфики восприятия автором приобщения принцепсов I века новой эры к сонму богов. Данный аспект важен для понимания не только фор-

мальной стороны апофеоза, но и сущности процесса становления императорского культа.

Как современники воспринимали обожествление принцепсов? Можем ли мы понять через произведения Светония, в какой мере он (и, возможно, другие интеллектуалы рубежа I–II вв. н.э.) считали обожествлённых принцепсов действительно богами? Имело ли для них обожествление сакральный смысл, или только политическое значение? Насколько эпитеты апофеоза стали неотъемлемыми по отношению к римским императорам во время жизни Светония? Эти и некоторые другие вопросы рассматриваются в рамках достижения цели исследования.

Чем обусловлено наше обращение к «Жизни двенадцати цезарей» Светония для решения поставленных задач? Во-первых, время создания труда: большинство филологов и историков датируют выход в свет, по крайней мере, большей части «Жизнеописаний» не позднее 122 года [1, с. 1520; 10, р. 147]. – Это важно, поскольку к началу II века н.э. императорский культ довольно прочно вошёл в бытование жителей государства, распространившись по всей империи и её провинциям. Во-вторых, интересна и сама личность Светония. – Биограф не являлся оригинальным мыслителем, создавшим собственную историко-философскую концепцию принципата, но принадлежал к интел-

лектуальной элите конца I – начала II вв., был хорошо знаком с Плинием Младшим, входил в его кружок, игравший большую роль в культурной жизни Рима. Вероятнее всего, в «Жизнеописаниях» нашёл отражение взгляд римской «интеллигенции» на обожествление правителей. Он не был и политическим радикалом, являясь сторонником умеренной монархии [1, с. 1520]. Для решения поставленных вопросов важны и стилистические особенности произведения. Филологи отмечают, что Светоний не стремится «риторической помпезности», а старается максимально ясно, точно и кратко изложить свои мысли и, поэтому тщательно подбирает каждое слово [2, с. 354]. В связи с этим мы можем надеяться, что Светоний ответственно подошёл и к использованию в биографиях принцепсов рассматриваемых нами терминов.

Начнём с понятия *divus*, которое чаще других концептов обожествления встречается у Светония. – В Таблице 1 указано количество употреблений термина *divus* в «Жизни двенадцати цезарей» в конкретных книгах, с указанием в отношении каких принцепсов рассматриваемый термин прилагается. Книги, в которых не встречается *divus*, пропущены. В скобках отмечены главы и параграфы, кроме тех случаев, когда термин был применён Светонием только в названии книги / жизнеописания.

Таблица 1

Количество употреблений термина *divus* в книге Гая Светония Транквилла «Жизнь двенадцати цезарей»

Название жизнеописания	Количество употреблений <i>divus, i</i>	Принцепсы, в контексте с которыми встречается <i>divus</i>			
		Гай Юлий Цезарь	Октавиан Август	Клавдий	Домициан
<i>Divus Iulius</i>	1	1			
<i>Divus Augustus</i>	9	7 (2.1; 15; 17.5; 31; 94.11; 96.1; 100.3)	2 (5)		
<i>Gaius</i>	2	1 (38.1)	2 (22.4; 38.1)		
<i>Divus Claudius</i>	1				
<i>Vitellius</i>	2	1 (8.1)	1 (1.2)		
<i>Divus Vespasianus</i>	3	1 (5.7)		1 (9.1)	
<i>Divus Titus</i>	1				
<i>Domitianus</i>	1				1 (23)
Всего	20	10	5	1	1

Из Таблицы 1 следует, что Светоний называет римских правителей божественными – *divus* – 20 раз. На наш взгляд, это немало. Тем более если учесть, что ко времени создания «Жизнеописаний» посмертное обожествление становится фактически нормой. – Веспасиан, чувствуя приближение смерти, восклицает: *Vae, inquit, puto, deus fio* («Увы, кажется, я становлюсь богом» – *здесь и далее пер. М.Л. Гаспарова*) (23.4). Из этих двадцати упоминаний *divus* пять приходятся на названия: *Vita Divi Iuli, Vita Divi Augusti, Vita Divi Claudii, Vita Divi Vespasiani, Vita Divi Titi*. При этом для Веспасиана и Тита связь с *divus* ограничивается только названиями, в которых отразился факт их официального обожествления. – В этих случаях Светоний просто не мог игнорировать формальный статус указанных принцев.

В собственно биографиях обожествлённых правителей – Юлия Цезаря, Августа, Клавдия, Веспасиана, Тита – Светоний крайне редко называет их по имени, предпочитая обходиться третьим лицом. Естественно, к третьему лицу *divus* не приставишь. Однако, когда в последующих книгах, уже обожествленные императоры называются им по имени, они почти всегда оказываются без почётногo эпитета. Например, в *Librum III (Tiberius)*, следующей за *Vita Divi Augusti*, Октавиан Август упоминается 43 раза, и всегда – без *divus*.

Так в каких же случаях Светоний всё-таки использует *divus*? – Три раз при упоминании храмов: божественного Юлия (*D. Aug. 100. 3*), божественного Августа (*Gai. 22.4*); божественного Клавдия (*D. Vesp. 9.1*); два раза – статуи божественного Юлия (*D. Aug. 17.5*; *D. Vesp. 5.7*); алтаря божественного Юлия (*D. Aug. 15*) и его же меча из святилища Марса (*Vit. 8.1*). Получается, семь раз применительно к сакральным сооружениям и объектам, связанным с обожествлёнными правителями. Иногда такой объект становится ещё и проводником воли богов. Биограф сообщает о статуе божественного Юлия, которая сама собой повернулась к востоку, в перечне знамений, предвещающих получение власти Веспасианом (*D. Vesp. 5.7*).

В другом случае Светоний рассказывает о тени божественного Юлия Цезаря, явившейся некоему фессалийцу и предсказавшей победу Октавиана при Филиппах (*D. Aug. 96.1*). В ещё одном эпизоде божественный Юлий (здесь как живой человек, а не тень) оказался причастен к знамени, побу-

дившему его назначить Августа своим преемником. – Вырубая лес для военного лагеря, Юлий Цезарь увидел пальму и приказал сохранить её, а внезапно появившийся побег от этой пальмы буквально за несколько дней превзошёл размерами материнский ствол, в «в ветвях у него появились голубиные гнёзда» (*D. Aug. 94.11*). Голубиные гнёзда намекают на род Юлиев, ибо они посвящались Венере, считавшейся его родоначальницей. Именно это знамение «...и побудило Цезаря назначить своим преемником внука своей сестры вперед всех остальных» (*D. Aug. 94.11*). В этом эпизоде Светоний через божественность Юлия как-бы намекает читателю на его правильный выбор наследника, ведь «божественный» ошибаться не может. Божественный Юлий вернул роду Октавия патрицианское достоинство. Сюда же можно отнести и возвращение божественным Юлием патрицианского достоинства роду Октавиев, из которого происходил Гай Октавий Фурий, будущий Октавиан Август (*D. Aug. 2.1*). А рассказывая о деяниях Калигулы, автор «Жизнеописаний» пишет: «когда ему приносили грамоты божественного Юлия и Августа, он отбрасывал их как устарелые и недействительные» (*Gai. 38.1*). – И через эпитет «божественный» по отношению к Юлию Цезарю и Октавиану Августа, читателю понятна негативная оценка биографа поступка Калигулы.

Светоний называет Августа божественным в связи с рассказом об освящении части дома, где родился будущий принцепс (*D. Aug. 5*). В этом эпизоде эпитет *divus* актуален, на наш взгляд, вдвойне. Во-первых, в контексте просьбы Гая Летория уменьшить ему наказание за прелюбодеяние, ибо он является «как бы блюстителем той земли, которой коснулся при рождении божественный Август» (*D. Aug. 5*). Во-вторых, уже непосредственно с постановлением о превращении дома в святилище и, таким образом, данный случай вполне вписывается в сакральные объекты обожествлённого правителя.

В этот же ряд следует отнести и упоминание Светонием того факта, что Август восстановил календарь, введённый божественным Юлием (*D. Aug. 31*). Составление государственного календаря являлось прерогативой понтификов [4, с. 448], и Юлий Цезарь провёл свою знаменитую реформу календаря, вероятно, в качестве верховного жреца [5, с. 284].

Обратимся к следующему термину для передачи обожествления, которое встречается в «Жизнеописаниях», – *consecro*. Словари дают нам четыре основных значения этого глагола: 1) объявлять священным или посвящать богам; 2) объявлять неприкосновенным; 3) причислять к богам, обожествлять; 4) чтить как святыню. Как существительное – *consecration* – посмертное обожествление, соответствующее греческому апофеозу. В «Жизнеописаниях» *consecro* встречается 16 раз в трёх из указанных значений. Примечательно, что в 11 случаях его употребление не связано с включением в число богов людей. Только три раза с помощью этого понятия читателю сообщается об официальной процедуре обожествления римских императоров: Юлия Цезаря (*D. Iul.* 88), Клавдия (*Nero* 9), Тита (*Domit.* 2.3). Остались два эпизода: первый рассказывает о запрете обожествления Ливии Тиберием (*Tib.* 51.2); второй – о каких-то обожествлённых правителях – не римских императорах (*Gai.* 35. 3). Как видно из источников, применение этого термина по отношению к умершим римским правителям достаточно прямолинейно, с его помощью просто сообщается сам факт официального обожествления. Контекст не обнаруживает ни особого пиетета, ни священного трепета перед обожествлёнными правителями.

Концепт *numen*, играющий особую роль в римской религии, требует специального рассмотрения. Остановимся лишь на нескольких аспектах. *Numen* определяется как «...безличная божественная сила, власть, могущая вмешиваться в человеческие дела» [4, с. 385]. Слово встречается ещё в республиканский период и этимологически означает «кивок головы», то есть является силой или могуществом, посредством которого божество проявляет себя в человеческом мире, сообщая о своём присутствии или о своей воле. В эпоху Империи *numen* отождествляется с понятием «бог», а в римском императорском культе обозначало духа-хранителя или божественную силу живого императора, давая возможность поклоняться ему, не называя его богом напрямую [4, с. 385; 9, р. 234–235]. У Светония *numen* встречается 6 раз (*D. Aug.* 70.1; *Gai.* 22.2, 3; 24.2; *Ner.* 56; *Vit.* 1.2), и только два из них относятся к людям, причём в жизнеописании Калигулы – принцепса, не удостоившегося обожествления (*Gai.* 22.3; 24.2). В первом случае Свето-

ний с явным неодобрением сообщает, что Калигула посвятил храм своему *божеству*: «*templum etiam numina suo proprium ...instituit*» (*Gai.* 22.3). Второй случай выглядит совсем скандальным. – Когда умерла Друзилла (сестра Калигулы, с которой он находился «в преступной связи»), принцепс «...все свои клятвы о самых важных предметах, даже в собрании перед народом и перед войсками, ...произносил только именем *божества* Друзиллы» (*per numen Drusillae*) (*Gai.* 24.2). Контекст использования термина *numen* биографом не добавляет «святости» римским императорам, а является скорее свидетельством непочтительности их к богам и даже безумия Калигулы.

Таким образом, из двенадцати принцепсов, чьи биографии написал Светоний, только пять были посмертно обожествлены – Юлий Цезарь, Октавиан Август, Клавдий, Веспасиан и Тит. При этом, в подавляющем большинстве случаев имена даже обожествлённых императоров встречаются без какого-либо сакрального эпитета. Термин *consecro* используется три раза в прямом значении, извещая читателя об официальной процедуре апофеоза Юлия Цезаря, Клавдия и Тита. Эпитет *divus* встречается 20 раз, но чаще всего он имеет отношение к различного рода знамениям и культовым предметам, связанных с включением принцепсов в сонм богов – их храмами, статуями, алтарями и т.д. Понятие *numen* используется автором жизнеописаний по отношению к людям только два раза, причём в жизнеописании Калигулы, не удостоившегося апофеоза.

В целом можно отметить, что в «Жизни двенадцати цезарей» обожествлённые правители предстают перед нами как люди, обладающие властью, но никак не боги. Апофеоз являлся скорее формальным политическим актом, позволяющим оказывать принцепсу дополнительные почести с целью укрепления его единоличной власти. При этом необходимо осознавать, что отношение к обожествлению в разных частях Империи не было одинаковым, оно могло различаться и по социальным группам. Например, во многих восточных провинциях почитание правителей как богов было традицией. И та картина, которую нам рисует Светоний, – это взгляд именно столичных интеллектуалов рубежа I–II веков на распространение культа римских императоров и их обожествление.

Список литературы:

1. Альбрехт, М. История римской литературы в 3-х томах / М. Альбрехт / Пер. А.И. Любжина. Т. 3. – М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 2005. – 616 с.
2. Гаспаров, М.Л. Светоний и его книга / М.Л. Гаспаров // Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Отв. ред. С.Л. Утченко. – М.: Наука, 1993. – С. 258–272.
3. Межеричкий, Я.Ю. «Восстановленная республика» императора Августа / Я.Ю. Межеричкий. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. – 992 с.
4. Словарь античности / Сост. Й. Ирмшер / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1989. – 704 с.
5. Утченко, С.Л. Юлий Цезарь / С.Л. Утченко. – М.: Мысль, 1976. – 365 с.
6. Шайд, Дж. Религия римлян / Дж. Шайд / Пер. с фр. Смирновой. – М.: Новое издательство, 2006. – 280 с.
7. Штаерман, Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима / Е.М. Штаерман. – М.: Наука, 1987. – 320 с.
8. Galinsky, K. Continuity and Change: Religion in the Augustan Semi-Century / K. Galinsky // A companion to Roman religion / Ed. by J. Rüpke. Oxford: Blackweel Publishing, 2007. – P. 71–82.
9. Gradel, I. Emperor Worship and Roman Religion. Oxford classical monographs / I. Gradel. – Oxford: Clarendon Press, 2002. – xvi + 398 p.
10. Mellor, R. The Roman Historians / R. Mellor. – London–New York: Routledge, 2002. x+ 212 p.
11. Price, S. R. F. The Consecration of Roman Emperors / S. R. F. Price // Rituals of Royalty: Power and Ceremonial in Traditional Societies / Ed. by D. Cannadine. – Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1987. – Pp. 56–105.

ПОЛИТИКА

УДК 324

А. Бузилэ, В.В. Луговой

ПРОЦЕСС И ДИНАМИКА ВЫБОРОВ 2018–2021 ГОДОВ: НА ПРИМЕРЕ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Данная статья проводит детальный анализ выборов, проходивших в Калужской области с 2018 по 2021 год, включая президентские выборы 2018 года и выборы губернатора в 2020 году. Рассматривается роль и влияние различных избирательных кампаний, особенности нововведений, таких как система «Мобильный избиратель», и их влияние на явку и результаты голосования. В статье также анализируются основные вызовы и достижения в организации и проведении выборов на различных уровнях, оценивается легитимность избирательных процессов и представляются данные о распределении голосов между кандидатами. Исследование подчеркивает важность независимого наблюдения и равного доступа к СМИ как критических факторов, влияющих на честность и прозрачность выборов. Анализируются также политические изменения, происходящие в регионе, и их влияние на политическую стабильность и развитие демократии в Калужской области.

Ключевые слова: Калужская область, выборы, голосование, президентские выборы, губернаторские выборы, избирательные процессы, демократия, легитимность, Госдума

A. Buzile, V.V. Lugovoy

THE PROCESS AND DYNAMICS OF ELECTIONS 2018–2021: A CASE STUDY OF KALUGA REGION

This article provides a detailed analysis of the elections held in the Kaluga Region from 2018 to 2021, including the 2018 presidential elections and the 2020 gubernatorial elections. It examines the role and impact of various election campaigns, the features of innovations such as the "Mobile Voter" system, and their influence on voter turnout and election results. The paper also analyzes the main challenges and achievements in organizing and conducting elections at various levels, assesses the legitimacy of the electoral processes, and presents data on the distribution of votes among candidates. The study highlights the importance of independent observation and equal access to media as critical factors affecting the fairness and transparency of elections. Additionally, the article explores the political changes occurring in the region and their impact on political stability and the development of democracy in the Kaluga Region.

Key words: Kaluga region, elections, vote, presidential elections, gubernatorial elections, electoral processes, democracy, election legitimacy, State Duma.

«Выборы – это избрание представителей властей путем голосования» [13]. Выборы могут быть эффективным демократическим механизмом формирования государственной власти при выполнении определенных условий. Само по себе проведение выборов еще не является показателем уровня демократии. Выборы могут быть безальтернативными или неконкурентными, может отсутствовать доступ к независимым информационным источникам и равное представление СМИ, а сильные кандидаты могут быть исключены из участия.

В современном правовом мире граждане нашей страны имеют права участвовать в государственном управлении, включая из-

брание главы государства и формирование властных органов. Избирательное право, закрепленное в Конституции Российской Федерации, позволяет избираться и быть избранным, а также участвовать в референдумах.

Выборы устроены так, что они обеспечивают равные возможности для всех кандидатов и гарантируют непредвзятость средств массовой информации. Они предоставляют всеобщее право голоса каждому гражданину старше 18 лет, за исключением лиц, лишенных свободы или признанных недееспособными; тайность голосования, где никто не в праве требовать от человека называть за кого он проголосовал и равенство каждого голоса,

где каждый избиратель выбирает одного кандидата.

Выборы и референдумы, проведение которых регламентируются законодательством, могут касаться различных уровней государственного устройства. Они отличаются целями: выборы направлены на избрание представителей власти, а референдумы решают вопросы, например, конституционных поправок. Легитимность власти обеспечивается через выборы, с последующим возможным переизбранием.

Выборы президента Российской Федерации 2018 год.

Президентские выборы Российской Федерации 2018 года привлекли значительное внимание как внутри страны, так и на международной арене. Владимир Владимирович Путин уверенно одержал победу, подтвердив свое положение как центральной фигуры в политической системе России, что обеспечило его четвертым президентским сроком. Путин получил примерно 76% голосов, что стало его наибольшим результатом на выборах президента. Несмотря на внешнее и внутреннее давление, попытки дискредитации выборов не нашли подтверждения в массовых нарушениях, согласно опросам, большинство граждан считают выборы честными [1]. Поддержка В. В. Путина была подтверждена опросами, предсказывавшими его высокие рейтинги.

Предвыборная кампания была отмечена низким уровнем конкуренции. Основными кандидатами, помимо Владимира Владимировича, были Павел Грудинин от Коммунистической партии, Владимир Жириновский от Либерально-демократической партии и Ксения Собчак от гражданской инициативы. Но вопреки всему никто так и не смог серьезно конкурировать с В.В. Путиным, чья популярность обеспечивала ему значительное преимущество.

Если говорить конкретнее о кандидатах, то от партии КПРФ изначально должен был идти Г.А. Зюганов, но он в последний момент снял себя с кандидатов и вместо себя поставил П.Н. Грудинина. Он был наиболее заметной фигурой среди кандидатов (исключая Владимира Владимировича), так как представлял собой новое лицо Коммунистической партии. По стратегии КПРФ, Грудинин мог бы не только выйти во второй тур выборов, но и значительно расширить электорат партии, привлекая левоцентристов (партия «Справедливая Россия» не выставля-

ла своего кандидата), патриотов, а также часть сторонников Навального и либералов, которые были готовы голосовать за любого кандидата, лишь бы не за Путина [1]. Однако все эти надежды не оправдались.

Владимир Жириновский известен своими провокационными высказываниями и националистической риторикой. Его кампания была направлена на критику миграционной политики, обещания усиления национальной безопасности и защиты интересов российских граждан. Так как политик находился в преклонном возрасте, он явно не собирался участвовать в выборах в 2024 году, поэтому его задачей было напомнить о себе, используя патриотическую волну и увеличить электорат, пытаясь обойти КПРФ.

Ксения Собчак позиционировала себя как «кандидат против всех», выступая за политические реформы, свободу слова и против коррупции. Ее кампания привлекла внимание молодежи и тех, кто стремился к переменам в политической системе страны.

Григорий Явлинский сосредоточил свою кампанию на необходимости демократических реформ, улучшении экономической ситуации через инвестиции в образование и здравоохранения, а также на снижении напряженности в международных отношениях. «Задача Г. А. Явлинского – отстоять позиции «лидера демократической оппозиции», расширить электорат «Яблока» перед выборами в Госдуму» [1].

Множество аналитиков квалифицировали троих оставшихся кандидатов как так называемых «спойлеров», предполагая, что их присутствие на выборах в основном направлено на отвлечение избирательных голосов от других участников голосования.

Анализ результатов голосования (Таблица 1) отражает значительное преобладание одного кандидата над остальными, что подтверждается высоким процентом голосов, полученных В. В. Путиным. Распределение голосов между кандидатами показывает, что лидер выборов существенно опередил своих ближайших конкурентов, получив поддержку абсолютного большинства избирателей. В то время, как результаты других кандидатов свидетельствуют о разнообразии политических предпочтений среди населения, хотя и не позволили им составить серьезную конкуренцию лидеру.

Таблица 1

Результаты Президентских выборов 2018 года.

№	Кандидат	Партия	Процент голосов	Число голосов (млн)	Явка (%)
1.	Владимир Путин	Независимый	76,69%	56,4	67,5
2.	Павел Грудинин	КПРФ	11,77%	8,7	67,5
3.	Владимир Жириновский	ЛДПР	5,65%	4,2	67,5
4.	Ксения Собчак	Гражданская инициатива	1,68%	1,3	67,5
5.	Григорий Явлинский	Яблоко	1,05%	0,8	67,5
6.	Борис Титов	Партия Роста	0,76%	0,6	67,5
7.	Максим Сурайкин	Коммунисты России	0,68%	0,5	67,5
8.	Сергей Бабурин	Российский общенародный союз	0,65%	0,4	67,5

На президентских выборах 2018 года были внедрены нововведения, включая систему «Мобильный избиратель», облегчившая процесс голосования за пределами места жительства. Она была использована впервые в 2017 году, но в 2018 она стала доступна во всех регионах. Данная технология позволяла проголосовать на любом избирательном участке как на территории нашей страны, так и за границей. Кроме того, расширение сети веб-камер для наблюдения за процессом голосования и сохранение записей в Центральной избирательной комиссии предназначалось для повышения прозрачности и проверки фактов фальсификации. На эту систему были выделены значительные средства [13].

В результате выборов главы государства, проведенных под руководством губернатора Анатолия Артамонова, члена Генерального Совета Партии «Единая Россия», Калужская область заняла седьмое место среди регионов Центрального федерального округа по числу проголосовавших. На территории области было организовано 732 избирательных участка, на которых трудились 2205 общественных наблюдателей, включая представителя ОБСЕ и ШОС. Явка избирателей составила 68,17%, что на 4,64% выше, чем на предыдущих президентских выборах в 2012 году. Высокая активность голосования была отмечена в нескольких районах, причем в Износковском районе она достигла 89,65%.

Владимир Путин получил в регионе абсолютное большинство голосов – 76,16%. Губернатор Артамонов положительно оценил итоги выборов, отметив успешное проведение и высокую явку избирателей [4].

Референдум 2020 год.

Большой юридический словарь определяет референдум как «ключевой институт непосредственной демократии». В отличие от выборов, где объектом являются кандидаты или списки кандидатов на определенные должности, на референдуме рассматривается конкретный вопрос. Этот вопрос может касаться закона, законопроекта, конституции, поправки в конституции, проблемы международного статуса страны или внутривнутриполитической проблемы [14].

В первой статье Федерального конституционного закона от 28.06.2004 №5-ФКЗ раскрывается понятие референдума, а именно «Референдум Российской Федерации – всенародное голосование граждан Российской Федерации, обладающих правом на участие в референдуме, по вопросам государственного значения» [23].

Если говорить о рекламной деятельности, то результаты референдума значительно зависят от активной агитационной деятельности заинтересованных сторон, направленной на формирование общественного мнения для поддержки определенных политических решений. Агитация, официально разрешенная государством и регулируемая законодательством, включает информирование граждан о референдуме через публичные выступления и СМИ. Она предназначена для объяснения последствий принимаемых решений, обеспечивая осознанное голосование населения [3].

Если говорить конкретно о законах, то Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации» регламентирует методы агитации и требования к агитационным материалам, а также определяет сроки агитационной кампании, начина-

ющейся с момента регистрации инициативной группы и заканчивающейся за день до голосования (статья 45 и статья 46) [23].

Вдобавок Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» устанавливает основные принципы агитации. Закон гарантирует равные условия для проведения агитационных мероприятий как «за», так и «против» предложений, и запрещает использование административных ресурсов в агитационных целях [22]. Устанавливаются ограничения на агитацию, в том числе запрет на агитацию в день тишины и в день голосования, а также определяются места, где агитация не допускается (статья 48 и статья 49).

Также в статье 48 содержит список лиц, которым запрещается проведение агитационной деятельности. Согласно этой статье, к их числу, относятся представитель органов государственной власти и местного самоуправления, а также должностные лица этих органов в процессе исполнения их служебных функций. Такие меры предпринимаются с целью предотвратить злоупотребление служебным положением. Подобные ограничения также распространяются на военнослужащих, лиц без гражданства, представителей религиозных и благотворительных организаций, а также апатридов и международные организации.

Качественная агитационная деятельность способствует более глубокому и осознанному подходу граждан к рассмотрению вопросов референдума, что ведет к взвешенному исходу голосования.

С 25 июня по 1 июля жители Российской Федерации приняли участие во всенародном голосовании по внесению изменений в Основной Закон государства. Впервые такая практика (7 дней голосования) была применена в условиях ограничительных мер, введенных для снижения распространения коронавирусной инфекции. Уже в первые дни голосования много человек выразили свою гражданскую позицию. Однако основной поток избирателей пришелся на 1 июля, завершающий день голосования.

Инициатива о внесении поправок исходила от Президента Российской Федерации Владимира Путина, который 20 января 2020 года представил соответствующий законопроект в Государственную думу [9]. В общей сложности было предложено 206 поправок, затрагивающих различные аспекты консти-

туционного устройства России. Основные изменения, которые были предложены, выглядели таким образом:

— Ограничение на замещение должностей: введение ограничений для государственных и муниципальных должностей, в одном из пунктов послания президента прозвучало, что высокие должности не должны занимать люди, когда-либо имевшие иное гражданство или ВНЖ в других странах.

— Исполнения решений международных органов: принципы, согласно которым решения международных органов, таких как Международный Суд ООН, вынесенные на основании международных договоров и законов, не исполняются, если они противоречат Конституции РФ.

— Взаимодействие органов местного самоуправления и государственной власти: Закрепление на конституционном уровне принципов взаимодействия между органами местного самоуправления и государственной власти.

— Гарантия минимального размера оплаты труда: установление минимальной заработной платы не ниже прожиточного минимума, с обязательной индексацией социальных выплат и пособий.

— Роль и полномочия Совета Федерации: внесение изменений, включая процесс утверждения кандидатур на высокие должности, такие как Генеральный прокурор и его заместители, а также в процессах назначения руководителей силовых структур.

— Система пенсионного обеспечения: закрепление на конституционном уровне принципов формирования системы пенсионного обеспечения, обеспечивающей всеобщность, справедливость, солидарность поколений и постоянную индексацию пенсий.

— Полномочия Конституционного Суда РФ: Усиление роли Конституционного Суда РФ за счет возможности проверки конституционности законов до их подписания Президентом РФ.

— Изменения в структуре исполнительной власти: уточнение полномочий по назначению Председателя Правительства РФ, его заместителей и федеральных министров, а также установление требований к ним, включая отсутствие иностранного гражданства.

Также привлекает внимание изменение в статье 81 Конституции РФ, которое касается сроков президентства текущего главы государства. Оно формулируется следующим

образом: «Одно и то же лицо не может занимать должность Президента Российской Федерации более двух сроков». Эта формулировка не содержит уточнения о том, могут ли эти два срока следовать один за другим или быть разделенными временем, а также не упоминает, считаются ли сроки, прошедшие до вступления поправок в силу. С учетом различных толкований и возможных дополнительных законодательных изменений или решений Конституционного Суда, это может создать правовую основу для «обнуления» сроков президентства, позволяя действующему Президенту баллотироваться на новый срок независимо от ранее отслуженных сроков.

Это предложение вызвало значительное общественное и политическое обсуждение, поскольку оно касается основополагающих принципов демократического управления и переизбрания главы государства. В контексте референдума эта поправка была одной из ключевых моментов, привлечших внимание как в нашей стране, так и за границей.

Среди прочего, в Конституции впервые были зафиксированы положения о «браке как союзе мужчины и женщины», вере в Бога, а также определение русского языка «как языка государствообразующего народа».

В итоге законопроект был одобрен и принят 14 марта 2020 года (ФКЗ №1-ФКЗ от 14.03.2020 «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти») [11]. Одобрение поправок зависело от результатов общероссийского голосования, как того требует пятый пункт третьей статьи вышеупомянутого закона. Избирателям был задан следующий вопрос: «Вы одобряете изменения в Конституцию Российской Федерации?».

После подсчета результатов стало ясно, что большинство одобрило внесение изменений в Конституцию РФ (Таблица 2) [15], поэтому Президент Владимир Путин подписал указ об официальном опубликовании Конституции с внесенными изменениями 3 июля 2020 года [20].

Таблица 2

Результаты голосования по поправкам в Конституцию в Российской Федерации

1.	Число участников голосования, включенных в список участников голосования на момент окончания голосования.	109 190 337
2.	Число бюллетеней, выданных участникам голосования.	74 215 555
3.	Число бюллетеней, содержащихся в ящиках голосования.	74 114 217
4.	Число недействительных бюллетеней.	604 951
Вы одобряете изменения в Конституцию Российской Федерации?		
5.	ДА	57 747 288 (77,92%)
6.	НЕТ	15 761 978 (21,27%)

В Калужской области также успешно завершилось проведение всероссийского референдума по вопросу внесения изменений в Конституцию Российской Федерации. В результате, в Калужской области участие в го-

лосовании приняли 484707 избирателей, что составляет 61,18% от общего числа зарегистрированных избирателей [8]. Из них 70,17% поддержали предложенные поправки (Таблица 3) [16].

Таблица 3

Результаты голосования по поправкам в Конституцию в Калужской области.

1.	Число участников голосования, включенных в список участников голосования на момент окончания голосования	792 313
2.	Число бюллетеней, выданных участникам голосования	483 705
3.	Число бюллетеней, содержащихся в ящиках для голосования	482 783
4.	Число недействительных бюллетеней	4032
Вы одобряете изменения в Конституцию Российской Федерации?		
5.	ДА	338 748 (70,17%)
6.	НЕТ	140 003 (28,99%)

Выборы губернатора Калужской области 2020 год.

С осени 2000 года по 13 февраля 2020 года Анатолий Артамонов занимал должность губернатора Калужской области. На выборах, которые состоялись 13 сентября 2015 года, он одержал уверенную победу в первом туре, получив 71,43% голосов при явке избирателей в 36%. Артамонов приступил к выполнению обязанностей 19 сентября 2015 года и занимал эту должность в течение 5 лет.

22 января 2020 года Избирательная комиссия выложила постановление «О Календарном плане мероприятий по подготовке и проведению выборов Губернатора Калужской области в единый день голосования 13 сентября 2020 года» [17].

Однако Артамонов ушел в отставку по собственному желанию до того, как заканчивался его губернаторский срок. В интервью «Известиям» бывший губернатор Калужской области связал свою отставку с кадровым обновлением, подчеркнув, что ушел добровольно после почти двадцатилетнего руководства регионом. Артамонов выразил намерение поддерживать преемника и продолжать работать на благо области [2].

Президент России Владимир Путин принял отставку Артамонова, назначив Владислава Шапшу временно исполняющим обязанности губернатора, который является уроженцем Обнинска и с 2006 года работал в местной администрации.

Далее 17 июня 2020 года был опубликован документ, в котором говорилось сколько нужно подписей кандидату, необходимых для регистрации [18]. А именно 132 подписи депутатов муниципальных образований или действующих глав, включая 25 подписей из муниципальных районов и городских округов. Кандидата должны под-

держать в 20 муниципальных районах или городских округах.

22 июля 2020 года вышло постановление, согласно которому Избирательная комиссия Калужской области должна предоставлять государственные и муниципальные помещения для использования кандидатами в губернаторы Калужской области безвозмездно в целях проведения агитационных мероприятий, обеспечивая при этом равные условия для всех [19]. Также в календаре мероприятий можно увидеть, что период агитации длится с момента выдвижения кандидатуры до дня, предшествующего дню голосования, то есть с 15.08.2020 по 11.09.2020. 12 сентября назначен днем тишины, после которого идет 13 сентября – непосредственно сам день голосования.

По закону Калужской области от 29.06.2012 года №313-ОЗ «О выборах губернатора Калужской области» процедура выдвижения кандидатур на выборные должности строго регламентируется: кандидаты могут быть выдвинуты исключительно политическими партиями, обладающие соответствующим избирательным правом [10]. Возможность самовыдвижения не предусмотрена. Кандидат должен быть гражданином Российской Федерации, не иметь гражданство иного государства или разрешения на проживание за рубежом, а также должен достигнуть возраста 30 лет.

Всего было 6 кандидатов, представитель различных партий (Таблица 4). 15 сентября Калужская областная избирательная комиссия объявила итоги губернаторских выборов, по результатам которых победу одержал Владислав Шапша [21]. На следующий день, 16 сентября, он официально приступил к выполнению обязанностей губернатора.

Таблица 4

Результаты выборов Губернатора Калужской области 2020 год

№	Кандидат	Партия	Процент голосов	Число голосов (тыс.)	Явка (%)
1.	Владислав Шапша	Единая Россия	71,19%	201,6	35,39%
2.	Николая Яшкин	КПРФ	9,93%	28,1	35,39%
3.	Надежда Ефремова	Справедливая Россия	5,01%	14,2	35,39%
4.	Александр Абросимов	КПСС	3,87%	10,9	35,39%
5.	Степан Опарышев	ЛДПР	3,73%	10,5	35,39%
6.	Елена Ефанова	Партия Роста	2,27%	6,4	35,39%

Выборы в Государственную Думу 2021 год.

Выборы в Государственную Думу Российской Федерации представляют собой важнейший момент в политической жизни страны, учитывая, что Госдума занимает статус нижней палаты Федерального собрания России. Эти выборы проводятся каждые пять лет.

Фундаментальным нормативным актом, регулирующим процесс выборов в Государственную Думу, является Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 22.02.2014 №20-ФЗ. Закон охватывает ключевые аспекты, такие как выдвижение кандидатур (Через политические партии или посредством самовыдвижения), сбор подписей в поддержку кандидатов, процедуре их регистрации, а также гарантирует равенство прав всех кандидатов. Особое внимание уделяется процедуре информирования избирателей и правилам предвыборной агитации, включая доступ к СМИ. Закон также регламентирует деятельность наблюдателей и представителей СМИ на выборах, подчеркивая их роль в обеспечении прозрачности и честности избирательного процесса.

Государственная Дума Российской Федерации состоит из 450 депутатов. Из них половина выбирается в одномандатных округах, где каждый округ выделяет одного депутата, а другая половина – по федеральному списку на принципах пропорционального представительства. Вся территория страны делится на 225 одномандатных избиратель-

ных округов (в Калужском регионе 2 одномандатных округа). Избирательное право предоставляется гражданам России, достигшим 18 лет, тогда как кандидаты в депутаты должны быть не младше 21 года, постоянно проживать на территории страны, не иметь иностранного гражданства или вида на жительство в другой стране, а также не иметь судимостей за тяжкие преступления.

Подготовку и проведение выборов осуществляют избирательные комиссии различных уровней. Кандидаты могут выдвигаться непосредственно или через политические партии, при этом сбор подписей необходим для поддержания кандидатуры. Предвыборная агитация регулируется законом, а голосование может проводиться на протяжении нескольких дней, включая возможность дистанционного голосования. Результаты выборов определяются на основе полученных голосов, с распределением мандатов среди партий, преодолевших пятипроцентный барьер.

Выборы депутатов Государственной думы Российской Федерации восьмого созыва прошли с 17 по 19 сентября 2021 года, и завершились в единый день голосования. Эти выборы отмечены несколькими ключевыми особенностями: впервые выборы депутатов Государственной Думы проходили в течение трех дней, были расширены возможности для голосования на дому, и введено дистанционное электронное голосование в семи регионах. Кроме того, впервые за 18 лет мандаты в Госдуму получили представители пяти различных партий (Таблица 5) [12].

Таблица 5

Результаты выборов в Государственную Думу 2021 год.

Партия	Процент голосов	Мест получено	Общее количество мест в Госдуме	Избирательный порог преодолен
Единая Россия	49,82	127	324	Да
КПРФ	18,93	48	57	Да
ЛДПР	7,55	19	21	Да
Справедливая Россия – За правду	7,46	19	27	Да
Новые люди	5,32	13	13	Да
Коммунисты России	2,26	0	0	Нет
Партия Роста	2,22	0	0	Нет
Гражданская Платформа	1,27	0	0	Нет
Российская партия пенсионеров за справедливость	2,45	0	0	Нет
Яблоко	1,34	0	0	Нет

В Калужской области 20 сентября состоялось заседание регионального кабинета министров под председательством губернатора Владислава Шапши, на котором были рассмотрены итоги выборов в Государственную Думу РФ и дополнительные выборы в Законодательное собрание области, прошедшие с 17 по 19 сентября 2021 года. Согласно отчету председателя региональной избирательной комиссии Виктора Квасова, выборы признаны состоявшимися и действительными без фиксации жалоб, способных поставить под сомнение их результаты. Процесс голосования, отмеченный высоким организационным уровнем и соблюдением норм санитарной безопасности, привлек 352 258 жителей области, с явкой, состоявшей 44,06%. Для голосования на дому было зарегистрировано 47019 избирателей. Особо высокая активность избирателей была отмечена в Жиздринском и Износковском районах [5].

В областной избирательной комиссии после подсчета голосов выяснилось, что по Калужскому одномандатному избирательному округу (99 округ) наибольшее количество голосов – 35,69% - набрала Ольга Коробова, и по Обнинскому одномандатному округу (100 округ) – 33,21% - Геннадий Скляр. Они оба являются кандидатами от партии «Еди-

ная Россия» и стали депутатами Государственной Думы РФ, представляя Калужский регион.

Если говорить подробнее, то в 99 избирательном округе большинство голосов получила партия «Единая Россия», 35,83%, КПРФ набрала 22,82% голосов избирателей, «Справедливая Россия – за правду» заработала поддержку в 10,76%, ЛДПР – 9,53%, а партия «Новые люди» – 8,02% [6]. А в округе №100 города Обнинск поддержку «Единой России» выразили 36,77% голосовавших, за КПРФ отдали свои голоса 21,33% избирателей, за «Справедливую Россию – за правду» проголосовало 10,84, ЛДПР собрала 9,35% голосов, а партия «Новые люди» – 8,08% [7].

Губернатор Калужской области Владислав Шапша поздравил избранных депутатов, выразив надежду на их продуктивную работу на благо страны и региона.

На примере данной динамики выборов в Калужской области можно сказать, что избирательные процессы в регионе заметно прогрессировали в плане организации и технологической поддержки. Впереди региона стоит задача дальнейшего развития этих аспектов, чтобы обеспечить еще большую справедливость и прозрачность будущих избирательных кампаний.

Список литературы:

1. Алексеев Д. Ю. Выборы Президента России-2018: итоги и перспективы / Д.Ю. Алексеев // Известия Восточного института. – 2018. – №2(38). – С. 113–121.
2. Артамонов прокомментировал свою отставку // Известия. – 2020. – 13 февраля: офиц. сайт. URL: <https://iz.ru/975958/2020-02-13/artamonov-prokommentiroval-svoiu-otstavku> (дата обращения: 02.04.2024).
3. Вашакидзе Г. Т. Агитация по вопросам референдума // Сборник докладов традиционной Научной сессии, посвященной Всемирному дню авиации и космонавтики: гуманитарный науки. – СПб., 2020. – С. 196–198.
4. В Калужской области подведены итоги голосования на выборах Президента РФ // Единая Россия (калужское региональное отделение): офиц. сайт. URL: <https://kaluga.er.ru/activity/news/v-kaluzhskoj-oblasti-podvedeny-itogi-golosovaniya-na-vyborah-prezidenta-rf> (дата обращения: 02.04.2024).
5. В Калужской области подвели предварительные итоги выборов // Регнум: информационный портал. URL: <https://regnum.ru/news/3375722> (дата обращения: 04.04.2024).
6. Выборы депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации восьмого созыва Калужская область – Калужский // Центральная Избирательная комиссия: офиц. сайт. URL: <https://clck.ru/39tDyD> (дата обращения: 04.04.2024).
7. Выборы депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации восьмого созыва Калужская область – Обнинский // Центральная Избирательная комиссия: офиц. сайт. URL: <https://clck.ru/39tDdo> (дата обращения: 04.04.2024).
8. Завершилось общероссийское голосование по вопросу внесения изменений в Конституцию РФ // Центральная Избирательная комиссия Калужской области: офиц. сайт. URL: http://www.kaluga.izbirkom.ru/news/?ELEMENT_ID=4214 (дата обращения: 07.04.2024).

9. Законопроект №885214-7 О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: file:///C:/Users/stas0/Downloads/885214-7_20012020_885214-7.PDF (дата обращения: 06.04.2024).

10. Закон Калужской области от 29 июня 2012 года № 313-ОЗ «О выборах Губернатора Калужской области» (с изменениями на 26 апреля 2023 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/972219402> (дата обращения: 03.04.2024).

11. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_346019/ (дата обращения: 04.04.2024).

12. Королева Л. В. Выборы в Государственную Думу VIII созыва (сентябрь 2021 г.): политологический анализ / Л.В. Королева // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2022. – №1(33). – С. 195–200.

13. Муравьева А.В. Президентские выборы в России 2018 // Выборы – 2018: сб. ст. по мат.-м регион. науч.-практич. Конф. / Отв. редактор В.В. Сафронов. – Красноярск, 2018. – С. 114–120.

14. Нефедов К. В. Референдум как форма непосредственного осуществления народовластия: понятие, виды / К.В. Нефедов // Вестник научной мысли. – 2021. – №3. – С. 108–115.

15. Общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации // Центральная Избирательная комиссия: офиц. сайт. URL: <https://clck.ru/3Az3VH> (дата обращения: 07.04.2024).

16. Общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации – Калужская область // Центральная Избирательная комиссия [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3Az3dJ> (дата обращения 07.04.2024).

17. О календарном плане мероприятий по подготовке и проведению выборов Губернатора Калужской области в единый день голосования 13 сентября 2020 года // Избирательная комиссия Калужской области: офиц. сайт. URL: <http://www.kaluga.izbirkom.ru/dokumenty-izbiratelnoy-komissii/2020-god.php> (дата обращения: 03.04.2024).

18. О количестве подписей депутатов представительных органов муниципальных образований и (или) действующих глав муниципальных образований, избранных на муниципальных выборах, необходимых для поддержки выдвижения кандидата на должность Губернатора Калужской области // Избирательная комиссия Калужской области: офиц. сайт. URL: <http://www.kaluga.izbirkom.ru/dokumenty-izbiratelnoy-komissii/2020-god.php> (дата обращения: 03.04.2024).

19. О предвыборной агитации посредством агитационных публичных мероприятий при проведении выборов Губернатора Калужской области // Избирательная комиссия Калужской области: офиц. сайт. URL: <http://www.kaluga.izbirkom.ru/dokumenty-izbiratelnoy-komissii/2020-god.php> (дата обращения: 03.04.2024).

20. Указ об официальном опубликовании Конституции с внесенными в нее поправками // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63598> (дата обращения: 07.04.2024).

21. Утверждены результаты выборов Губернатора Калужской области // Избирательная комиссия Калужской области: офиц. сайт. URL: http://www.kaluga.izbirkom.ru/news/?ELEMENT_ID=4263 (дата обращения: 03.04.2024).

22. Федеральный закон Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации от 12.06.2002 № 67-ФЗ (последняя редакция) // СПС КонсультантПлюс: офиц. сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (дата обращения: 04.04.2024).

23. Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ (ред. от 30.12.2021) О референдуме Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс: офиц. сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48221/ (дата обращения: 04.04.2024).

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 327.54

*В.С. Исайкина, В.В. Курков***ПРИРОДНЫЙ ФАКТОР КАК ОСНОВА ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ ПУШТУНОВ: НА ПРИМЕРЕ ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТОВ ВОЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ СССР И США В АФГАНИСТАНЕ**

В статье анализируется роль природно-географического фактора, который на протяжении практически двух столетий позволял народам Афганистана, возглавляемым пуштунскими племенами успешно отражать внешние вторжения останавливая агрессию таких великих держав как Британская империя, СССР и Соединенные Штаты, поддержанные мощной международной коалицией.

Ключевые слова: Афганистан, география, природно-климатические условия, горный рельеф, проблема коммуникаций.

*V.S. Isaykina V.V. Kurkov.***NATURAL FACTOR AS THE BASIS OF THE DEFENSIVE STRATEGY OF THE PASH-TUNS: FOR THE EXAMPLE OF PROBLEM ASPECTS OF MILITARY OPERATIONS OF THE USSR AND THE USA IN AFGHANISTAN**

The article analyzes the role of the natural-geographical factor, which for almost two centuries allowed the peoples of Afghanistan, led by Pashtun tribes successfully repel external invasions, stopping the aggression of such great powers as the British Empire, the USSR and the United States, supported by a powerful international coalition.

Key words: Afghanistan, geography, natural and climatic conditions, mountainous terrain, communication problem.

На протяжении практически двух столетий народы Афганистана возглавляемые пуштунскими племенами успешно противостояли военным вторжениям крупнейших держав современности: три неудачные для Британской империи англо-афганские войны, историческое поражение СССР в Афганской войне 1979–1989 гг., и, наконец, позорное отступление США и их союзников после безрезультатной двадцатилетней войны из страны получившей заслуженное название «кладбище империй», свидетельствуют не только о серьёзных внешнеполитических просчётах великодержавной политики, но и об эффективности оборонительной стратегии пуштунского этноса, опирающейся на целый ряд факторов, которыми природа щедро наградила территорию Афганистана, создав тем самым труднопереносимые условия для любой европейской армии.

Сложно определить такую же страну, природно-географические и климатические условия которой способны породить большее количество трудностей для «цивилизованных» войск, обременённых колонами современного транспорта, нежели горные хребты и долины Афганистана. Самые известные военные аналитики неоднократно подчёркива-

ли, насколько удобной для отражения нападения эту страну делала пересечённая и труднопроходимая горная местность, оборонительные свойства которой многократно умножались невероятным боевым духом пуштунов, подпитываемым религиозным фанатизмом и неукротимым стремлением к свободе, что в итоге превращало Афганистан в крайне сложный объект для завоевания, и ещё более трудный – для того чтобы установить над его населением хотя бы какое-то подобие прочного контроля [10, с. 199]. В этом плане показательна реакция советского журналиста впервые увидевшего из иллюминатора военно-транспортного самолета афганские горы Гиндукуш: восхищение великолепным пейзажем быстро сменилось тревожным вопросом – как в такой местности воевать на колесах и гусеницах и вообще нести воинскую службу нашим солдатам [3, с. 8].

Вспоминая тех, кто участвовал в военных действиях в Афганистане, пронизаны отрицательными эмоциями, прежде всего из-за крайне непривычного климата: для выходца из средней полосы СССР резкие контрасты температуры – пронизывающие ночные холода и травмирующая организм дневная

жара – были губительны, а для пуштунов и других народов Афганистана это привычная обстановка, в которой они родились и жили [6, с. 23].

Именно сложные природно-климатические условия в афганских мемуарах советских военачальников выступают в качестве «первого противника» с которым в горах Гиндукуша сталкивались солдаты и офицеры Ограниченного Контингента Советских войск в Афганистане (ОКСВА).

Горный рельеф не позволял в полной мере использовать для передвижения войск привычную технику, вынуждая солдат совершать изнурительные пешие выходы в горы, где шла война с вездесущим противником [1, с. 169].

Бездорожье, обрекая солдат на тяжёлые пешеходные марши по афганским горам, одновременно подставляло бойцов под удар контрастной температуры в условиях высокогорья: от 43–47° летней жары (и как следствие – тепловые удары) до зимних морозов в 15–25° с пронизывающим горным ветром (и как результат – нередкие случаи обморожения) [1, с. 169].

Боевые выходы в афганские горы были неизбежно связаны с чрезмерной физической нагрузкой – человеческий организм в экстремальных условиях высокогорья и разреженного воздуха работал на пределе и, прежде всего, сталкивался с проблемой обезвоживания – пара часов марша в удушающей атмосфере тридцати, или сорокаградусного пекла и солдат терял не менее литра жидкости [6, с. 23].

Неизбежным спутником советского солдата в ходе боевых выходов в горы Афганистана был тяжёлый груз весом от тридцати до сорока килограммов – личное и коллективное вооружение, боеприпасы, вода, продовольствие, медикаменты, снаряжение – груз который спасал, помогал выстоять в бою, и одновременно, давил и ломал человека по ходу марша [1, с. 169; 6, с. 23; 7, с. 214–215]. При этом немало горьких воспоминаний у тех, кто прошел афганскую войну 1979–1989 гг. вызывало то обмундирование и снаряжение, которым они располагали и которое очень часто совершенно не подходило к очень специфическим условиям горной войны – впоследствии, получая большой объём информации о действиях американских войск в Афганистане в 2001–2021 гг., советские «афганцы» буквально испытывали

чувство зависти, оценивая снаряжение используемое западной коалицией.

В целом несмотря на богатейший технический арсенал Советской Армии в горах Афганистана очень часто человек сражался против человека столь же мало полагаясь на помощь боевой техники как и «чудо-богатыри» Суворова в Альпах в 1799 г., или «покорители Кавказа» в 1817–1864 гг. – и это было напряжение на пределе физических возможностей: за несколько дней боевых выходов в афганских горах военнослужащий мог потерять в весе восемь – девять килограмм [1, с. 169].

В целом Афганистан может быть признан скорее не объектом для завоевания, а настоящей ловушкой для «цивилизованной» армии, сильно зависящей от коммуникаций и транспортной инфраструктуры, и, одновременно, для племён пуштунов и других этносов, безусловно, всегда готовых отчаянно оборонять свою землю, Афганистан это крепость созданная самой природой.

Поразительно, что понимание данного факта пришло ещё к началу XX столетия – по безрадостным для британцев итогам трёх англо-афганских войн, историческое поражение СССР в ходе афганской кампании это понимание ещё раз подтвердило, но в начале текущего столетия уже армия США и вся западная коалиция на афганской земле «больно спотыкается» о точно такие же проблемы. Характеризуя начало американского вторжения в Афганистан, аналитики констатировали непроходимость горных перевалов Гиндукуша в суровых зимних условиях и невозможность оказания войскам поддержки со стороны авиации в связи с сильнейшими ветрами и бурями в горах – итак снова «цивилизованная» армия вторжения буксует, натолкнувшись на природно-климатические особенности страны пуштунов [14, р. 10].

Афганское бездорожье «довело» солдат и офицеров американских частей специального назначения, фактически до возрождения кавалерии (этот вопрос обсуждался в ходе афганской операции и советскими военными) – для маршей по труднодоступной горной местности использовались лошади местных пород, и даже отмечались случаи настоящих кавалерийских атак в ходе столкновений американцев с талибами (и это при абсолютной насыщенности вооружённых сил США самыми совершенными средствами наземного и воздушного транспорта) [13, р. 10, 2, с. 239].

Подобное возрождение тактики кавалерийских рейдов и атак в пресыщенных современной военной техникой вооруженных силах в природно-климатических условиях Афганистана оказалось более чем оправдано: когда даже лучшая в мире армейская автомобильная техника не могла применяться на узких и заснеженных горных тропах, а использование вертолётов парализовали горные ветра и снежные бури, лошади оставались единственным способом для доставки людей, оружия и припасов на боевые позиции. Но и такой способ передвижения в афганских условиях таил немало опасностей: большинству американских солдат естественно никогда не сидели в седле и при передвижении в конном строю по опасным и крутым тропам в горах им приказывали не ставить ноги в стремена, – когда лошадь оступалась и срывалась в пропасть, у всадника ещё оставался хоть и незначительный, но всё-таки шанс соскочить с коня и спастись [5, с. 126].

Афганская действительность встречала любую армию вторжения невиданным для её «цивилизованных» солдат уровнем антисанитарии, и порождённым в результате этой антисанитарии целым арсеналом опасных заболеваний, о которых солдаты, прибывшие из неизмеримо более развитых стран, уже успели забыть.

Поэтому для мемуарной литературы характерны безрадостные описания подобной стороны армейского быта в Афганистане: молочного цвета (от обилия хлорки) питьевая вода и невиданные тучи мух – во время приёма пищи одной рукой ложку ко рту подносишь, другой мух пытаешься отогнать, и всё равно они попадают в рот [9, с. 96]. В контексте антисанитарии окружающего афганского быта в воспоминаниях советских «афганцев» с горечью констатируется, насколько сложно было избежать для советских военнослужащих того огромного букета заболеваний, который был характерен для афганской повседневности: от желудочных расстройств до гепатита. При этом афганская желтуха оценивается как наиболее серьёзная угроза для здоровья всех советских солдат – инфекция быстро поражала человеческий организм, а излечивалась болезнь с большим трудом и только через длительное время. При этом гепатит поражал целые подразделения, а последствия этой болезни ещё долго доставляли неприятности ветеранам [11, с. 122–123].

Крайне важной и болезненной проблемой для США и их союзников в ходе длительной афганской войны (в отличие от СССР в 1979–1989 гг.) стал обусловленный сугубо континентальной географией (т.е. отсутствием выхода к морю) острейший вопрос как обеспечивать военные коммуникации в этой отодвинутой вглубь материка стране. В то время как Советский Союз, обладая обширной границей с Афганистаном мог устанавливать прямое сообщение ОКСВА со своей территорией, наталкиваясь лишь только на проблему горного рельефа и неразвитой инфраструктуры, то для западной коалиции эта задача превратилась в запутанную политическую проблему. В итоге, данный фактор «инфраструктурной зависимости» от тех стран, которые были способны открыть для США и НАТО транспортные коридоры в Афганистан, явились важнейшей причиной присвоения Исламской Республике Пакистан после начала военной операции западной коалиции громкого статуса «стратегического союзника» США по противодействию терроризму (и это несмотря на явно неоднозначное отношение к действиям Запада на афганской земле внутри пакистанского общества). В соответствии с экспертными оценками, до 2009 г. через порты и магистрали Пакистана (так называемый южный транзитный коридор) на территорию Афганистана провозилось почти 85% военных грузов США [8, с. 148].

Естественно, что за свои транзитные услуги Пакистан получал немалую плату от западных союзников. Маршрут военных перевозок открывался в гаванях порта Карачи в провинции Синд, а далее грузовыми автомобилями направлялся на военные базы коалиции в Афганистане через Хайберский проход: здесь располагался самый опасный отрезок дороги, так как данный район практически не контролировался войсками Пакистана или Афганистана, представляя идеальные возможности для засад талибов [4, с. 208].

По общему мнению аналитиков, по мере того как усиливались атаки БПЛА США по скоплениям талибов на пакистанской территории, неизбежно росло и взаимное недоверие в отношениях США и Пакистана, подогреваемое антиамериканскими настроениями и эксцессами среди рядовых пакистанцев. Эта ситуация позволила талибам и их союзникам усилить террористические атаки на главных транспортных коммуникациях международной коалиции, от которых зави-

села боеготовность войск США и НАТО: например, 23 марта 2008 г. талибами была осуществлена успешная диверсия – после подрыва на КПП приграничного городка Торкхам сгорело более 60 автомобилей с горючим для боевой техники западной коалиции [8, с. 149]. В декабре 2008 г. американское командование было серьезно обеспокоено попытками талибов перерезать коммуникации американской коалиции – в течение месяца пуштунскими боевиками было сожжено более 200 автомашин с бензином, снаряжением и боезапасами, и подбито не менее 50 бронированных внедорожников – в итоге в американских штабах ситуацию характеризовали как критическую [4, с. 208].

Помимо этого, по оценкам Замира Кабулова при перевозке военных грузов через пакистанский транспортный канал США и международная коалиция утрачивали до 40% грузов: при этом от диверсий талибов терялось лишь 7–8%, в то время большая часть потерь являлась результатом воровства со стороны как пакистанцев, так и западных интеллигентов [12].

В итоге, по мнению Омара Нессара, планирование крупномасштабных операций в граничащих между собой провинциях Афганистана и Пакистана (а именно там отмечалась наибольшая активность талибов) в условиях, когда западная коалиция полностью зависела по ключевым вопросам снабжения от пакистанских военных было самоубийственной ошибкой – это заставило американских политиков искать альтернативные маршруты для снабжения, и в итоге 4 апреля 2008 г. НАТО удалось заключить соглашение с Российской Федерацией о функционировании так называемого северного транзитного коридора для военных перевозок в Афганистан [8, с. 149].

По итогам переговоров на заседании Совета Россия – НАТО в г. Бухарест руководство РФ ответило согласием на предложение выдвинутое Североатлантическим альянсом о разрешении транзита грузов (но невоенного характера) через российскую территорию в Афганистан – данное соглашение предполагало транспортный маршрут в Кабул через РФ, Казахстан и Узбекистан, а в

июле 2009 г. президентами Дмитрием Медведевым и Бараком Обамой было подписан соответствующий документ о военном транзите на афганский театр военных действий, предусматривающий до 4500 перелетов на афганские базы НАТО через воздушное пространство России для перевозки уже военных грузов [8, с. 150].

Таким образом, фактически сама география Афганистана продиктовала для американского руководства вынужденный поиск сотрудничества с российской стороной ещё в 2001 г. когда США только готовились к введению своих войск на афганскую землю. Президент США Дж. Буш-младший признаёт в своих мемуарах, что 22 сентября был вынужден позвонить Путину из Кэмп-Дэвида, и в ходе длительной беседы получил согласие российского лидера на открытие воздушного пространства РФ для транспортной авиации США, объяснив уступчивость русской стороны угрозой соседства с террористами [2, с. 235].

По итогам 2009 г. американское командование сообщило о том, что за 11 месяцев в Афганистан было завезено через северный транспортный коридор 5 тысяч контейнеров с грузами – в результате Северный маршрут освободил западную коалицию от монополии на транзит со стороны Пакистана, но, одновременно, этот же фактор активизировал подрывную работу талибов в некогда ранее стабильных северных районах Афганистана. Но несмотря на это (а затем и в свете обострившихся противоречий между РФ и США из-за размещения западных военных баз в Киргизии и Узбекистане), пакистанский маршрут со всеми его проблемами по-прежнему оставался главным для антиталибской коалиции, а на долю груза перевозимого через северный транзитный путь приходилось лишь до 30% от общего объёма поставок для американских войск и их союзников в Афганистане [4, с. 208]. И в конечном итоге, серьёзные проблемы западной коалиции с налаживанием коммуникаций в отрезанный от моря Афганистан, несомненно, сработали в пользу движения талибов, в очередной раз «прикрытых» природно-географическими особенностями своей страны.

Список литературы:

1. Ахромеев, С. Ф., Корниенко, Г.М. Глазами маршала и дипломата / С.Ф. Ахромеев, Г.М. Корниенко. – М.: «Международные отношения», 1992. – 318 с.
2. Буш, Дж. Ключевые решения / Дж. Буш. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа групп», 2011. – 544 с.
3. Верстаков, В.Г. Афганский дневник / В.Г. Верстаков. – М.: Воениздат, 1991. – 141 с.
4. Воробьев, А.В. Взаимодействие Вашингтона и Исламабада в борьбе с международным терроризмом на территории Афганистана / А.В. Воробьев // Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2012. – С. 202–215.
5. Джонс, С. Война США в Афганистане. На кладбище империй / С. Джонс. – М.: Эксмо, 2013. – 480 с.
6. Ермаков, В. Афганский зной / В. Ермаков // Воин России. – 2014. – №2. – С. 7–55.
7. Кузьмин, Н.М. Войсковые разведчики в Афгане. Записки начальника разведки дивизии / Н.М. Кузьмин. – М.: Яуза: Эксмо, 2013. – 320 с.
8. Нессар, О. Региональные сети снабжения поставок НАТО в Афганистан / О. Нессар // Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2012. – С. 148–152.
9. Орлов, А. Афганский дневник пехотного лейтенанта. «Окопная правда» войны / А. Орлов. – М.: Яуза: Эксмо, 2014. – 224 с.
10. Снесарев, А.Е. Афганистан / А.Е. Снесарев. – М.: «Русская панорама», 2002. – 272 с.
11. Сопряков, В.Н. Восток – дело тонкое: Исповедь разведчика / В.Н. Сопряков. – М.: Современник, 1999. – 238 с.
12. США повторили в Афганистане ошибки СССР // НАТО.РФ: информационно-аналитический портал. URL: <http://www.nato.bz/ru/analytics/20080804/00054.html> (дата обращения: 23.03.2024).
13. Cassidy, Robert M. Russia in Afghanistan and Chechnya: military strategic culture and the paradoxes of asymmetric conflict / Robert M. Cassidy. – Carlisle Barracks, Pa: Strategic Studies Institute: U.S. Army War College, 2003. – 81 p.
14. Stewart, R. W. Operation Enduring Freedom / R. W. Stewart // BG John S. Brown. United States Army, 2004. – 46 p.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 327

*А.А. Карпенко, А.В. Штепа***АКТУАЛЬНЫЕ ТRENДЫ МЕДИАПОЛИТИКИ В КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ
НА 2023 ГОД**

Настоящая статья представляет собой анализ современных трендов медиаполитики в Калужской области. Исследование основано на изучении принципов управления медиаполитикой в данном регионе. Исследование содержит контент-анализ, рассматривающий различные аспекты медийной среды, включая основные акторы, типы контента, его распространение и восприятие аудиторией. Результаты исследования позволяют выявить и проанализировать основные тренды, характеризующие современную медиаполитику в Калужской области, а также оценить их влияние на общественное сознание и политические процессы в регионе. Полученные данные могут быть использованы для разработки рекомендаций по улучшению медиаполитической среды и совершенствованию взаимоотношений между властью, медиа и обществом в целом, формирования социологического среза по настроениям общества в Калужском регионе, а также прогнозирование предполагаемого политического дискурса акторов избирательного процесса на территории Калужской области в период выборов губернатора области в 2025 году.

Ключевые слова: медиаполитика, контент-анализ, цифровизация общества, медиаменеджмент, медиа, реклама, медиарегулирование, политический дискурс, политический тренд, медиатренды.

*А.А. Karpenko, A.V. Shtepa***CURRENT TRENDS IN MEDIA POLICY IN THE KALUGA REGION FOR 2023**

This article is an analysis of current trends in media policy in the Kaluga region. The research is based on the study of the principles of media policy management in this region. The study contains a content analysis that examines various aspects of the media environment, including the main actors, types of content, its distribution and audience perception. The results of the study make it possible to identify and analyze the main trends characterizing modern media policy in the Kaluga region, as well as to assess their impact on public consciousness and political processes in the region. The data obtained can be used to develop recommendations for improving the media political environment and improving the relationship between the government, the media and society as a whole, forming a sociological cross-section on public sentiment in the Kaluga region, as well as forecasting the expected political discourse of the actors of the electoral process in the Kaluga region during the elections of the governor of the region in 2025.

Key words: media policy, content analysis, digitalization of society, media management, media, advertising, media regulation, political discourse, political trend, media trends.

С каждым годом медиасреда всё сильнее интегрируется в жизнь каждого человека. Социальные сети подбирают интересующий нас контент, алгоритмы видеохостингов предлагают нам интересных авторов и спикеров. Таргетированная реклама настраивается таким образом, чтобы та или иная услуга или товар попадали в наше поле зрения в самое нужное и востребованное время. С момента создания Всемирной паутины прошло чуть больше 30-ти лет. А Интернет-система уже прошла несколько циклов своего развития, такие как Web 1.0, Web 2.0, Web 3.0. И это развитие продолжается. Если 10 лет назад генерация изображений по текстовому запросу казалась фантастикой, то сегодня это уже обыденность. Искусственный интеллект, Ин-

тернет-вещей, дополненная и альтернативная реальность так или иначе оказали свое влияние на медиасреду, полностью преобразовав ее. Современные «новые медиа» потеснили традиционные СМИ в борьбе за общественное внимание [8]. И особое восприятие особенностей нового медиапространства сформировалось не только у рядовых членов общества, инфлюенсеров и лидеров общественного мнения, но и у государства. Цифровая эпоха ознаменовала создание нового канала взаимосвязи между тем самым обществом и государством. А в свою очередь традиционная политтехнология открыла для себя новое перспективное для изучения направление медиаполитики. В рамках данного исследования понимание медиаполитики сводится к

определению британского исследователя Дэнисом МакКуэйлом: медиаполитика – это комплексная система регулирования деятельности всех видов и форматов медиа, включающая политические, экономические, законодательные и культурные меры [4].

В России интерес к государственному участию в медиaprостранстве выражается, например, в создании профильных организаций, занимающихся исследованием медиа, таких как АНО «Диалог» и АНО «Диалог.Регионы», «Институт развития Интернета». Также по постановлению Президента РФ в регионах стали создаваться специальные центры управления (далее – ЦУР), которые развивают позиции государства в медиа [1]. Безусловный интерес государства также выражен в подготовке специализированных кадров, ориентированных на PR и GR направления работы: так, во второй половине 2010-х гг. в российских ВУЗах открылись направления подготовки абитуриентов по направлению «Публичная политика и социальные науки». В 2023 г. свои двери для PR, GR специалистов и создателей цифрового контента открыла федеральная образовательная программа «Мастерская новых медиа». Также финансируются различные грантовые программы для молодежи в сфере медиа, например, студенческие проекты «Шум» и «Твой ход». Параллельно развиваются различные коммуникационные холдинги, такие как «Минченко Консалтинг», проект «ГосДиджитал» и пр., работающие над исследованием политической конъюнктуры в сфере медиа в России. Таким образом государство показывает свою вовлеченность как в изучении особенностей медиаполитики, так и в прямом участии в качестве актора медиaprостранства в России.

Некоторые практики в контексте медиаполитики в России позволили сформировать позитивную систему построения каналов взаимодействия между российским обществом и государством. Например, распоряжение правительства о том, что государственные органы, органы местного самоуправления обязаны создать и вести аккаунты в российских социальных сетях, позволило ускорить процесс донесения обратной связи от общества, работу над жалобами, улучшить осведомленность о выполненной деятельности той или иной организации. Принятый комплекс мер в 2010 г. по созданию Электронного правительства также ускорил вышеизложенные процессы. Иными словами,

государство заинтересованно в том, чтобы использовать медиaprостранство для выстраивания позитивного канала взаимодействия с обществом, что определенно является длительным трендом, появившимся еще в 2010-х гг.

Однако с появлением ЦУРов и прочих организаций, перечисленных выше, ориентированных на медиaprостранство, медиаполитика в России, помимо федеральной повестки, обрела уникальный оттенок региональной специфики. В каждом регионе РФ существуют свой перечень вызовов, с которыми работают региональные правительства, соответственно, в каждом регионе можно выделить не только общероссийские тренды, но и региональные. Также предполагается, что в актуальных условиях турбулентного времени, вызванного вероятной корреляцией эмоционального состояния российского общества с положением ВС РФ в зоне проведения СВО (в первую очередь, это лишь предположение, основанное на исследованиях настроений российского общества в период Первой мировой войны [6] и во время Великой Отечественной войны [2]); засилья «deepfake контента», вызванного беспрецедентным давлением со стороны внешних акторов на внутреннюю политику России, медиаресурсы государства, как на федеральном, так и на региональном уровне, будут формировать позитивную повестку для своей целевой аудитории – российского общества.

Таким образом, цель данного исследования – изучить динамику актуальных на 2023 год трендов медиаполитики в Калужской области. Используя корпусный подход, в статье анализируется семантика и частота тематик, включенных в государственную повестку, используемых на медиаресурсах государственных сообществ (далее – госпаблики (сокр. – ГП)) в социальных сетях (ВКонтакте, Одноклассники) и мессенджерах (Telegram) в период 2023 года. Будут проведены количественный и качественный контент-анализы для выявления частотности и характера использования тематик, используемых ГП. В данном исследовании понимание тренда сводится к определению кандидата филологических наук Т.Ф. Ефремовой [3]: тренд – это доминирующее направление в политике или в общественном мнении, выявленное статистическими методами.

Исследование динамики актуальных трендов медиаполитики в Калужской области имеет большое значение для понимания со-

временных тенденций российской региональной медиаполитики. Данное исследование также может иметь практическое применение для разработки эффективных стратегий коммуникации с обществом, для формирования успешной стратегии в период избирательной кампании на пост губернатора области в 2025 году. Также с избранием Владислава Валерьевича Шапши на пост губернатора в 2020 году, медиаполитика Калужской области получила качественное развитие, что было вызвано, как появлением ЦУРа в регионе, так общей открытостью новоизбранного губернатора различным медиа. Именно период управления Владислава Шапши ознаменовался крупными федеральными медиакомпаниями, такими как принятие поправок в Конституцию в 2020 г., освещение событий СВО с 2022 г. по н.в., мобилизация населения, сбор гуманитарной помощи, так региональными кампаниями – открытие «Технопарка» в 2023 году, развитие ядерной медицины в Обнинске и открытие специализированных центров, общественная напряженность, вызванная конфликтами на фоне миграционной политики, оснащенность медицинскими льготными препаратами калужских аптек и складов. Из наиболее актуальных кампаний, осуществляющихся на момент написания работы, — это медиакампания по выборам президента РФ в 2024 году.

Так Владислав Шапша в типологии политического лидерства М.Д. Хермана может быть отнесен к типу «Пожарного» [5]. Соответственно, каждая активность этого лидера может быть освещена на ресурсах ГП и личных страниц высших должностных лиц (далее – ВДЛ), что может впоследствии стать трендом в медиaprостранстве в самой области.

В связи с отсутствием научной, общепризнанной классификации, посвященным региональным трендам медиаполитики в России, для данного исследования была разработана собственная классификация, включающая три тональности содержательного аспекта каждого тренда, используемого ГП – позитивное, нейтральное и негативное, а также общие группы принадлежности каждого тренда. Признак каждого тренда определенной тональности и группы выявляется экспертно. Для выявления общей картины по трендам в Калужской области в анализ включены три крупных региональных ресурса,

обладающие наибольшими охватами и вовлеченностью охваченных пользователей (далее – Engagement Rate by Reach (сокр. ERR)). С каждого, включенного в анализ ресурса экспертно оценены по 160 публикаций, с 1 самой популярной площадки ГП. Такой выбор обусловлен тем, что зачастую организации или ВДЛ создают сети ресурсов на разных площадках (Вконтакте, Одноклассники, Telegram), и контент, который выходит под авторством организации или ВДЛ, дублируется в другие соцсети, таким образом, если учитывать дубликаты, частота использования определенного тренда покажет некорректный результат. Публикации выбирались по следующему принципу: по 40 публикаций в каждый сезон отчетного года (где это возможно), по 13–14 постов в месяц. Данное количество отражает общий нарратив публикаций и данных, позволяющих сформировать общее представление о политическом дискурсе для каждого ресурса. Всего рассмотрено 480 публикаций. По достижению количественного анализа каждая выявленная публикация-тренд будет выделена также в определенную общую группу, которая сформирована по контекстуальному признаку (например, если в публикации упоминается прямая трансляция ВДЛ области, то это тренд построения каналов взаимодействия власти и общества). Также каждой тональности присуждается критерии, по которым тот или иной тренд может быть отнесен к одной из тональности: положительное – позитивный отчет о проделанной работе, успех в достижении количественных и качественных показателей области или отдельно жителей области; нейтральное – информационное освещение событий региона, развлекательный контент, контент, не выстраивающий смысловой нагрузки для читателя; негативная тональность – публикации о неудачах в зоне СВО, неудачи на международном треке, сообщения о трагедиях, касающихся региона в общем.

В настоящее время в Калужской области существует множество медиаресурсов ВДЛ и ГП, к их числу можно также отнести личные страницы Губернатора области, Городского главы, депутатов Законодательного Собрания Калужской области и пр. В Таблице 1 представлен краткий статистический анализ 10 самых крупных медиаресурсов области, являющимися частью госсистемы.

Таблица 1

Количественные медиапоказатели ТОП-10 ресурсов области

<i>Название ресурса</i>	<i>Количество подписчиков на 25.02.24</i>	<i>Средний просмотр*</i>	<i>Средний ERR поста**</i>	<i>Ссылка на ресурс</i>
«Правительство Калужской области» ВК	76 381	~10 900	~1,37%	https://vk.com/kalugaobl.gov
«Владислав Шапша» ВК	58 741	~19 280	~2,93%	https://vk.com/shapsha
«Правительство Калужской области» ОК	37 584	~14 460	~0,4%	https://ok.ru/kalugaobl.gov
«Владислав Шапша» ТГ	31 983	~14 707	~1,16%	https://t.me/Shapsha_VV
«Телерадиокомпания Ника» ВК	30 757	~21 500	~1,6%	https://vk.com/public_nikatvklg
«Калужский областной драматический театр» ВК	27 517	~18 600	~2,6%	https://vk.com/dramteatrkaluga
«Город Обнинск» ВК	20 780	~8 900	~1,4%	https://vk.com/obninsk_today
«Министерство здравоохранения Калужской области» ВК	18 468	~6 000	~0,6%	https://vk.com/minzdrav40
«Дворец Спорта Центральный» ВК	15 827	~15 600	~1%	https://vk.com/dskaluga
«Министерство образования Калужской области» ВК	15 784	~5 300	~0,8%	https://vk.com/minobr_40

В Таблице 1 выделено три медиаресурса госвласти, которые будут в дальнейшем использованы в количественном и качественном контент-анализе. Исходя из полученных данных, это сообщество Правительства области на платформе ВК; страница Владислава Шапши (ВДЛ) на платформе ВК и Телерадиокомпания Ника на платформе ВК. В исследование не включены частные популярные медиаресурсы в области, страницы лидеров общественного мнения (далее – ЛОМ), такие как «Калуга Жесть», «Калуга», «Типичная Калуга», «Евгений Серкин» и пр. Иногда в вышеотмеченных ресурсах выходит посевная реклама от правительственных источников [7]. Так, посевной тренд получает дополнительные охваты, более крупная аудитория узнает о той или иной тенденции. В этом исследовании такой формат формирования тренда в медиаполитике области не учитывается, так как, зачастую, он повторяет нарративы и смыслы с источников исследования, то есть с медиаресурсов ГП, и используется исключительно с целью повышения осведомленности и вовлеченности жителей области.

Изучая контент, публикуемый ресурсом «Правительство Калужской области» на платформе ВК, были получены следующие данные: выявлено 160 публикаций, выделено 15 трендов. Наиболее популярными трендами стали – «информационное освещение» (данный тренд характеризуется повышением общей осведомленности пользователей и подписчиков ГП, не нацеленный на формирование идеи у читателя. В данный тренд вошли публикации посвященные, например, анонсированию прямых трансляций с различными региональными министрами; сообщения о том, как получить налоговый вычет). Всего тренд встретился в 41 одной записи (частота использования тренда – 4). Отличительная особенность тренда – превалирование нейтральной тональности над позитивной (29 публикация против 9); следующий тренд – «развитие региона». Всего публикаций в тренде – 26, частота появления тренда – 5,65. Публикации в тренде отличаются в свою очередь позитивной тональностью над нейтральной (23 публикаций против 3). В данный тренд вошли публикации, касающиеся изменений в регионе. Ресурс правительства опубликовал темы, связанные с позитив-

ной повесткой о позициях региона (таким образом, в тренд вошли публикации, например, описывающие рост производства на предприятии или отчет региона о субсидиях малому бизнесу.) Третья позиция оказалась у тренда «СВО». Всего публикаций тренда – 22, частота использования – 7,45. Позитивная повестка так же доминирует над нейтральной (16 против 6). Публикации в тренде освещают вклад калужан в ход СВО, публикуются истории бойцов, отчитываются волонтерские организации, присутствует акцентирование на заключение контрактной службы. Оценив дальнейшие позиции оказывается, что большинство трендов, используемых медиаресурсом Правительства, являются позитивными и оптимистичными по своему контенту. Они акцентируют внимание пользователей на том, как преобразуется регион, как освещается работа подведомственных организаций (Таблица 2). Безусловно, присутствует контент нейтральный по своей тональности и стилистике. Зачастую он используется для сохранения действия алгоритмов самой платформы ВК, благодаря ним сообщество не пропадает, например, из «умной ленты»

ВК, что обеспечивает стабильно высокие охваты и вовлеченность пользователей, что в перспективе оказывает позитивное влияние на распространение определенных идей, «вшитых» в конкретные публикации (например, комментарии героев СВО о собственной мотивации).

Однако также встречаются примеры негативной тональности в трендах, но их частота сравнительно мала (всего негативных публикаций – 7, частотность контента с негативной тональностью – 23,5), и каждый такой пример должен быть оценен экспертно, что позволит сформировать понятийную базу, зачем он был использован. Например, в группе правительства был подготовлен контент, в котором были использованы фразы: «утонули», «погибли», «ужасающая статистика». Данный контент безусловно формирует негативную вовлеченность пользователей. Однако, скорее всего, данная тональность была подобрана исключительно для того, чтобы на шоковом эффекте объяснить аудитории опасность несоблюдения базовых правил безопасного отдыха на воде.

Таблица 2

Контент-анализ медиаресурса «Правительство Калужской области»

Тренд	Кол-во упоминаний	Количество упоминаний (+ ¹)	Количество упоминаний (=)	Количество упоминаний (-)
Информационное освещение	41	9	29	3
Развитие региона	26	23	3	0
СВО	22	16	6	0
Праздник сегодня	14	5	9	0
Интерактив с аудиторией	13	5	8	0
Истории успеха жителей области	10	4	6	0
Реакция региона на негатив	7	5	2	0
Риски в регионе	6	2	0	4
Юные калужане	6	5	1	0
#всейсемьей	5	5	0	0
Нацпроекты России	5	3	2	0
Спортивный регион	5	5	0	0
Международная выставка Россия	3	2	1	0
Инклюзивность региона	2	2	0	0
Экология Региона	1	1	0	0

¹ «Плюс» – позитивная тональность, «Равно» - нейтральная тональность, «Минус» - негативная тональность

Таким образом мы сможем сформулировать приблизительный портрет информационных поводов и трендов медиаполитики на ресурсе Правительства Калужской области. Наибольший уклон контентной политики Правительства сделан в сторону описания региональных событий, даже если публикуется федеральная повестка (федеральный проект #всеядной, международная выставка «Россия»), он в первую очередь адаптируется под целевую аудиторию ресурса, то есть под жителей Калужской области. Также весомую часть контента составляет военная и региональная повестки. Существует определенная вероятность, что схожие нарративы будут прослеживаться в ходе избирательной кампании в 2025 г. на пост Губернатора Калужской области, так как достаточно широкая аудитория уже знакома тезисами, используемыми в трендах ресурсов Правительства. Так же определенные выводы из исследования могут сделать коммерческие организации, ориентированные на цифровой региональный рынок – создавать и продвигать новостное сообщество, ориентированное на формирование позитивного трека у аудитории, не является целесообразным, так как данная ниша уже занята ресурсами ГП.

Контент, публикуемый ресурсом Владислава Шапши в социальной сети Вконтакте, обладает следующими особенностями: проанализировано 160 публикаций, выделено 16 трендов. Заметна тенденция, что «Информационное освещение» превалирует над другими трендами в личном ресурсе губернатора, как и в ресурсе Правительство области. На ресурсе Губернатора тренд появлялся 37 раз (частотность появления – 4.32). В редких случаях в тренде появлялись публикации с позитивной тональностью. В таких публикациях, например, прослеживаются благоприятные действия «героя» темы, которые не формируют генеральный нарратив, согласующийся с интересами области или государства (Например, желание В. Шапши исполнить 3 желания с «Ёлки желаний»). Вторым трендом по количеству упоминаний является

СВО. Он появлялся 23 раза (частотность – 6,95). Большую часть нейтральных по тональности упоминаний составляют сообщения о том, как подписать контракт с Министерством обороны РФ в Калуге. Позитивные публикации описывают то, как регион помогает бойцам на фронте. Важной целью данного тренда является формирование позитивного имиджа российской армии, повышение осведомленности жителей области. Появление негативной по своей тональности публикации в тренде – не сигнал к «разочарованию». Данная публикация описывает ужасы войны, с которыми столкнулись обычные жители, и который останавливают бойцы ВС РФ. С нарративной точки зрения данная публикация, скорее, формирует одобрение действий армии России в зоне СВО у населения области. На третьей строчке расположился тренд, описывающий развитие региона, его количество упоминаний – 20 публикаций (частотность – 8). Данный тренд призван познакомить читателей ресурса с достижениями региона, который столкнулся с последствиями санкциями, переориентирования калужского рынка производителей, в большинстве случаев они обладают позитивной тональностью (17 позитивный упоминаний против 0 негативных. Медийное сопровождение реальных достижений и успехов региона призвано нивелировать эффект от пессимистичного настроения «разочарованной» части населения или от работы центров психологических операций оппонентов России.

Явная негативная тональность прослеживается в тренде «Риски региона».

В большинстве случаев, данный тренд описывает возможную опасность, с которой может столкнуться или с которой сталкивается регион, а значит и все его жители. Тренд выполняет задачу по осторожному информированию населения. Однако такая медиакампания используется достаточно редко. Всего 12 случаев использования публикаций с негативной тональностью из 160 (частотность – 13). (Таблица 3)

Таблица 3

Контент-анализ медиаресурса «Владислав Шапша»

Тренд	Кол-во упоминаний	Количество упоминаний (+)	Количество упоминаний (=)	Количество упоминаний (-)
Информационное освещение	37	3	34	0
СВО	23	11	11	1
Развитие региона	20	17	3	0
Риски региона	16	3	2	11
Международная атмосфера	15	10	5	0
Реакция региона на негатив	13	12	1	0
Праздники сегодня	9	1	8	0
ТОПы региона	9	4	5	0
Спорт в регионе	6	3	3	0
Юные калужане	4	3	1	0
Интерактив с аудиторией	3	0	3	0
Память	1	1	0	0
Международная выставка Россия	1	0	1	0
Инклюзивность региона	1	1	0	0
Экология Региона	1	1	0	0
Нацпроекты	1	1	0	0

В данном случае, такой анализ позволяет отследить контентный план ресурса «Владислав Шапша», и выявить пул тем, формирующих медиаполитику в регионе в целом. Так, ресурс В. Шапши отличается более открытой формой по взаимодействию с населением (более высокая частотность упоминания СВО), личным участием губернатора в решении проблем простого населения (в тренде «Риски Регион» Губернатор зачастую брался за курирование решения проблемы лично). Так же, мы можем заметить, что, во многом, медиановостка двух самых популярных ресурса ГП обладают схожими тематиками, действуя в унисон друг другу. Это помогает, в первую очередь, повысить информированность населения области, и грамотно работать с настроениями жителями региона, отводя инертную силу общества от деструктивных способов по выражению негатива.

Однако наравне с ТОПами ГП региона в определенном ключе формируют медиаполитику и «аутсайдеры» среди ГП. Здесь слово «аутсайдер» подчеркивает разность в объемах аудитории, разность в ERR и средних просмотрах ресурсов. Однако цель работы не в том, чтобы показать некоторым ре-

сурсам, что они могли бы вырасти в аудитории, а в том, чтобы проследить, как те или иные ресурсы воздействуют на свою целевую аудиторию, способны ли они формировать нужные для области или правительства региона нарративы и взгляды, могут ли они донести позитивную сторону той или иной тенденции или вызова, с которым столкнулся регион. В этой части приведён анализ по двум ресурсам – «Дворец спорта Центральный» и «Министерство образования Калужской области».

Тренды, задаваемые ресурсом «Дворец Спорта Центральный» (Таблица 4) отличились следующими аспектами (160 публикаций, 162 темы, 8 трендов): крайне высокая частота информационного освещения – 97 упоминаний (частотность – 1,67). Большая часть публикаций в этом тренде посвящена анонсам спортивных мероприятий внутри самого спортивного комплекса. К негативной тональности были приравнены те публикации, в которых спортивные мероприятия для жителей области по тем или иным причинам были отменены. На мой взгляд, их можно оценивать негативно, так как тренд на спортивную и здоровую нацию не согласуется с

прямой отменой способа достижения той самой спортивной и здоровой нации. Однако следующий тренд в полной мере раскрывает стремление области приобщить население региона к спорту. В этой рубрике собраны анонсы турниров по самым разным дисциплинам для всех возрастов, которые проводятся в Калужском регионе, публикации информационного характера, описывающие

новые виды спорта, которые развиваются в Калуге, публикации о достижениях на спортивной арене калужан. Всего в рубрике вышла 51 публикация (частотность – 3.18). И на третьей позиции оказался тренд СВО. В публикациях ЛОУМы в спортивной сфере высказывались о ходе проведения военных действий или ссылались на заключение контрактов.

Таблица 4

Контент-анализ медиаресурса «Дворец спорта Центральный»

Тренд	Кол-во упоминаний	Количество упоминаний (+)	Количество упоминаний (=)	Количество упоминаний (-)
Информационное освещение	97	5	78	14
Спортивная повестка	51	51	0	0
СВО	5	5	0	0
Инклюзия	2	2	0	0
Нацпроекты	2	2	0	0
Праздники	2	1	1	0
Коммерция	2	1	1	0
Безопасность в Регионе	1	1	0	0

Таким образом ресурс «Дворец спорта Центральный» фокусируется вокруг насущных событий, связанных с функционированием комплекса, однако проведение информационной работы по популяризации спорта ему не чуждо, и ей уделяется достаточное внимание для формирования благоприятного имиджа калужского спорта. В то же время, иногда, ресурс подключается к расширке других тем, не связанных со спортом, такие как СВО, нацпроекты, безопасность на дорогах в регионе и пр.

Тренды, задаваемые ресурсом «Министерство образования Калужской области» (Таблица 5) отличились следующими аспектами (160 публикаций, 161 темы, 10 трендов): федеральная повестка – 71 упоминание (частотность – 2.26), информационное освещение – 42 упоминания (частотность – 3.83), образование в регионе – 27 упоминания (частотность – 5.96). Примечательно, что в калужском медиаресурсе, ориентированном на образование, превалирует федеральная тематика, а то, что происходит в регионе в сфере образования встречается практически в три раза реже. При этом, большая часть публика-

ций в федеральной повестке – анонсы конкурсов для педагогов, сообщения министра образования РФ Сергея Кравцова, публикации интервью с ключевыми лицами РФ в образовании. В «информационное освещение» вошли публикации, анонсирующие прямые трансляции с ЛОУМами в сфере образования или публикации, не несущие особой контекстуальной нагрузки, работающие скорее для алгоритмов платформы (отличительная особенность ресурса – крайне низкая частота публикаций в принципе среди всех обсуждаемых ресурсов). В категорию «Образование региона» вошли такие публикации, как взаимодействие с калужанами через систему ПОС в «ГосУслугах», новости, связанные с функционированием Калужских ВУЗом и ССУЗов, интервью с лучшими Калужскими педагогами. Так же можно заметить крайне низкую частоту публикаций негативной тональности. Всего 4 публикации (частотность – 40.25). При этом публикации в этом тренде связаны, например, с единичными конфликтами среди школьников в Калужской области.

Таблица 5

Контент-анализ медиаресурса «Министерство образования Калужской области»

Тренд	Кол-во упоминаний	Количество упоминаний (+)	Количество упоминаний (=)	Количество упоминаний (-)
Федеральная повестка	71	9	62	0
Информационное освещение	42	3	39	0
Образование региона	27	18	9	0
Международная повестка	4	4	0	0
Праздники сегодня	4	0	4	0
Риски в Регионе	4	1	0	3
Интерактив с аудиторией	3	1	2	0
СВО	2	1	1	0
Нацпроект	2	1	1	0
Развитие региона	2	1	1	0

По итогам анализа можно выявить превалирование федерального контента на ресурсе Министерства образования. Для регионального министерства такой контент удобен так, как либо уже произведен кем-то, либо для его производства предлагается большая фактура. Однако, на мой взгляд, обладает меньшим эффектом, так как он не «приземлен» на Калужскую аудиторию, многие такой контент просто пропустят, так как он не адресован именно им.

Медиаполитика представляет собой крайне сложное и комплексное поле для работы государственных структур. С каждым годом медиа захватывает все больше и больше каналов связи, получает все больше доступной аудитории. И такое место никогда пустым не будет. Важно вовремя среагировать и транслировать создающие нарративы для целевой аудитории разных медиа. Ресурсы «Правительство Калужской области» и «Владислав Шапша» в большей своей степени сумели захватить весомую часть аудитории,

предоставляя официальный источник информации. Визуальная составляющая публикаций соответствует современным трендам в дизайне, и представляет собой удобную форму взаимодействия с аудиторией. Однако ресурс «Дворец Спорта Центральный», обладая верным маршрутом для взаимодействия со своей аудиторией (включение населения в спортивную и здоровую жизнь), устарел с визуальной точки зрения. Карточки и текстовое оформление не соответствует современным правилам дизайна и типографии, что может отталкивать потенциальную аудиторию, настроение которой может попасть под контроль сторонних медиаресурсов. В свою очередь, ресурс «Министерства образования Калужской области» отличился доминанцией федерального контента над региональным. На наш взгляд, цитаты министра здравоохранения обладают меньшим медийным эффектом по сравнению с публикациями, описывающие достижения или путь развития Калужских педагогов.

Список литературы:

1. Акт правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил предоставления субсидии из федерального бюджета автономной некоммерческой организации по развитию цифровых проектов в сфере общественных связей и коммуникаций "Диалог Регионы" на создание и обеспечение функционирования в субъектах Российской Федерации центров управления регионов и Правил создания и функционирования в субъектах Российской Федерации центров управления регионов» от 16.11.2020 № 1844 // Официальный интернет-портал правовой информации // URL: <http://government.ru/docs/all/145026/> (дата обращения: 29.02.2024).

2. Козлов, Н.Д. Общественное сознание и настроение народа в начале Великой Отечественной войны / Н.Д. Козлов // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2010. – №3. – С. 63–65.

3. Современный толковый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / под ред. Т.Ф. Ефремовой. Т. 2: П – Я. – М.: Русский язык, 2000. – 1084 с.
4. МакКуэйл, Д. Журналистика и общество: Учебное пособие / Д. МакКуэйл. – М.: Медиамир; Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2013. – 374 с.
5. Херманн, М. Д. Стили лидерства в формировании внешней политики / М. Д. Херманн // Полис. Политические исследования. – 1991. – № 1. – С. 91–98.
6. Политические партии и общество в России, 1914–1917 гг.: (Сб. ст. и док.) / РАН. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам., ИРИ РАН; [Ред. кол.: Ю. И. Кирьянов (отв. ред.) и др.]. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – 324 с.
7. Посев в социальных сетях // Unisender.com: словарь маркетолога. URL: <https://www.unisender.com/ru/glossary/что-такое-посев/> (дата обращения: 25.02.2024)
8. Digital 2022: another year of bumper growth. URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022-another-year-of-bumper-growth-2/> (дата обращения: 25.02.2024).

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 327.8

*В.В. Курков, К.И. Насырова***ДИАПАЗОН «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РОССИИ
СО СТРАНАМИ ПРИБАЛТИКИ**

В статье рассматривается проблема культурного взаимодействия России со странами Прибалтики на современном этапе взаимоотношений. Оценивается степень влияния советизации прибалтийских стран в XX веке на современные отношения с Россией; описывается диапазон мягкой силы в сфере культурного и гуманитарного взаимодействия страны с Латвией, Литвой и Эстонией.

Ключевые слова: мягкая сила, Россия, Прибалтика, культура, внешняя политика.

*V.V. Kurkov, K.I. Nasyrova***THE RANGE OF «SOFT POWER» IN RUSSIA'S RELATIONS
WITH THE BALTIC STATES**

Abstract: the article deals with the problem of cultural interaction between Russia and Baltic countries at the present stage of relations. The degree of influence of Sovietisation of the Baltic countries in the XX century on modern relations with Russia is estimated; the range of soft power in the sphere of cultural and humanitarian interaction of the country with Latvia, Lithuania and Estonia is described.

Keywords: soft power, Russia, Baltic States, culture, foreign policy.

Внешнеполитическое взаимодействие России и стран Прибалтики имеет долгую и проблемную историю. Ещё в декабре 1939 г. СССР сосредоточил на территории Прибалтики воинский контингент численностью порядка 70 тысяч человек, что стало следствием подписанных ранее с Латвией, Литвой и Эстонией пактов о взаимопомощи [6]. Однако уже в 1940 г. в прибалтийских государствах начали усиливаться прогерманские настроения, а также росло стремление к отказу от международного сотрудничества с СССР. Осознавая риск возможного начала военного конфликта с Германией, в июне 1940 г. политическое руководство СССР объявило ультиматум Литве, Латвии и Эстонии. В соответствии с новыми требованиями было необходимо в кратчайшие сроки провести парламентские выборы и избрать то политическое руководство, которое будет нести ответственность за исполнение достигнутых с СССР договоренностей. Выборы состоялись в период с 14 по 15 июля 1940 года. По их итогам победу одержали прокоммунистические силы, которые уже 21 июля объявили Латвию, Литву и Эстонию советскими республиками и приняли Декларации о вхождении в состав СССР. В августе состоялась VII сессия Верховного Совета СССР, по итогам которой эти Декларации были ратифицированы, и прибалтийские страны были официально включены в состав Советского Союза [10, с. 110].

Дальнейшая советизация прибалтийских стран, несмотря на её вынужденный характер, связанный, прежде всего, с возникшими к концу 1930-х гг. международными рисками, привела к росту политических репрессий, подавлению гражданского общества и формированию национальных повстанческих движений, которые предприняли организованное сопротивление.

Уже в первые годы после присоединения республик к СССР были проведены важные социалистические реформы, такие как национализация предприятий, преобразования в сфере сельского хозяйства, которые вызвали недовольство в обществе. При этом в Виленском крае, который был передан Литве в результате подписания пакта Молотова-Риббентропа между СССР и Германией, действовали подпольные польские группы, а в самой Литве были сформированы антисоветские структуры, которые привлекали бывших чиновников независимой Литвы и пользовались поддержкой спецслужб Третьего рейха накануне начала Великой Отечественной войны. Так, в ноябре 1940 г., бывший посол Литвы в Германии, К. Шкирпа, организовал пронацистскую организацию под названием Фронт литовских активистов в Берлине [1, с. 15]. Несмотря на обозначенные тенденции, уже после завершения Великой Отечественной войны, процесс интеграции стран Прибалтики в «семью» социалистических стран был продолжен. Культурная по-

литика в данном регионе была ориентирована на продвижение социалистических и коммунистических идеалов и ценностей, которые должны были составить культурный базис Прибалтики. Однако советизация имела по большей части насильственный характер, что в дальнейшем повлияло на желание Латвии, Литвы и Эстонии выйти из состава СССР.

После распада Советского Союза в 1991 г. страны Прибалтики обрели независимость, а Российская Федерация стала правопреемницей СССР. Вскоре были установлены дипломатические отношения между странами, но несмотря на позитивные ожидания, внешнеполитическое взаимодействие России и прибалтийских стран вновь приобрело проблемный характер. Русское население, проживавшее в Прибалтике, воспринималось как рудиментарное наследие советской оккупации, а некоторые крайние националисты и вовсе предлагали выселить русскоязычное население [12, р. 142]. Подобные призывы начали звучать ещё до обретения независимости странами Прибалтики. Так, в 1990 году лидеры Эстонского конгресса выступили за вывод советских войск и скорейшее переселение «имперски настроенного русского пролетариата». Возможность получения гражданства была ограничена, что определило фактически бесправный статус русских на территории Прибалтики. Установление института «неграждан» не осталось незамеченным со стороны России, что привело к новому этапу конфронтации между странами на международном уровне, однако вплоть до настоящего времени данная проблема остаётся нерешённой.

Следующим противоречием стал вопрос об установлении границ между государствами. На повестку дня были вынесены споры о принадлежности Калининградской области, а также частей Псковской и Ленинградской областей. Ещё в 1993 г. посол Литвы в США высказался о том, что Калининградская область является законной частью Литвы, а сам Калининград носит имя Караячюс [4, с. 628]. По большей части противоречия удалось урегулировать, однако Эстония вплоть до настоящего времени не ратифицировала пограничный договор из-за желания включить в него положения Тартуского мирного договора 1920 года.

Затем последовала евроатлантическая интеграция стран Прибалтики, борьба с советским культурным наследием, снос памят-

ников и объектов архитектуры, кризис в сотрудничестве с Россией по поводу крымских событий – всё это определило динамику внешнеполитических отношений между странами в XXI столетии.

Однако, несмотря на общий конфронтационный вектор взаимоотношений между странами, на протяжении последних десятилетий активно выстраивались культурные связи, чему способствовала политика «мягкой силы» со стороны России. «Мягкая сила» определяет политику государства в культурной, гуманитарной сфере, она ориентирована на то, чтобы сделать образ государства более привлекательным для иностранного гражданина. При этом основу «мягкой силы» всегда составляет диалог между государствами, стремление к конструктивному взаимодействию. Саймон Анхольт, крупный специалист в области государственного брендинга, на этот счёт отметил следующее: «Культура может сыграть решающую роль в изменении отношения к государству, повлиять на изменение существующего бренда в направлении к идеальному бренду. Культура – это тот ресурс, который может вынудить граждан одного государства начать интересоваться сначала местом (другим государством), а затем и его образом жизни» [11, р. 103]. Важным отличием российской «мягкой силы» от советизации прибалтийских республик, активно проходившей в 40-е и 50-е годы XX столетия, стал акцент не на замещение одной культуры другой, а на культурное взаимопроникновение и сотрудничество. Российская культура должна была стать привлекательной не потому, что это культура «сильного», а потому что она вызывает позитивный эмоциональный отклик, способствует укреплению доверия между народами.

На современном этапе отношений между Латвией, Литвой, Эстонией и Россией именно «мягкая сила» была призвана стать основой конструктивного взаимодействия и дальнейшего сближения стран. Так, ещё в 2002 г. между Россией и Латвией было подписано Соглашение о сотрудничестве между министерствами культуры [7], которое позволило проводить культурные мероприятия на территории двух стран, устраивать музейные выставки. Сотрудничество по данному соглашению продолжалось вплоть до 2022 г., когда правительство Латвии приняло решение в одностороннем порядке денонсировать соглашение [3]. Однако до этого, в том числе в год начала пандемии Covid-19, культурное

взаимодействие между странами активно продолжалось. Так: «3 марта 2020 г. в юрмальском музее «Дача Райниса и Аспазии» при активном содействии Объединения мемориальных музеев Латвии была открыта экспозиция Калининградского историко-художественного музея «Донелайтис и его время» [8].

Также широко известен музыкальный фестиваль «Новая волна», который с 2002 по 2014 год проходил в латвийском городе Юрмала в концертном зале «Дзинтари». Фестиваль стал местом притяжения молодых талантов не только из стран Прибалтики и России, но и со всего мира. Его основателями стали российский и латвийский композиторы Игорь Крутой и Раймонд Паулс, что только подчёркивает высокий уровень культурного взаимодействия между странами в обозначенный период времени.

Интерес к «мягкой силе» как к инструменту построения отношений с Прибалтикой связан в том числе с тем, что на территории Латвии, Литвы и Эстонии проживает большое количество наших соотечественников. Р.Х. Симонян фиксирует, что на территории Латвии находится 46 русских общественных объединений, в Литве их – 29, а в Эстонии – 35 [9, с. 147]. Поддержание культурных связей с русскими диаспорами – одна из основ политики «мягкой силы» со стороны России, и это важное и актуальное направление, так как вопрос дискриминации «неграждан» в государствах Прибалтики не решён вплоть до настоящего времени.

Вместе с тем попытки наладить культурное взаимодействие с Латвией, Литвой и Эстонией вплоть до настоящего времени оборачиваются обвинениями в попытках ведения информационной войны за «умы» прибалтийцев. Так, советник президента Литвы, Виргиния Будене высказалась следующим образом: «Пытаются создавать новую пятую колонну, доказывая, что здесь могут быть русские школы, создаваемые на средства России» [2, с. 67]. Позиционирование российской «мягкой силы» в качестве завуалированной попытки организовать информационную войну на территории Прибалтики наблюдается и в Литве. Например, в 2014 г.

президент Литвы Даля Грибаускайте «...раскритиковала решение Сейма отклонить её законопроект об ограничении вещания российских телеканалов и сообщила о том, что Литва сегодня находится в состоянии пропагандистской войны с Россией» [5].

При этом Россия на регулярной основе оказывает поддержку русским школам в Прибалтике. Несмотря на повсеместное сокращение их количества, в настоящее время в таких школах всё ещё учатся тысячи русскоязычных граждан, в том числе самих латвийцев, эстонцев и литовцев. Однако политическое руководство прибалтийских стран ведёт акцентированную борьбу против данных школ, считая их угрозой национальной безопасности.

Вместе с тем культурное взаимодействие Прибалтики и России происходит более эффективно в тех сферах, которые не сопряжены с политикой, в том числе в сфере моды. Так, в последние десятилетия в музеях Риги и Вильнюса регулярно проводятся выставки российского модельера Александра Васильева. Его книги также публикуются на латышском языке. Отдельное внимание уделяется российскому сценическому и балетному искусству, которое широко признаётся в Прибалтике, однако после 2022 г. участие российских артистов в культурной жизни прибалтийских стран существенно снизилось.

В течение последних лет внешнеполитическое взаимодействие России со странами Прибалтики в сфере культуры переживает глубокий кризис. В первую очередь это связано с мощным санкционным давлением на Россию и деятелей российской культуры. По этой причине культурный обмен между странами в настоящее время реализуется исключительно в сетевом пространстве, на уровне социальных сетей и медиаконтента. Мы полагаем, что подобный сетевой диалог на уровне культуры также способен стать действенным механизмом «мягкой силы» России, которая в итоге позволит перевести формат взаимодействия между нашей страной и прибалтийскими государствами в конструктивное русло.

Список литературы:

1. Дюков, А.Р. Накануне Холокоста. Фронт литовских активистов и советские репрессии в Литве, 1940–1941 гг.: Сборник документов / А.Р. Дюков. – М.: Фонд «Историческая память», 2012. – С. 10–25.
2. Иванова, Н.А. Официальный и публичный диалог между Литвой и Россией: поиск коммуникативных решений / Н.А. Иванова // Вестник МГИМО (Университета). – 2015. – № 5(44). – С. 63–71.
3. Латвия разрывает соглашения о сотрудничестве с РФ в сфере культуры // Радио Sputnik. URL: <https://radiosputnik.ru/20220517/latviya-1789094041.html> (дата обращения: 28.02.2024).
4. Литва Малая // Большая Российская энциклопедия: в 30 т. Т. 17. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2010. – 782 с.
5. Литва: Президент объявила о пропагандистской войне с Россией // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/in-world/2014/10/15/litva-prezident-obyavila-opropagandistskoy-voyne-s-rossiey.html> (дата обращения: 28.02.2024).
6. Мельтюхов, М.И. Нарастание советского военного присутствия в Прибалтике / М.И. Мельтюхов // Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. – М.: Вече, 2000. – 605 с.
7. Министерства культуры России и Латвии подписали соглашение о сотрудничестве // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20020314/89565.html> (дата обращения: 28.02.2024).
8. Российско-латвийское сотрудничество в области культуры // Посольство РФ в Латвийской Республике. URL: https://latvia.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/rossiysko_latviyskoe_sotrudnichestvo_v_oblasti_kultury/ (дата обращения: 28.02.2024).
9. Симонян, Р.Х. Русскоязычная диаспора в странах Балтии: современное состояние и перспективы / Р.Х. Симонян // Балтийский регион. – 2022. – Т. 14. – № 2. – С. 144–157.
10. Худoley, К.К. Советизация Балтийских государств летом 1940 года и ее последствия / К.К. Худoley // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2013. – № 1. – С. 94–110.
11. Anholt, S. Why brand? Some practical considerations for nation branding / S. Anholt // Place Branding. Vol. 2. Palgrave Macmillan Ltd, 2007. – P. 97–107.
12. Valk, H. Two Roads to the Independence of Estonia or the Popular Front versus the Congress of Estonia / H. Valk // The Baltic Way to Freedom. Non-violent struggle of the Baltic States in a global context. – Riga, 2005. – 479 p.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 325.2

*Н.А. Толпеко**Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор В.П. Степанов***ДИАСПОРАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА КАК ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТ
В УПРАВЛЕНИИ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ**

В данной статье рассматривается проблематика взаимодействия диаспоральных сообществ и государственных структур в миграционных процессах, анализируется управленческий потенциал диаспор. Работа опирается на труды Л.Л. Шамилёвой, Д.С. Гулиной, М.А. Южанина, И.Д. Лошкарёва. В качестве предмета исследования выступает роль диаспоральных организаций в системе управления миграционными процессами. Отмечено, что управление данными процессами необходимо осуществлять в соответствии с интересами принимающего государства, основными из которых являются экономические, политические и социально-культурные. Важнейшую роль здесь играют организации, представляющие диаспоры, поскольку они могут стать посредническим звеном в процессе интеграции и адаптации мигрантов в инокультурном пространстве. Также на основании степени участия диаспор в миграционных процессах выделены три основные модели миграционной политики, характерные для современного мира.

Таким образом, в статье сформулирована роль этнических сообществ в управлении миграционными процессами, обозначен их управленческий потенциал в области миграционной адаптации.

Ключевые слова: миграционный процесс, диаспоры, миграционная политика, управленческий потенциал диаспор, мигранты.

*N.A. Tolpeko**Scientific supervisor – Doctor of Historical Sciences, Professor V.P. Stepanov***DIASPORAL COMMUNITIES AS A FUNCTIONAL ELEMENT IN THE MANAGEMENT
OF MIGRATION PROCESSES**

This article examines the problems of interaction between diasporic communities and government structures in migration processes, analyzes the managerial potential of diasporas. The work is based on the research of L.L. Shamileva, D.S. Gulina, M.A. Yuzhanin, I.D. Loshkarev. The subject of the study is the role of diaspora organizations in the migration management system. It is noted that the management of these processes must be carried out in accordance with the interests of the host state, the main of which are economic, political and socio-cultural. Organizations representing diasporas play an important role here, as they can become an intermediary link in the process of integration and adaptation of migrants in a foreign cultural space. Also, based on the degree of participation of diasporas in migration processes, three main models of migration policy characteristic of the modern world are identified.

Thus, the article formulates the role of ethnic communities in the management of migration processes, identifies their managerial potential in the field of migration adaptation.

Keywords: migration process, diasporas, migration policy, managerial potential of diasporas, migrants.

Миграционным процессом называется совокупность событий, результатом которых является изменение места жительства отдельного индивида или группы. Формально данный процесс можно разделить на три стадии или фазы: исходную, основную и заключительную. Разработка теории «трёхстадийности» миграционного процесса приходится на заключительное тридцатилетие XX века [1, с. 178–179].

Среди советских исследователей, одной из первых, кто уделил внимание концепции «трёхстадийности» миграционного процесса, была Л.Л. Шамилёва, считавшая, что миграционный процесс всегда проходит в своём развитии следующие этапы:

- 1) стадию потенциальной миграции;
- 2) стадию непосредственно самой миграции;
- 3) стадию последствий миграционных процессов.

Л.Л. Шамилёва объясняет обусловленность потенциальной миграции стимулами, необходимыми для реализации непосредственного перемещения, а также приводит последствия, в числе которых социально-экономические, демографические, и этнические [2].

Вне зависимости от мотивов миграции, данный процесс оказывает весомое воздействие на общество принимающего государства. Может затрагиваться социальная сфера, демографическая структура общества, культурная среда. Однако влияние может оказываться и на криминальную обстановку или даже стать причиной межэтнических разногласий. Поскольку воздействие на принимающую сторону неоднозначно, миграционные потоки должны контролироваться принимающим государством для избегания негативных последствий в процессе миграции.

По нашему мнению, осуществление управления миграционными процессами стоит осуществлять исходя непосредственно из интересов принимающего государства. К области основных интересов государства в сфере миграции можно отнести экономические, политические и социальные-культурные

Первая категория – это область экономических интересов. Экономическая сфера минимально подвержена воздействию со стороны культурной, а поскольку грань управленческого потенциала диаспоральных сообществ определяется духовно-культурными ценностями, данный потенциал может реализовываться и в экономическом отношении. При управлении особенно важно контролировать деятель-

ность таких организаций и пресекать её при возникновении угрозы интересам принимающего общества.

Вышесказанное в контексте экономических интересов верно и для политических, однако выбор диаспор для сотрудничества основывается на общем внешнеполитическом курсе государства.

Что касается социальных интересов государства, тут стоит понимать, что в основном диаспоральные сообщества не стремятся к соблюдению общепринятых социальных норм нового общества. Соответственно, необходим ненавязчивый контроль. В области культуры управление направлено в основном на изменение системы культурных предпочтений с выгодой для принимающего государства. Однако, это несовместимо с сущностью диаспоры, являющейся носителем культурных ценностей исторической родины. Соответственно, управление культурной адаптацией через диаспоральные сообщества встретит барьеры, возникающие на фоне противоречий между исконными ценностями диаспор и ценностями, которые планируется прививать принимающим государством при реализации культурной политики.

Основное направление социальной адаптации заключается в том, чтобы представитель диаспоры в принимающем социуме не отличался от граждан. Это эффективно, когда речь идёт о привлечении мигрантов на сравнительно небольшой период, в долгосрочной же перспективе преимущественным становится культурный аспект адаптационного процесса [3]. Для принимающего государства важно разделение, или хотя бы принятие мигрантом его социальных и духовных ценностей, иначе возрастает риск возникновения разногласий на межнациональной почве, что чревато конфликтом или даже открытым столкновением.

В зависимости от степени привлечения управленческого потенциала диаспор, можно выделить три основные модели миграционной политики, существующие на сегодняшний день [4, с. 96–100].

1. Бездиаспоральная модель управления миграционными процессами.

Иммиграционная система государств с данной моделью управления относительно закрыта. Регулирование миграционных процессов осуществляется государственными структурами – министерством внутренних дел, министерством труда и миграционными службами. Стоит отметить, что в странах, где миграционная политика осуществляется без привле-

чения диаспоральных сообществ, наблюдается сокращение их численности (например, крупнейшая некогда в Японии корейская диаспора) [5]. Однако результатом такой политики не всегда является сохранение этнической стабильности принимающего социума, поскольку игнорирование диаспор как актора миграционной политики может привести к сосредоточению этнических сообществ на территории принимающего государства как «анклавов» для временной миграции, в том числе нелегальной.

2. Модель государственного управления миграционными процессами с привлечением диаспор.

Страны, для которых характерен подобный тип миграционной политики, обычно имеют достаточно несложную процедуру въезда, особенно для трудовых мигрантов. Ведущую роль в формировании миграционного курса здесь играет экономическая заинтересованность, что становится приоритетнее мотива государственной миграционной безопасности, как в случае первой модели. Зачастую трудовых мигрантов оформляет сам работодатель, что даёт им некоторые преференции (например, в ОАЭ по истечении трудового договора работнику предоставляется возможность продлить визу и контракт, или же выдается сертификат международного образца и рекомендательные характеристики, что впоследствии помогает получить работу в любой точке мира).

Однако и в государствах с такой моделью миграционной политики имеются сложности с получением гражданства. Страны с экономической заинтересованностью в приоритете испытывают трудности в предоставлении мигрантам всего пакета социальных гарантий, а потому в качестве важного звена миграционной политики выступают диаспоры (в ОАЭ есть Государственный комитет по работе с диаспорами, куда может обратиться представитель любого диаспорального сообщества). Мигрантов привлекают визовые и трудовые привилегии, однако этого бывает не всегда достаточно для расширения полномочий диаспоры в государственной миграционной политике.

3. Неиерархичная модель участия диаспоры в управлении миграционными процессами.

Участие организаций, представляющих диаспоры, в управлении миграционными процессами в данном случае создаётся благодаря гарантиям государственной миграционной безопасности (например, использование ин-

формационных систем). Так, в США применяется система, использующая биометрические показатели и подключённую к банку персональных данных, доступ к которой предоставлен всем ведомствам по реализации миграционной политики [6, с. 121–129]. Также особенностью такой системы стало взаимодействие миграционного контроля и правосудия, на основании чего можно заключить, что миграционная безопасность имеет здесь первостепенное значение.

Тем не менее, глобализация, интеграция и интенсивность миграционных потоков обозначают необходимость использования фактора «мягкой силы» в выстраивании миграционных и внешнеполитических стратегий.

Таким образом, характерными особенностями неиерархичной модели являются обеспечение системы миграционной безопасности и взаимодействие с диаспорами. Дополнительной преференцией в выстраивании диаспорально-государственного партнерства становится высокий уровень образованности, поскольку государство, заинтересованное в получении квалифицированных кадров, выдаёт представителям таких диаспор больше виз и различных гарантий.

Обобщая высказанное, мы можем сделать вывод, что диаспора, обладая определенным потенциалом влияния, может становиться самостоятельным и весьма важным участником, как в миграционной политике государств, так и в мировой политике в целом.

Зачастую процесс адаптации для мигрантов сопровождается рядом проблем, среди которых юридические трудности, сложности с доступом к социальной защите (особенно в сфере здравоохранения и образования), а также с изучением нового языка. Если политика государства в области интеграции мигрантов не эффективна или отсутствует, соответствующие функции берут на себя негосударственные структуры, в частности, диаспоральные [7]. Соответственно, диаспоры способны стать неким посредническим звеном в процессе интеграции. Однако, следует понимать, что такие организации могут содействовать адаптации мигрантов лишь в силу возможностей, а не осуществлять регулирование миграционных процессов или заменять его со стороны государства.

Стоит отметить, что управленческий потенциал диаспоральных сообществ может иметь различный характер. Если рассматривать социальную, экономическую и политическую сферы, то управленческий потенциал

может реализовываться как согласно целям управления со стороны государства, так и сонаправлено личным целям диаспоры стороны, а значит носить как интеграционный, так и антиинтеграционный характер. Однако в сфере культуры управленческий потенциал диаспоральных организаций носит исключительную и выраженную антиинтеграционную направленность, поскольку диаспора сама по себе является носителем собственной системы культурных норм и ценностей [8, с. 129–130].

Чаще всего интересы диаспоральных организаций и государства в отношении адаптации мигрантов совпадают. Однако диаспоре более выгодно помогать мигрантам, планирующим остаться или приехать на длительный срок и, соответственно, влиться в социальную структуру государства. Кроме того, она не занимается культурной адаптацией, поскольку это идёт вразрез с самой сущностью и личными целями диаспоры. Государству же важно адаптировать всех приезжих, поскольку знание и соблюдение законов страны, языка, разделение культурных норм и ценностей принимающего общества сокращают вероятность межэтнических разногласий, а также упрощают и улучшают жизнь мигрантов в новом государстве.

Оказать качественную помощь диаспора может с:

- ознакомлением мигрантов с законодательством принимающего государства;

- оформлением необходимых документов;
- организацией процесса изучения языка;
- размещением (как временным, так и постоянным) и трудоустройством;
- защитой и психологической поддержкой мигрантов.

Таким образом, нами сформулирована роль диаспоральных сообществ в структуре управления миграционными процессами, обозначен их управленческий потенциал в области миграционной адаптации.

В заключение мы можем сделать вывод, что использование диаспор как посредника в вопросах взаимодействия принимающего государства и мигрантов может иметь непростую реализацию. Она осуществляется стабильно, если двум сторонам выгодно сотрудничество, однако, если интересы государства и диаспоральных организаций расходятся, необходимо согласование интересов этих сообществ с интересами властных структур принимающего общества. Таким образом, использование диаспор в качестве посреднического звена в структуре управления миграционными процессами имеет весомый управленческий потенциал, полностью заменить который невозможно. Однако государству необходимо проработать эффективную систему контроля деятельности диаспоральных организаций в качестве посредника.

Список литературы:

1. Демографический понятийный словарь / Под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. – М.: ЦСП, 2003 – 352 с. С. 349.
2. Шамилева, Л.Л. Моделирование миграций населения в районе: (На примере Донецкой области: автореф. дисс. канд. экон. н. / Л.Л. Шамилева. – М., 1975. – 28 с.
3. Южанин, М.А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу / М.А. Южанин // Социс. – 2007. – №5 (277). – С. 70–77.
4. Гулина, Д.С. Современные вызовы миграционной политики: роль диаспор // Социология. – 2019. – № 3. – С. 93–101.
5. Савинов, Л.В., Шевцова, Е.В. Анатомия этнополитики: Монография Scientific magazine «Kontsept», 2015. – 376 с.
6. Ефремов, И. А. Иммиграционная политика в США / И. А. Ефремов // Демографическое обозрение. – 2015. – № 2(2). – С. 121 – 129.
7. Кашпур, В.В., Поправко, И.Г. Социокультурная адаптация мигрантов: проблемы и стратегии (Томский кейс) / В.В. Кашпур, И.Г. Поправко // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 354. – С. 88–92.
8. Лошкарёв, И.Д. Роль диаспор в современной мировой политике / И.Д. Лошкарёв // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 2(41). – С. 127–132.

ПРАВО

УДК 34

Т. В. Васильева

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА, ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ И КОНТРОЛИРУЮЩИХ ОРГАНОВ

Институт государственной защиты в отечественном законодательстве является новым. Данный институт включают нормы уголовного, уголовно-процессуального, оперативно-розыскного, уголовно-исполнительного законодательства, а также иных специальных законов, направленных на государственную защиту лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве и реализующих в нем разные функции. В статье акцентируется внимание на проблемных аспектах правового регулирования этого института.

Ключевые слова: государственная защита, меры безопасности, защищаемые лица, организованная преступность, свидетели, потерпевшие, должностные лица, правоохранительные, контрольные органы, законодательство, правовое регулирование.

T. V. Vasilyeva

PROBLEMATIC ASPECTS OF LEGAL REGULATION OF STATE PROTECTION OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS, OFFICIALS OF LAW ENFORCEMENT AND REGULATORY AUTHORITIES

The institution of state protection in the domestic legislation is new. This institution includes the norms of criminal, criminal procedure, operational investigative, penal enforcement legislation, as well as other special laws aimed at state protection of persons involved in criminal proceedings and performing various functions in it. The article focuses on the problematic aspects of the legal regulation of this institution.

Key words: state protection, security measures, protected persons, organized crime, witnesses, victims, officials, law enforcement, control bodies, legislation, legal regulation.

Концепция национальной безопасности Российской Федерации определяет в качестве одной из внутренних угроз, посягающих на общественную безопасность страны, преступность. Наиболее опасным видом преступности является организованная преступность, которая представляет собой систематическое совершение криминальных деяний управляемыми преступными формированиями.

Организованная преступность тесно связана с такими криминальными проявлениями как подкуп, психологическое и физическое насилие в отношении судей, должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование, оперативно-розыскную деятельность по уголовным делам о преступлениях, совершённых участниками организованных преступных групп, должностных лиц контролирующих органов, также в отношении потерпевших и свидетелей в связи с их участием в уголовном судопроизводстве и их родственников, близких лиц. Целью такого насилия являются запуги-

вание либо физическое устранение лиц, участвующих в досудебном и судебном производстве по уголовным делам.

Осознавая опасность организованной преступности, с середины 1990-х гг. в России началось формирование правовой базы обеспечения государственной защиты лиц, которые участвуют в уголовном судопроизводстве. Под государственной защитой понимается система правовых, процессуальных, оперативно-розыскных и организационных мер, реализуемых государственными органами и направленными на устранение реальной угрозы жизни, здоровью и имуществу защищаемых лиц в связи с их участием в уголовном судопроизводстве.

Процесс создания правовых основ государственной защиты был длительным и непоследовательным: принимались законодательные акты, нормы которых не было возможности применять, либо не всегда нормы законо-

дательных актов были соотносимы друг с другом.

Одним из первых законов, направленных на государственную защиту лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство либо участвующих в нём, был Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (далее – Закон), которые в своей профессиональной деятельности находятся на переднем крае борьбы с преступностью, и у которых шанс стать объектом криминального насилия или его угрозы, чрезвычайно высокий, а значит государство обязано их защитить.

Закон определил основания применения государственной защиты, виды мер безопасности, которые могут осуществляться в отношении защищаемых лиц, к числу которых Закон относит судей, прокуроров, следователей, лиц, производящих дознание, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов. Этот нормативный акт не защищал свидетелей, потерпевших и иных участников уголовного процесса.

Статья 5 Закона закрепила перечень мер безопасности, которые могут применяться в случае принятия положительного решения о взятии лица под государственную защиту – личная охрана, охрана жилища и имущества, обеспечение индивидуальными средствами защиты и специальной связи, временное помещение защищаемого лица в безопасное место, обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице, перевод его на другую работу или службу, изменение места работы или учебы, переселение на другое место жительства, замена документов, изменение внешности [1]

Информация о применяемых мерах безопасности в отношении конкретного защищаемого лица является служебной тайной и не должна разглашаться должностными лицами, которые ею владеют в связи со служебной деятельностью. Общественная опасность разглашения сведений о мерах безопасности заключается в том, что это может повлечь негативные последствия для защищаемых лиц – причинению вреда здоровью, убийству, похищению их родственников и близких лиц, уничтожению имущества.

С 1 января 1997 г. был введён в действие Уголовный кодекс Российской Федерации, в Особой части которого были закреплены нормы, предусматривающие уголовную ответственность за разглашение информации о

мерах безопасности, применяемых в отношении защищаемых лиц – ст. 311 «Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса» и ст. 320 «Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа» [2]. Закрепление данных норм в Уголовном кодексе РФ следует рассматривать как очередной шаг в формировании полноценного института государственной защиты в отечественном законодательстве. В целом оценивая положительно закрепление данных норм в УК РФ, необходимо отметить, что диспозиция ст. 311 УК РФ далека от совершенства и в силу этого была сложна в ее применении.

Название статьи 311 УК РФ «Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса» свидетельствует о том, что данная норма направлена на защиту лиц, отправляющих правосудие либо участвующих в уголовном судопроизводстве в качестве его участника, а также их близких. В диспозиции указанной статьи перечислены защищаемые лица – судья, присяжный заседатель или иные лица, участвующие в отправлении правосудия, сотрудник органов принудительного исполнения Российской Федерации, потерпевший, свидетель, другие участники уголовного процесса, а равно их близкие.

К иным лицам, участвующим в отправлении правосудия, мы относим прокурора – государственного обвинителя, адвоката – защитника, адвоката – представителя, которые не отправляют правосудие, поскольку эта функция суда, но участвуют в процессе отправления правосудия.

Уголовный закон в данной норме в число защищаемых лиц включил потерпевшего, свидетеля, иных участников уголовного процесса, а также их близких, но в 1997 г. на момент введения ст. 311 УК РФ отсутствовал специальный закон о государственной защите указанных лиц, который регулировал бы порядок и основания для применения мер безопасности в отношении них, что создавало правовую неопределённость и невозможность применения указанной нормы в отношении вышеперечисленных лиц в судебной практике вплоть до принятия Федерального закона от 20.08.2004 г. № 119-ФЗ. «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», вступившего в действие с 1 января 2005 г. [3].

Только после принятия этого Закона стало возможным применять меры безопасности в отношении потерпевших, свидетелей, иных участников уголовного судопроизводства и их близких, поскольку он закреплял основания и виды реализуемых в отношении них мер безопасности, социальные и правовые гарантии предоставляемой государственной защиты.

Уголовный кодекс РФ в ст. 311 включает в перечень защищаемых лиц также сотрудника органов принудительного исполнения, к которым относится Федеральная служба судебных приставов России и её должностные лица. На наш взгляд, включение в данный перечень должностных лиц ФССП России является неправомерным, поскольку они реализуют в своей деятельности обеспечительную функцию, не являясь при этом участниками уголовного процесса – обеспечивают установленный порядок деятельности судов, т. е. общественный порядок в здании судов, в ходе судебного заседания, выполняют распоряжения председательствующего в судебном заседании.

Включение в перечень защищаемых лиц судебных приставов по обеспечению установленного порядка деятельности судов, которые не являются участниками уголовного процесса, входит в противоречие с названием статьи 311 «Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса». Правомерность нашей позиции подтверждает Уголовно-процессуальный кодекс РФ, который в главах 5, 6, 7, 8 Раздела II закрепляет перечень и статус участников уголовного судопроизводства. и указание на судебных приставов ФССП России там отсутствует.

Следует исключить из перечня защищаемых лиц, указанных в ст. 311 УК РФ, должностных лиц органов принудительного исполнения и включить их в число защищаемых лиц в ст. 320 УК РФ «Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа». В пользу этого предложения следует привести положение, закрепленное в ст. 6.1 Федерального закона от 21.07.1997 г. (в ред. 21.12.2021 г.) «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации», определяющее статус ФССП России – это федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по обеспечению установленного порядка деятельности судов, исполнению судебных актов, актов других органов и должностных лиц, правоприменительную функцию и функции по

контролю и надзору в установленной сфере деятельности [4].

И в ст. 311 УК РФ и в ст. 320 УК РФ в перечень защищаемых лиц законодатель включил близких лиц судьи, присяжного заседателя, участников уголовного процесса, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, которые могут быть также объектами криминального насилия или угроз, в связи с чем они могут быть взяты под государственную защиту. Уголовный кодекс РФ, введённый в действие с 01.01.1997 г., не дал разъяснения, кто конкретно подпадает под понятие «близкое лицо», что затрудняло применение государственной защиты в отношении близких лиц.

Принятый и введённый в действие с 1 июля 2002 г. новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации законодательно определил понятие «близкого лица», а также расширил круг таких лиц, в отношении которых могут быть применены меры безопасности. Если ранее принятые законодательные акты включали в число защищаемых объектов только близких лиц участников уголовного судопроизводства, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, то действующий УПК РФ определяет, что к защищаемым лицам могут быть отнесены близкие родственники (в соответствии с п. 4 ст. 5 УПК РФ это супруга, супруг, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дедушка, бабушка, внуки), родственники и близкие лица. Согласно п. 3 ст. 5 УПК РФ к близким лицам относятся лица, состоящие в свойстве с потерпевшим, свидетелем, а также лица, с которыми у потерпевшего, свидетеля сложились особые личные отношения и чья жизнь, здоровье и благополучие дороги и небезразличны для потерпевшего, свидетеля [5]. Очевидно, что норма УПК РФ входит в противоречие со ст. 311 и ст. 320 УК РФ, в диспозициях которых используется только понятие «близкого лица», а значит близкие родственники и родственники не попадают в круг защищаемых лиц.

Учитывая, что УПК РФ, вступил в действие значительно позже УК РФ, и расширил круг защищаемых лиц, необходимо внести изменения в диспозицию ст. 311 УК РФ, заменив слово «близкие» на «близкие родственники, родственники и близкие лица», и изложить её в следующей редакции: «1. Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении пра-

восудия, потерпевшего, свидетеля, других участников уголовного процесса, а равно в отношении их близких родственников, родственников или близких лиц, если это деяние совершено лицом, которому эти сведения были доверены или стали известны в связи с его служебной деятельностью».

Аналогичное изменение необходимо внести в диспозицию ст. 320 УК РФ «Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица пра-

воохранительного или контролирующего органа», поскольку в ней также используется термин «близкие».

Анализ действующих законодательных норм свидетельствует, что имеются противоречия и неопределенность правового регулирования некоторых аспектов государственной защиты, требующих законодательного совершенствования.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» // СПС КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6425/ (дата обращения: 31.01.2024).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024 г.) // СПС КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: (дата обращения: 07.04.2024).
3. Федеральный закон от 20.08.2004 г. № 119-ФЗ (последняя редакция) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СПС КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48959/ (дата обращения: 31.01.2024).
4. Федеральный закон от 21.07.1997 г. (в ред. 21.12.2021 г.) № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15281/ (дата обращения: 31.01.2024).
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024 г.) // СПС КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 23.04.2024).

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, Калуга

УДК 342.9

*Т. В. Васильева, Д. П. Юрасова***ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОЛЛЕКТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ**

Коллекторская деятельность является новой для российской действительности и в течение десятилетия находилась вне правового поля, что приводила к негативным последствиям в виде нарушения прав граждан, порче или уничтожению их имущества. В статье авторы представили краткий анализ нормативных основ, регулирующих деятельность организаций, осуществляющих возврат просроченной кредитной задолженности, в качестве основного вида деятельности и контроля за ними.

Ключевые слова: коллектор, коллекторская деятельность, возврат просроченной задолженности, кредитор, должник, федеральный закон, правовые основы

T. V. Vasilyeva, D. P. Yurasova**LEGAL REGULATION OF COLLECTION ACTIVITIES IN RUSSIA**

Collection activity is new to Russian reality and has been outside the legal field for a decade, which led to negative consequences in the form of violation of citizens' rights, damage or destruction of their property. In the article, the authors presented a brief analysis of the regulatory framework governing the activities of organizations engaged in the repayment of overdue credit debts, as the main type of activity and control over them.

Key words: collector, collection activity, repayment of overdue debts, creditor, debtor, federal law, legal framework

Реформы в банковской сфере, происходившие в начале 1990-х гг. прошедшего века в России способствовали появлению большого количества банковских и кредитных организаций, росту рынка розничного кредитования. На фоне нестабильной экономической ситуации 2000-х гг. в стране, снижения материальных доходов у значительной части населения наблюдалось увеличение количества потребительских кредитов, что, в свою очередь, привело к увеличению объёмов просроченной задолженности банкам.

Необходимость возврата заёмных средств вынуждала банковские и кредитные учреждения решать несвойственные для них задачи – принуждать должников к погашению просроченных задолженностей по кредитным обязательствам. Рост проблемной задолженности и неспособность банковских и иных кредитных учреждений её возратить способствовали появлению некоммерческих структур, деятельность которых была направлена на воздействие в отношении должников с целью добровольного погашения ими просроченной задолженности.

В этой сфере начали стихийно появляться коллекторские агентства – организации, которые имели узкую направленность своей деятельности, заключающуюся в возврате кредиторам в лице банковских или кредитных учреждений просроченных заёмных денежных средств.

Под коллекторской деятельностью следует понимать профессиональную деятельность организаций-посредников, состоящую во

взыскании преимущественно бесспорных массовых однотипных долгов [1, с. 267]. Эта деятельность осуществляется коллекторскими агентствами, то есть юридическими лицами, целью которых является способствование производству платежей по кредитным задолженностям физических и юридических лиц. Банкам выгодно сотрудничать с коллекторскими агентствами, что объясняется рядом факторов:

- Работа с коллекторским агентством облегчает задачу банку по возврату заёмных денежных средств. Банк, заключая соглашение с такой организацией, только выигрывает: работа по взысканию долгов проходит быстрее, и банку не нужно тратить свои ресурсы на возвращение просроченных заёмных денежных средств, что позволяет направить время и силы на решение основной задачи.

- Заключая договор с коллекторами, банк в определённой степени может избежать «имиджевые потери»: процесс принудительного возврата денежных средств для любого заемщика неприятен. Общение с банком касательно подобного вопроса может отбить у клиента

желание сотрудничать в будущем с этим банком и оттолкнуть потенциальных клиентов. Поэтому агентства помогают банкам избежать такого рода проблемы.

Первые коллекторские организации в России были зарегистрированы в 2004 году. В указанные годы их деятельность осуществлялась на основании общих норм гражданского законодательства: на основании договора цессии кредитор может передать другому лицу право требования, при этом согласие должника (если иное не установлено законом или договором) не требовалось (ст. 382 Гражданского кодекса РФ).

Специального закона, регулирующего деятельность коллекторов и осуществления контроля за ней, в указанный период времени в России не было. Сложилась парадоксальная ситуация в стране: де-факто существуют коллекторские агентства, реализующие определённую деятельность, де-юре – этого вида деятельности нет, поскольку отсутствует её нормативное регулирование. Такая правовая неопределённость способствовала использованию в указанной сфере недобросовестных практик в отношении должников и даже таких криминальных проявлений как угрозы жизни, оказание физического давления, порча имущества с целью склонить должника к якобы добровольному погашению образовавшейся кредитной задолженности.

В условиях отсутствия законодательной регламентации коллекторской деятельности становилось всё более очевидным, что общественные отношения, связанные с деятельностью по возврату просроченной задолженности физических лиц, возникшей из денежных обязательств, нуждаются в детальном правовом регулировании.

Принятый 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ Федеральный закон «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» закрепил механизм работы с должниками в сфере потребительского кредитования. Целью его принятия была необходимость защиты прав вышеуказанных лиц.

Следует отметить, что в российском законодательстве не используются термины «коллектор», «коллекторская деятельность». В принятом Федеральном законе эти термины тоже отсутствуют, однако в нём упоминаются

лица, действующие от имени кредитора и (или) в его интересах. Данная законодательная формулировка тождественна понятию коллектор. В законе закрепляются права коллекторов в отношении должника. Они вправе взаимодействовать с заёмщиком путём личных встреч или используют телефонные и иные виды переговоров, а именно телеграфные, голосовые, текстовые сообщения и почтовые отправления по месту пребывания или месту жительства должника. Возможно использование иных способов взаимодействия с должником, однако, они могут быть использованы только путём заключения письменного соглашения между кредитором (и иным лицом, действующим от его имени или представляющим его интересы) и должником.

Помимо прав, установленных федеральным законом, перечислены определённые обязанности нового кредитора или лица, действующего в его интересах. К ним относятся: выполнение своих обязанностей в соответствии с законом, запрет на использование в отношении должника угроз, физической силы, применение методов, ставящих под угрозу жизнь и здоровье людей, оказание психологического давления, введение в заблуждение должника и иных лиц. Запрещается разглашение каких-либо данных о должнике, а также размещение таких сведений в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [2].

Большинство коллекторских организаций существуют и работают как агенты кредитора, и собирают долги за вознаграждение, формирующееся согласно количеству собранных финансовых средств в форме выплаты заранее определённых процентов от общей суммы взысканной задолженности. Статистика показывает, что в 2018 г. объём просроченных платежей граждан в России составил 1,7 трлн руб. или 12,4% от суммы кредитов всех граждан. Объём взыскания задолженности коллекторскими организациями вырос в 2020 г. на 6,8% [3].

Принятие Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон "О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях"» определило механизм контроля за данным видом деятельности.

Важность реализации контрольных функций в отношении организаций, осуществляющих возврат просроченных кредитных

платежей, очевидна, поскольку она может быть сопряжена с принуждением и нарушением прав граждан-должников и иных лиц. СМИ неоднократно освещали случаи, когда коллекторы используют незаконные рычаги механизма взыскания задолженностей, путём выбивания долгов, психологического давления.

В соответствии с Федеральным законом «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ, Постановлением Правительства РФ от 25 июня 2021 г. № 1004 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за деятельностью юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности, включенных в государственный реестр юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности» обязанность выполнять функцию контроля (надзора) в отношении коллекторских организаций возложена на органы Федеральной службы судебных приставов России [4;5].

В содержание функции государственного контроля (надзора) ФССП России входит:

- ведение государственного реестра юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности;

- рассмотрение сведений о фактах нарушения юридическим лицом требований Федерального закона от 03.07.2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон "О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях», о фактах несоответствия юридического лица, его учредителей (участников), органов и работников коллекторского агентства требованиям, установленным Законом;

- проведение контрольных (надзорных) проверок деятельности коллекторских организаций;

- принятие решений и вынесение предписаний по результатам проверок юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида

деятельности, включенных в государственный реестр.

Ведение государственного реестра и включение в него юридических лиц, занимающихся взысканием просроченной задолженности, необходимо рассматривать в качестве реализации функции государственного контроля (надзора) ФССП России, поскольку только организации, внесённые в государственный реестр вправе осуществлять данный вид деятельности.

Государственный реестр юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности, ведётся на бумажном и электронном носителях. Сведения, содержащиеся в государственном реестре, являются открытыми и общедоступными и размещаются на официальном сайте ФССП России в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

В полномочия ФССП России входит проведение внеплановых выездных проверок при наличии поступившей информации либо жалобы должников о нарушениях в деятельности коллекторов, при этом, за государственным органом остаётся право не уведомлять заранее юридические лица о проведении подобного рода мероприятий. Стоит отметить, что проверочные мероприятия в отношении коллекторских организаций, органы ФССП России могут проводить только в том случае, если коллекторское агентство включено в государственный реестр юридических лиц.

Помимо этого, ФССП России имеет право истребовать документы, а также иные носители информации, или их копии для проведения оценки соблюдения юридическим лицом законодательства Российской Федерации.

В случаях, если уполномоченное лицо органа ФССП России выявляет нарушения, то оно вправе выдать предписание об устранении нарушений. Как нам представляется, необходимо внести дополнение в Закон, закрепляющее право контролирующего органа ФССП России устанавливать ограничения для отдельных способов взаимодействия коллекторов с должниками. Такие меры могут распространяться на один или несколько способов на срок до 60 календарных дней. Подконтрольная коллекторская организация может ходатайствовать о досрочном снятии установленных ограничений в случае устранения нарушений и принятия необходимых мер к их недопущению.

В соответствии с Законом орган ФССП России, осуществляя контрольную (надзорную) функцию, при наличии оснований вправе принять решение об исключении юридического лица, осуществляющего возврат просроченной задолженности в качестве основной деятельности, из государственного реестра, что влечёт запрет на занятие данным видом деятельности.

Реализация государственного контроля (надзора) органами ФССП России в отношении коллекторских организаций является новой функцией, в связи с чем в последние годы законодательная база в сфере регулирования коллекторской деятельности получила значительное развитие, что, безусловно, способствовало её совершенствованию.

Список литературы:

1. Тавасиев, А. М. Банковское дело: учебник для среднего профессионального образования / А. М. Тавасиев – 4 изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2023 – 546 с.
2. Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 230-ФЗ (ред. от 20.10.2022 г.) «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон "О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // СПС КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200497/ (дата обращения: 18.11.2023)
3. Коллекторы – последние и свежие новости сегодня и завтра. URL: <https://iz.ru/tag/kollektor> (дата обращения: 18.11.2023).
4. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/ (дата обращения: 18.11.2023 г.).
5. Постановление Правительства РФ от 25 июня 2021 г. № 1004 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за деятельностью юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности, включенных в государственный реестр юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности» // СПС КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388765/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 18.11.2023).

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 340.131.4

ОСОБЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В РСФСР*А.А. Храмцов, О.С. Афонина*

В статье рассмотрено законодательство СССР для установления характерных черт отдельных его актов. Анализу подвергаются конституционные, уголовные, а также правительственные нормативные-правовые акты как довоенного периода, так и времён развитого социализма. На основе сравнения норм права некоторых законодательных актов и обзора судебной практики формулируются выводы о достоинствах и недостатках юридической техники советского законодателя.

Ключевые слова: юридическая техника, история, юриспруденция, РСФСР, право.

*А.А. Khramtsov, O. S. Afonina***FEATURES OF LEGAL TECHNOLOGY IN THE RSFSR**

The article examines the legislation of the USSR to establish the characteristic features of its individual acts. Constitutional, criminal, as well as governmental normative legal acts of both the pre-war period and the times of developed socialism are analyzed. Based on a comparison of the legal norms of some legislative acts and a review of judicial practice, conclusions are drawn about the advantages and disadvantages of the legal technique of the Soviet legislator.

Key words: legal technique, history, jurisprudence, RSFSR, law.

Революция 1918 года ознаменовала собой переход России в совершенно новую форму. Изменения, касавшиеся государственно-политического устройства страны, не могли не затронуть и правовую жизнь общества. Первым, наиболее значимым нормативно-правовым актом (далее – НПА) советской власти была «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» (далее – Декларация), принятая III Всероссийским съездом Советов 12 января 1918 г. Данный документ можно назвать прототипом Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (далее – РСФСР) 1918 г., так как многие из его положений без изменений вошли в Основной закон. Помимо непосредственной схожести в содержании названные два документа обладают большим количеством норм-принципов, о чём свидетельствуют следующие пункты Декларации:

- В осуществление социализации земли частная собственность на землю отменяется и весь земельный фонд объявляется общенародным достоянием и передается трудящимся без всякого выкупа, на началах уравнительного землепользования.

- Все леса, недра и воды общегосударственного значения, а равно и весь живой и мертвый инвентарь, образцовые поместья и сельхозпредприятия объявляются национальным достоянием [1].

Аналогичные положения присутствуют и во гл. 2 Конституции РСФСР 1918 г. [2]. Стоит

отметить, что Декларация, равно как и Конституция РСФСР 1918 г. изобилуют эпитетами [2].

На наш взгляд, включение в текст официального документа таких слов и выражений как «беспощадное», «паразитических», «вырвать человечество из когтей финансового капитала» и т.д. имеет исключительно практическую функцию, которая заключается в том, что ввиду того что электорат Российской социал-демократической рабочей партии состоял из неграмотных или малограмотных рабочих и крестьян законодателю необходимо было как можно доступнее объяснить населению новую политику государства и истолковать права и обязанности граждан. Вместе с тем, такой подход к составлению НПА имеет и свои недостатки, обусловленные скудностью правового массива, на который могут законодатели.

Примером могут служить расплывчатые формулировки, то есть, в Декларации упоминаются «нация», «общество» и «человечество», а также отдельные социальные группы (помещики, буржуазия и т.п.), но нигде не говорится о том, что законодатель подразумевает под каждым из этих терминов. В связи с этим возникают абстрактные правовые коллизии, когда в законе написано одно, а фактически происходит другое.

Например, несмотря на то, что в ч. 2 п. 1 Декларации указано, что «весь земельный фонд объявляется общенародным достоянием и передается трудящимся» [1], во втором пункте той же части говорится о переходе средств производства в «собственность Советской Ра-

боче-Крестьянской Республики» [1], а земля – это средство производства.

На самом деле нечёткие формулировки в НПА – это главная особенность юридической техники в Союзе Советских Социалистических Республик (далее – СССР). Правда, если, в начале правления советской власти – это можно было объяснить дефицитом квалифицированных специалистов, необходимостью быстро принимать новые законы и скудностью общего правового массива, то в последующие годы советский законодатель нашёл несколько иное применение данному явлению.

Так, по мнению В. Н. Чалидзе «метод нечёткой формулировки нормы закона использовался с тем, чтобы по возможности расширить круг лиц, пригодных для преследования в соответствии с данной нормой» [6]. Применительно к конкретным нормам (ст. 206 Уголовного Кодекса РСФСР (далее – УК РСФСР) 1960 г.) можно сказать, что кроме репрессивных возможностей нечёткие формулировки создавали и трудности для отправления правосудия. В 3 абз. ст. 206 УК РСФСР злостное хулиганство толкуется через альтернативу «особой дерзости» либо «исключительного цинизма» [4], конечно, толкование этих двух понятий не даётся ни в одном НПА, поэтому, в данном случае адвокату будет не просто доказать перед судом отсутствие злостного хулиганства в действиях своего подзащитного, а суду принять справедливое решение.

При рассмотрении уголовного законодательства СССР нельзя не упомянуть о принципе аналогии, который, несмотря на доктринальное противоречие с Конституцией СССР [5], широко применялся до 1958 г.

В. Чалидзе считает, что применение принципа аналогии в уголовном праве обусловлено политическими мотивами законодателя, так как с помощью него можно ужесточить наказание деликвентам, представляющим

опасность для национальной безопасности страны [6]. В качестве примера автор приводит радиохулиганов [6].

Тем не менее, применение аналогии способно повлечь очевидно несправедливое или странное наказание и для аполитичных правонарушителей. Подобные казусы мы можем наблюдать в работах М. А. Чельцова-Бебутова, который описал применение ст. 169 УК РСФСР 1922 г., к лицам даже не совершавшим половой акт с потерпевшей [7]. Или пример ситуации, когда суд квалифицировал обрезание как аборт [5]. Много примеров применения уголовного закона по аналогии можно привести, но это не является предметом нашей статьи, поэтому вернёмся к основному вопросу.

Интересным является тот факт, что способы совершения преступлений, предусмотренных ст. 162 УК РСФСР 1960 г. опубликованы в Постановлении Совета министров СССР «Об утверждении положения о кустарно-ремесленных промыслах граждан» от 3 мая 1976 г. N 283 [3]. То есть, бланкетная норма ст. 162 УК РСФСР 1960 г., отсылает к НПА органа исполнительной власти, однако такой факт объясняется не каком-то незаконным вмешательством в законотворческий процесс, а тем, что в СССР отрицался принцип разделения властей, поэтому орган любой ветви власти мог принимать НПА равной юридической силы.

В заключении хочется сказать, что, несмотря на свои недостатки, особенности юридической техники в РСФСР позволяли власти максимально оперативно реагировать на социальный запрос и вершить правосудие. Рассмотрев только конституционные и уголовные нормы, мы считаем, что данную тему можно осветить с точки зрения других отраслей права, что, в свою очередь позволит провести более обширные и всесторонние исследования данной темы.

Список литературы:

1. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа // Конституция Российской Федерации: [сайт]. — URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5320/> (дата обращения: 16.04.2024).
2. Конституция РСФСР 1918 г. // Конституция Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5320/> (дата обращения: 16.04.2024).
3. Постановление Совмина СССР от 03.05.1976 № 283 «Об утверждении Положения о кустарно-ремесленных промыслах граждан» // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=20612> (дата обращения: 16.04.2024).
4. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 23.06.1972) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 16.04.2024).

5. Тавгазов К. Несовместимость аналогии с Конституцией СССР / К. Тавгазов // Советская юстиция. – 1938. – № 22. – С. 7–8.
6. Чалидзе В. Уголовная Россия / В. Чалидзе. – Нью-Йорк: ХРОНИКА, 1977. – 400 с.
7. Чельцов-Бебутов М. А. Наша карательная политика и борьба с хулиганством / М. А. Чельцов-Бебутов // Право и жизнь. — 1926. — № 9. — С. 75–89.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Афонина Ольга Станиславовна – преподаватель кафедры юриспруденции Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: AfoninaOS@tksu.ru

Бессонов Вячеслав Витальевич – хранитель фондов ГБУК КО «Калужский объединенный музей-заповедник» E-mail: slavik40bes@yandex.ru

Белова Ирина Борисовна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: belovaib@tksu.ru

Бузилэ Александра – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 41.03.06 Публичная политика и социальные науки, профиль «Социально-политические коммуникации». E-mail: BuzileAI@studklg.ru

Васильева Татьяна Валентиновна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: vasilyevatv@tksu.ru

Власов Александр Евгеньевич – преподаватель кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: alexvlasov90@yandex.ru

Гуреев Ярослав Витальевич – магистрант Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, направление подготовки 46.04.01 История, магистерская программа «Региональная история межнациональных отношения. E-mail: gureevyv@studklg.ru

Голиков Константин Александрович – магистрант Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, направление подготовки 46.04.01 История, магистерская программа «Региональная история межнациональных отношения. E-mail: golikovka@studklg.ru

Исайкина Валерия Сергеевна – магистрант Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, направление подготовки 46.04.01 История, магистерская программа «Региональная история межнациональных отношения. E-mail: IsajkinaVS@studklg.ru

Карпенко Артем Алексеевич – студент Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 41.03.06 Публичная политика и социальные науки, профиль «Социально-политические коммуникации». E-mail: karpenkoaral@studklg.ru

Ковалев Артем Владимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Калужского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС). E-mail: artem-kovalev@yandex.ru

Кометчиков Игорь Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: kometchikoviv@tksu.ru

Кукушкин Владимир Михайлович – студент Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 41.03.06 Публичная политика и социальные науки, профиль «Социально-политические коммуникации». E-mail: kukushkinvm@studklg.ru

Курков Владимир Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: kurkovvv@tksu.ru

Луговой Валерий Викторович – старший преподаватель кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; председатель территориальной избирательной комиссии Октябрьского округа г. Калуги. E-mail: lugovoi@yandex.ru

Майорова Наталья Олеговна, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Калужского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). E-mail: mao956@mail.ru

Марченко Александр Евгеньевич – магистрант Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, направление подготовки 46.04.01 История, магистерская программа «Региональная история межнациональных отношения. E-mail: marchenkoae@studklg.ru

Насырова Камила Ибрагимовна – магистрант Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, направление подготовки 46.04.01 История, магистерская программа «Региональная история межнациональных отношения. E-mail: nasyrovaki@studklg.ru

Понарин Павел Валентинович – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Тульского филиала Международного юридического института. E-mail: ponarin_p@mail.ru

Резухин Петр Сергеевич – старший преподаватель кафедры церковной истории Тульской духовной семинарии. E-mail: mitra2003@mail.ru

Семёнова Виктория Сергеевна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 41.03.06 Публичная политика и социальные науки, профиль «Социально-политические коммуникации». E-mail: semenovavs@studklg.ru

Степанов Вячеслав Петрович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН; профессор кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: vpstepanovpochta@gmail.com

Тарасов Марк Олегович – аспирант кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: mrsobolev90@rambler.ru

Тарасова Любовь Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: tarasovalv@tksu.ru

Толпеко Нина Алексеевна – магистрант Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, направление подготовки 46.04.01 История, магистерская программа «Региональная история межнациональных отношения. E-mail: tolpekona@studklg.ru

Храмцов Андрей Алексеевич – студент Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 40.03.01 Юриспруденция. E-mail: khramtsovaa@studklg.ru

Штепа Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: a-v-steпа@yandex.ru

Юрасова Дарья Павловна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 40.03.01 Юриспруденция. E-mail: yurasovadp@studklg.ru

